
ОГОНЁК
№ 20 МАЙ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

МОСКВА. 8 МАЯ 1970 ГОДА. КРЕМЛЕВСКИЙ ДВОРЕЦ СЪЕЗДОВ. ТОРЖЕСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ 25-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ.

Основан 1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 20 (2237)
16 МАЯ 1970

ВЕЛИ

СВЕТЛО И ПРА

Громом аплодисментов встречают собравшиеся знамя Победы, водруженное над поверженным рейхстагом в мае 1945 года. В сопровождении почетного эскорта знамя Победы внесли Герои Советского Союза К. Я. Самсонов, М. А. Егоров, М. В. Кантария.

Фото А. Гостева.

ОМУ ПОДВИГУ 25 ЛЕТ

ДНИЧНО ОТМЕТИЛ СОВЕТСКИЙ НАРОД ДЕНЬ ПОБЕДЫ.

Москва. 8 мая. Руководители Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства у могилы Неизвестного солдата.

Москва. 9 мая. Сюда, к могиле Неизвестного солдата

СТРАНА СОВЕТОВ ПРАЗДНУЕТ ДЕНЬ

Москва. 9 мая. В сквере у Большого театра собрались на традиционную встречу ветераны войны. Жители столицы тепло приветствовали ветеранов авиационного полка «Нормандия — Неман» Игоря Эйхенбаума и Пьера Лорийона (слева).

Фото Н. Ситникова. ТАСС.

Девятое мая 1970 года. День Победы. Четверть века минуло с тех пор, как советский народ, разгромив гитлеровскую Германию, одержал всемирно-историческую победу над фашизмом.

Торжественно и празднично отмечала этот день Страна Советов.

8 мая в Москве, в Кремлевском Дворце съездов, состоялось торжественное собрание, посвященное 25-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. На собрание пришли представители трудящихся Москвы, воины армии и флота.

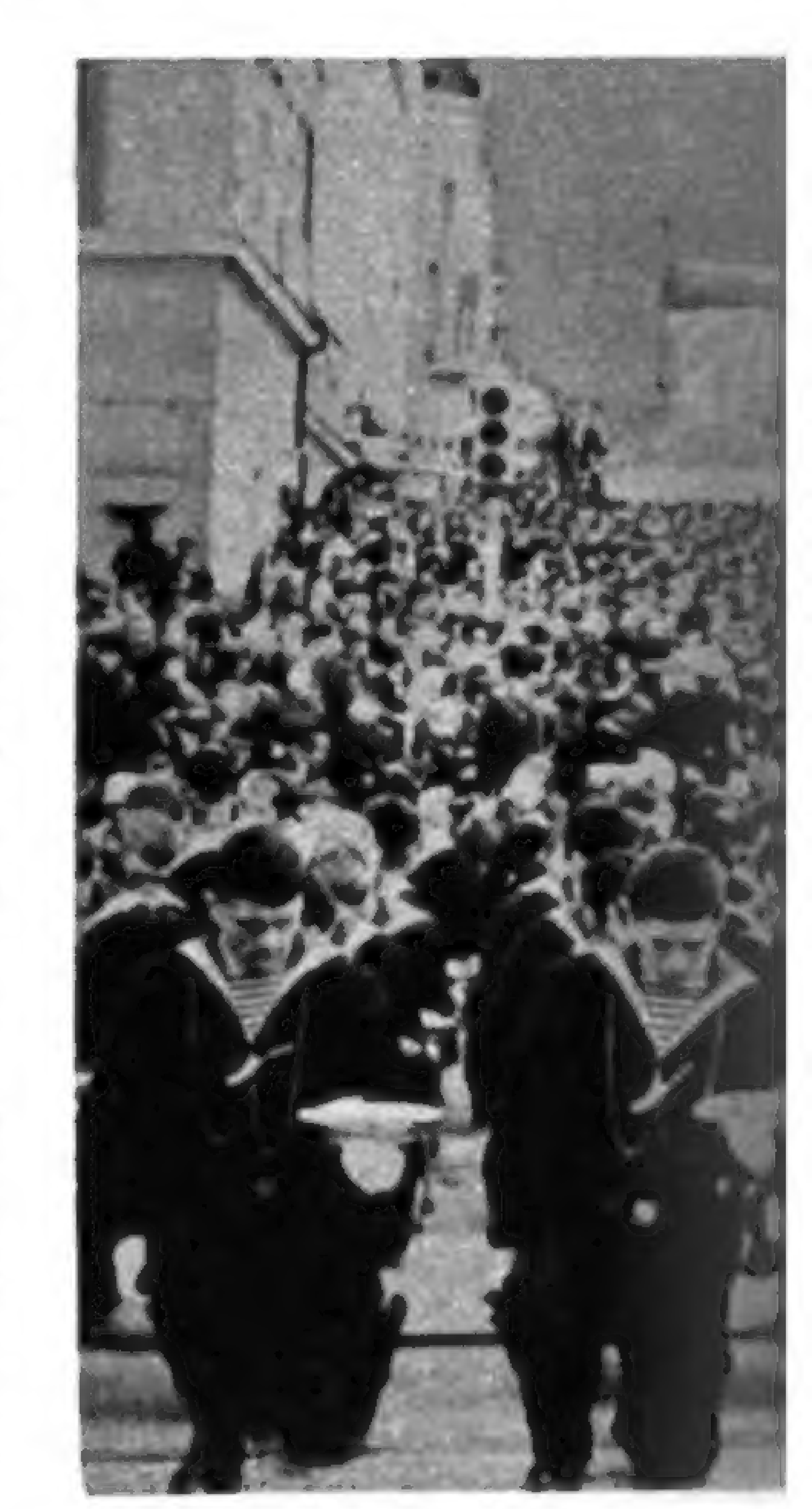
Бурными продолжительными аплодисментами встретили собравшиеся появление в президиуме товарищей Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, П. Н. Демичева, И. В. Капитонова, Ф. Д. Кулакова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, а также Первого секретаря Центрального Комитета Партии трудящихся Вьетнама Ле Зуана, кандидата в члены Президиума Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии, секретаря ЦК КПЧ Алоиза Индру. Зал тепло приветствовал Маршалов Советского Союза, а также военные делегации социалистических стран, прибывшие в Москву на празднование 25-й годовщины Победы советского народа над фашистской Германией.

С докладом на собрании выступил министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко.

Торжественные собрания, посвященные 25-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, состоялись в столицах союзных республик, в городах-героях и в других городах страны.

8 мая, в канун Дня Победы над фашистской Германией, руководители Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства возложили венок на могилу Неизвестного солдата у Кремлевской стены. На алой ленте венка написано: «Павшим в боях за свободу и независимость социалистической Родины. От ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР».

Девятого мая по всей стране проходили праздничные митинги и традиционные встречи однополчан.

◀Одесса. В канун Дня Победы в Одесском обкоме комсомола состоялась встреча ветеранов Великой Отечественной войны, почетных граждан города-героя с комсомольским активом, воинами, курсантами военных училищ.

На снимке: участники встречи на Потемкинской лестнице — Владимир Колесник, генерал-майор в отставке Герой Советского Союза Андрей Иванович Ратов, Светлана Шевченко, генерал-майор в отставке почетный гражданин Одессы Николай Захарович Галай, Зинаида Токмашева и Владимир Кравченко.

Телефото И. Павленко. ТАСС.

Волгоград. 9 мая. Защитники Сталинграда встретились на Мамаевом Кургане. Справа налево: бывший радист Н. Д. Корякин, полный кавалер ордена Славы, ныне работник Госстраха в Кировской области; бывший военный шофер Г. Т. Кульков, ныне строитель из Томска; бывшая санинструктор Н. К. Жарких, ныне строитель из Риги; бывший военный врач К. Жетеров, ныне медицинский работник Алма-Аты.▶

Телефото Н. Суровцева. ТАСС.

...или тысячи и тысячи людей...
Фото А. Гостева.

ПОБЕДЫ

Владивосток. 9 мая. Торжественный митинг, посвященный 25-й годовщине Победы. Участники митинга почтили память героев.
Телефото Ю. Муравина. ТАСС.

РЕГИСТРАЦИЯ НАЧАЛАСЬ

ШИРИТСЯ ПОДГОТОВКА К ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

С каждым днем ширится в нашей стране подготовка к выборам в Верховный Совет СССР. 6 мая избирательная кампания вступила в новый этап. Окружные избирательные комиссии начали регистрацию кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР — достойных сынов и дочерей Родины, представителей нерушимого блока коммунистов и беспартийных.

В обстановке большого подъема проходило заседание окружной избирательной комиссии Бауманского избирательного округа Москвы по выборам в Совет Союза. Единогласно было принято постановление зарегистрировать кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по Бауманскому избирательному округу по выборам в Совет Союза Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева.

Состоялись заседания и других окружных комиссий, на которых были зарегистрированы: кандидатом в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР по Московскому городскому избирательному округу член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин; кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР по Ленинградскому избирательному округу города Москвы член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Викторович Подгорный; кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР по Октябрьскому избирательному округу города Москвы слесарь станкостроительного завода «Красный пролетарий», Герой Социалистического Труда Виктор Васильевич Ермилов; кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР по Кировскому избирательному округу города Ленинграда член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов; кандидатом в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР по Ленинградскому городскому избирательному округу (РСФСР) член Политбюро ЦК КПСС, Председатель ВЦСПС Александр Николаевич Шелепин; кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР по Василеостровскому избирательному округу токарь механического цеха Балтийского завода имени С. Орджоникидзе, Герой Социалистического Труда Алексей Васильевич Чуев; кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР по Петроградскому избирательному округу директор Института экспериментальной медицины Академии медицинских наук СССР, член-корреспондент АМН СССР, профессор Наталья Петровна Бехтерева; кандидатом в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР по Краснодарскому избирательному округу член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Дмитрий Степанович Полянский; кандидатом в депутаты Совета Союза по Краснодарскому—Ленинскому избирательному округу ткачиха Краснодарского камвольно-суконного комбината Галина Федоровна Христюк; кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР по Новосибирскому — Октябрьскому округу член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР Геннадий Иванович Воронов; кандидатом в депутаты Совета Союза по Новосибирскому—Кировскому избирательному округу бригадир слесарей-сборщиков новосибирского завода «Тяжстанкогидропресс» имени Ефремова, Герой Социалистического Труда Иван Ильич Шурбин; кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР по Свердловскому — Чкаловскому избирательному округу член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Андрей Павлович Кириленко; кандидатом в депутаты Совета Союза по Свердловскому—Орджоникидзевскому избирательному округу стерженщица фасоннолитейного цеха Уралмашзавода Нина Ивановна Жебрунова; кандидатом в депутаты Совета Союза по Киевскому—Жовтневому избирательному округу член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины Петр Ефимович Шелест; кандидатом в депутаты Совета Союза по Васильковскому избирательному округу знатная звеньевая колхоза «Радянська Україна», Васильковского района, Киевской области, дважды Герой Социалистического Труда Степанида Демидовна Виштак; кандидатом в депутаты Совета Союза по Минскому городскому первому избирательному округу член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Кирилл Трофимович Мазуров; кандидатом в депутаты Совета Национальностей по Минскому — Ленинскому избирательному округу слесарь-лекальщик Минского тракторного завода Евгений Иванович Климченко; кандидатом в депутаты Совета Национальностей по Кировскому избирательному округу Латвии член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС Арвид Янович Пельше.

Советский народ с большим подъемом готовится к выборам в Верховный Совет СССР.

Герой Социалистического Труда М. Г. Мосолов (слева), машинист-инструктор локомотивного депо Лихоборы, Окружного отделения Московской железной дороги, выдвинут своими товарищами по труду кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.
Фото В. Воронина.

ДРУЖБА СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ЧЕХОСЛОВАКИИ ПРОЧНА И

Прага. 5 мая. Товарищи Л. Свобода, Г. Гусак, Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгин во время встречи на Рузинском аэродроме.

В яркую демонстрацию нерушимой дружбы советского и чехословацкого народов, народов стран социалистического содружества вылилось празднование 25-й годовщины освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков.

В эти торжественные дни в Праге по приглашению ЦК КПЧ, Президента и правительства ЧССР находилась официальная партийно-правительственная делегация Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. В состав делегации входили член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Белоруссии П. М. Машеров, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, член ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член ЦК КПСС, посол Советского Союза в Чехословакии С. В. Червоненко.

На чехословацкой земле советских гостей тепло, по-братски встречали Первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак, Президент ЧССР Л. Свобода, Председатель чехословацкого правительства Л. Штроугал, Председатель Федерального собрания ЧССР Д. Ганес, другие партийные и государственные деятели.

В день прибытия в Прагу члены советской делегации имели сердечную встречу с Первым секретарем ЦК КПЧ Г. Гусаком, нанесли визиты Президенту республики Л. Свободе и Председателю правительства ЧССР Л. Штроугалу.

В Пражском Граде состоялись советско-чехословацкие переговоры, в которых приняли участие партийно-правительственные делегации обеих стран.

В ходе переговоров состоялся обстоятельный обмен мнениями по вопросам двусторонних межпартийных и межгосударственных отношений, а также по широкому кругу международных проблем, представляющих взаимный интерес.

6 мая во Владиславском зале Пражского Града был торжественно подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой.

Договор подписали: с советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин; с чехословацкой стороны — Первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак и член Президиума ЦК КПЧ, Председатель правительства ЧССР Л. Штроугал.

После подписания исторического документа советских и чехословацких руководителей бурно приветствовали десятки тысяч

Подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой. Слева направо: Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, Первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак и Председатель чехословацкого правительства Л. Штроугал.

Фото В. Егорова (ТАСС).

ЧЕХОСЛОВА

Талант и труд, повседневность и праздники слились на этой выставке в экспозиции, ярко рассказывающей о Чехословакии, о ее людях, ее делах и о том, каких замечательных успехов достигли трудящиеся братской страны в развитии промышленности и науки, в кооперированном сельском хозяйстве, в технике, в культуре и искусстве...

На торжественное открытие юбилейной выставки «Чехословакия-1970», посвященной 25-й годовщине освобождения Чехословакии Советской Армией, пришли тысячи москвичей и гостей столицы.

Бурными аплодисментами встретили собравшиеся руководителей Коммунистической партии Советского Союза, Советского правительства и члена Президиума ЦК КПЧ, Председателя правительства ЧССР Л. Штроугала.

Фото А. Гостева.

НЕПОКОЛЕБИМА

пражан, собравшихся на митинг в Пражском Граде. «С Советским Союзом на вечные времена!», «Москва — Прага — дружба!» — под такими лозунгами проходила эта волнующая манифестация.

На митинге выступил Первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак. Г. Гусак поздравил товарища Л. И. Брежнева в связи с присвоением ему почетного звания Героя ЧССР с правом ношения Золотой звезды за исключительные заслуги в освобождении Чехословакии и развитии дружбы и сотрудничества между народами ЧССР и СССР, а также Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного и Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина, которые награждены орденом Белого льва первой степени с цепью за выдающиеся заслуги в развитии дружбы между народами ЧССР и СССР.

Участники митинга горячо приветствовали выступившего с речью Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Л. И. Брежнев поздравил Прагу, ее рабочих, всех трудящихся с награждением боевым орденом Красного Знамени и пожелал всему чехословацкому народу новых успехов.

Затем председатель Народной палаты Федерального собрания ЧССР С. Пеннигерова огласила приветственное послание чехословацких трудящихся и трудящимся Советского Союза.

7 мая в Пражском Граде состоялось торжественное заседание ЦК КПЧ, ЦК Национального фронта ЧССР, Федерального собрания ЧССР и правительства ЧССР, посвященное 25-й годовщине освобождения Чехословакии от фашистских захватчиков.

Участники заседания, стоя, бурными аплодисментами приветствовали руководителей Чехословакии, Советского Союза, других социалистических стран.

С докладом, посвященным знаменательной годовщине, выступил Первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак. Доклад был выслушан с огромным вниманием и неоднократно прерывался горячими, продолжительными аплодисментами, здравицами в честь Советского Союза, КПЧ и КПСС.

На торжественном заседании с речью выступил также Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Он сердечно поздравил всех трудящихся Чехословакии с 25-летием освобождения от фашистского господства. Говоря о значении нового советско-чехословацкого Договора, товарищ Брежнев заявил: «Этот программный документ советско-чехословацкого сотрудничества всем своим существом ясно и четко говорит: дружба Советского Союза и Чехословакии, дружба наших партий и народов прочна и непоколебима!»

КИЯ-1970

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ЗНАМЕНАТЕЛЬНОЕ СОБЫТИЕ

Анатолий ГУСЬКОВ

Завершился исторический визит советской партийно-правительственной делегации во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым в братскую Чехословакию. Он проходил в канун двух выдающихся юбилеев — четверть века Победы над фашистской Германией и четверть века освобождения Чехословакии.

Уже сам этот факт предопределил значимость советско-чехословацких встреч и переговоров, которые проходили в весенней, майской Праге ленинского 1970 года. Обе братские социалистические страны в обстановке полного взаимопонимания подписали новый Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Он явился убедительным свидетельством укрепления советско-чехословацкого идейного и боевого единства на основе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Этот документ представляет собой акт огромной политической важности, достойного продолжения традиций союзнического договора 1943 года, когда в тяжелые годы совместной героической борьбы против общего врага закладывался фундамент будущих отношений между народами наших двух стран. Новый Договор в полной мере учитывает изменения в международной жизни за прошедшие четверть века, отражает упрочение позиций социализма в мире и возросший уровень советско-чехословацкого сотрудничества. Характер этого Договора отвечает новому типу отношений, которые сложились между социалистическими государствами.

Заключение Договора с удовлетворением воспринято советской и чехословацкой общественностью, народами других социалистических стран, всем прогрессивным человечеством, так как он является надежным оружием в деле защиты социалистических завоеваний народов, безопасности и независимости наших стран. Особое значение имеет тот факт, что Договор подтверждает верность Советского Союза и Чехословакии принципу, выраженному в Братиславском заявлении от 3 августа 1968 года, согласно которому поддержка, укрепление и защита социалистических завоеваний являются общим интернациональным долгом всех социалистических стран. Чехословацкие трудящиеся видят в новом Договоре гарантию безопасности и неприкосновенности границ ЧССР, прочную и надежную опору в дальнейшем социалистическом строительстве.

Новым конкретным подтверждением успешного развития советско-чехословацкого сотрудничества явились также подписанные соглашения о расширении технического содействия СССР в строительстве Пражского метрополитена, о сотрудничестве в создании в ЧССР двух атомных электростанций общей мощностью один миллион семьсот тысяч киловатт и о поставке домостроительных комбинатов.

Визит советской партийно-правительственной делегации и подписание Договора вылились в яркую демонстрацию прочности и нерушимости уз, связывающих наши народы. Чехословацкий народ вновь продемонстрировал, что в сердцах чехов и словаков живут чувства искренней дружбы и уважения к советскому народу и его Коммунистической партии. Выражая чувства трудящихся братской Чехословакии, орган ЦК КПЧ газета «Руде право» писала: «Советский Союз является нашим самым близким, самым искренним и самым верным союзником».

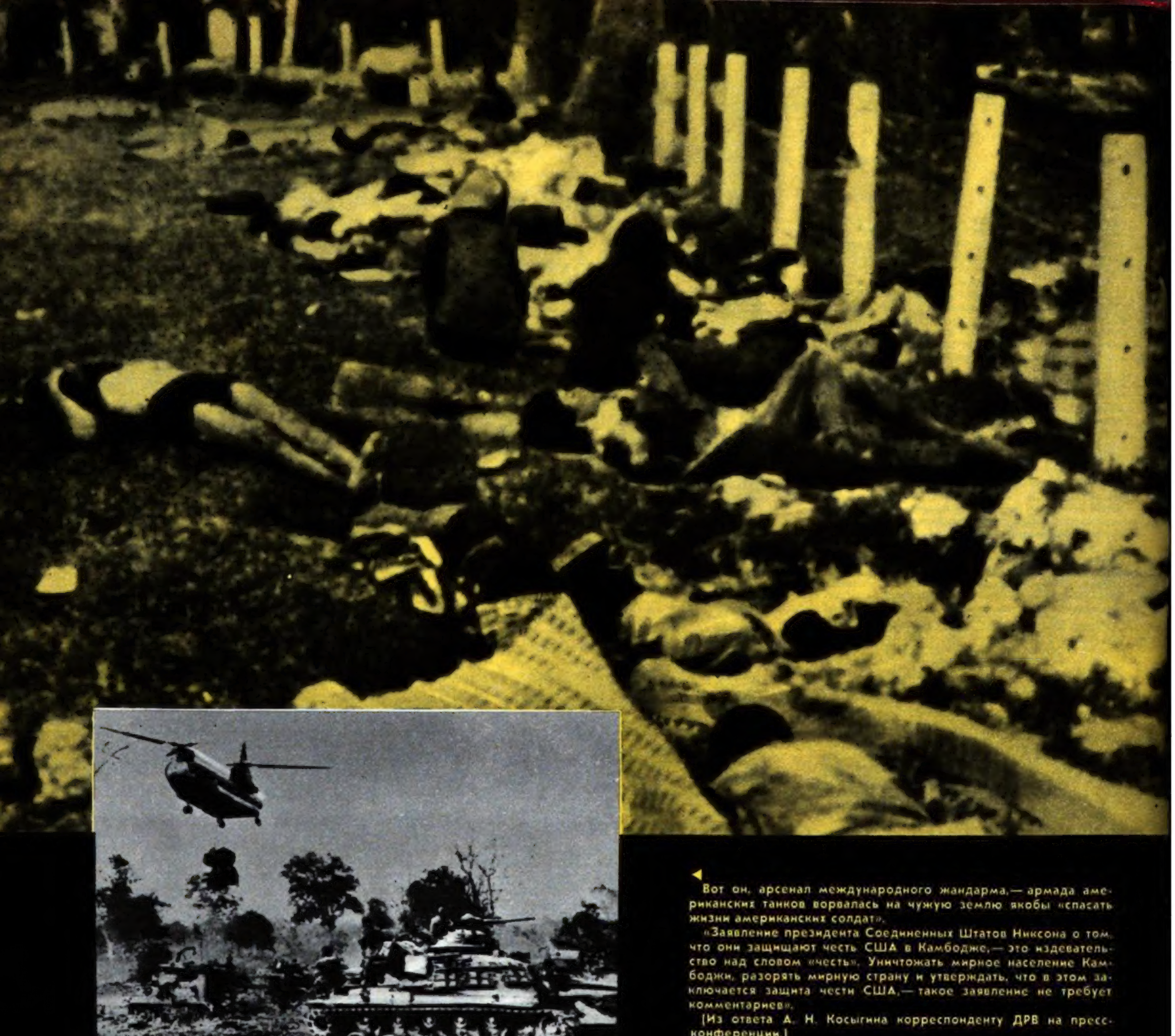
Свой славный юбилей — 25-ю годовщину освобождения — чехословацкий народ встречает большими успехами во всех областях жизни, которые стали возможны только благодаря социалистическому строю. Вот некоторые цифры, говорящие сами за себя. За 25 лет объем промышленного производства в ЧССР увеличился в 6 раз, сельскохозяйственного — в 1,5 раза. Производство электроэнергии выросло примерно в 10 раз, стали — почти в 5 раз, угля — в 2,5 раза, обуви — вдвое. По сравнению с довоенным периодом национальный доход увеличился в три с половиной раза, личное потребление — в три раза. Особенно примечательным является превращение некогда отсталой аграрной Словакии в промышленно развитую часть страны. В Словакии выпуск промышленной продукции за 20 лет увеличился в 10 раз. Словакия дает теперь около 20 процентов всей промышленной продукции страны.

Трудящиеся Чехословакии добились этих успехов под руководством своего авангарда — Коммунистической партии. 25 лет социалистического строительства убедительно показали, что партия была и остается боевой организацией рабочего класса, кооперативного крестьянства и трудовой интеллигенции, руководящей силой социалистического общества.

Итоги строительства за истекшее 25-летие в достойной степени демонстрируют преимущества социалистического общественного строя.

Знаменательный юбилей в этом году отмечался в ЧССР в обстановке, когда новое руководство КПЧ во главе с Первым секретарем ЦК КПЧ Г. Гусаком ведет последовательную борьбу за политическую и экономическую консолидацию общества, за упрочение дружеских отношений с КПСС и другими братскими партиями. Трудящиеся Чехословакии поддерживают курс ЦК КПЧ, опирающийся на принципы марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Итоги визита советской партийно-правительственной делегации в ЧССР являются еще одним неопровержимым доказательством нерушимой дружбы двух братских стран.

◄ Вот он, арсенал международного жандарма,— армада американских танков ворвалась на чужую землю якобы «спасать жизни американских солдат».

«Заявление президента Соединенных Штатов Никсона о том, что они защищают честь США в Камбодже,— это издевательство над словом «честь». Уничтожать мирное население Камбоджи, разорять мирную страну и утверждать, что в этом заключается защита чести США,— такое заявление не требует комментариев».

[Из ответа А. Н. Косыгина корреспонденту ДРВ на пресс-конференции.]

Накануне вторжения американских вооруженных сил в Камбоджу американский журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» писал, что высшие чиновники Белого дома за закрытыми дверями ведут разработку стратегии для Юго-Восточной Азии. Какое решение примет президент США, военному командованию было сразу ясно: американские войска уже стояли у самой камбоджийской границы. А пропагандистская машина усиленно рекламировала американское «нежелание вмешиваться в дела Камбоджи»: одни чиновники заявляли, что «надо ускорить вывод войск из Вьетнама», другие клялись, что «мы не осмелимся нарушить чужой нейтралитет».

Однако факты уже показали, чего стоят все эти заверения. Всему миру ясно, что «для США уже перестают иметь какое-либо значение границы и суверенитет государств, неприкосновенность их территории... На каком основании США берутся выполнять роль, которую нельзя квалифицировать иначе, как роль международного жандарма!»,— сказано в заявлении Советского правительства.

С ЧУЖОЙ

КРОВАВЫЙ ПИР

Виктор УРИН

...Призывно рокочут барабаны. Несколько черных гробов плывут на вытянутых руках по направлению к Белому дому. В гробах имена американских солдат, убитых в Юго-Восточной Азии, названия сел и городов, стертых с лица земли американскими оккупантами.

«Правда», 11 мая 1970 года.

Вломились.
Точно гангстеры, напали.
Огонь ножом занесенным блеснул.

О девочка, сожженная напалмом!
И под пятою танков город Снул!

В безудержном воинственном экстазе
еще раз обнажился в эти дни
зловещий Пентагон — вершина грязи —
командный пункт очередной резни.

История клеймо позора выжгла,
что ж, подведется наконец черта:
как во Вьетнаме ни черта не вышло,
так и теперь не выйдет ни черта!

Плетете небылицы, но кого же
хотите обмануть, ведя бои,
когда пером напалмовым в Камбодже
вы ставите автографы свои!

Кровавое замешивая варево
на каждой искалеченной версте,
пируете вы, набожные варвары,
распявшие народы на кресте.

Но, как там ни пируйте,
вам вдогонку
презрение и ненависть несут
те волны, что проходят по Меконгу
повестками, зовущими на суд.

Те волны, затопившиеся тесно,
бурлят морями мировой борьбы...
Ладьями скорби в гавани протеста
под барабанный бой плывут гробы.

В ответ начнут хитрить и запираться,
но, как бы ни сластили свой напев,
возмездьем за разбой и за пиратство
убийц настигнет ураганный гнев!

◄ Эта иллюстрация, кстати, опубликованная в американском журнале «Ньюсуик», убедительно показывает всему миру, чего стоит «честь» американских агрессоров. Смерть и страдания принесли они на камбоджийскую землю.

«После американского вторжения в Камбоджу стала еще более ясной связь между подрывной деятельностью соответствующих служб США и государственным переворотом в Пномпене... Эти службы и их агентура в Камбодже пытаются сеять вражду между кхмерским народом и народом Вьетнама. Они устроили кровавую резню вьетнамцев, проживающих на территории Камбоджи, создали концентрационные лагеря, в которых варварски уничтожаются мирные жители страны».

[Из заявления Советского правительства.]

► Ни в чем не повинное мирное население Камбоджи стало жертвой новой американской провокации. Такие сцены, как изображено на этой фотографии, теперь можно часто увидеть в Камбодже.

ЗЕМЛИ-ВОН!

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПЕНТАГОНА

В. И. МАТВЕЕВ,
советский хирург

Более двух лет я работал в пномпеньском госпитале имени Кхмеро-советской дружбы. Мы уезжали из Пномпеня в тревоге и беспокойстве. Одиннадцать советских врачей были в Камбодже не только врачами, мы учили медицине десятки молодых кхмерцев и вьетнамцев. И вдруг вся наша работа пошла прахом. Днем и ночью мы слышали выстрелы, крики, и мы понимали, что происходит самое страшное: погибают люди, мирные, невинные.

За два года нам пришлось встречаться с сотнями разных людей. Я относился к ним с уважением и любовью. Они платили нам тем же. В Камбодже прекрасные люди! Трудолюбивые, веселые и миролюбивые. Это народ с богатейшим историческим прошлым. Ему не раз приходилось с оружием в руках защищать свою родину от иноземцев. Было время, когда камбоджийцы, возмущенные поведением американцев, выгнали их из своей страны и разорвали с США дипломатические отношения. Сейчас уже не является секретом, что к последним событиям в Пномпене приложили свою руку американские тайные службы. Действуя через свою агентуру, они спровоцировали кровавые столкновения между кхмерами и вьетнамцами. Никогда раньше этого не было, кхмеры и вьетнамцы всегда жили в мире и согласии.

Я часто ездил по стране и видел, что они живут и работают дружно. Среди моих друзей и коллег в Камбодже есть семьи, где супруг кхмер, а его жена вьетнамка, и наоборот. На протяжении всей истории Камбоджи вьетнамцы всегда были частью ее населения. Я помню один случай. Однажды ночью привезли в госпиталь молодую женщину, кхмерку. После родов она истекала кровью. Ей нужно было срочно перелить кровь. А в госпитале ее не было. И тогда молодой вьетнамский юноша Лю Та Ка предложил свою кровь. Я сделал переливание, и Шурбо Ни осталась жива. Таких примеров тысячи.

Американские агрессоры вероломно вторглись на территорию Камбоджи, нарушив нейтралитет этой страны. Грязная война все больше расширяется по вине Вашингтона на Индокитайском полуострове.

Мы, все честные люди, должны решительно потребовать от правительства Соединенных Штатов: прекратите убивать невинных людей! Прекратите варварскую агрессию! Дайте же наконец народу Камбоджи, народу Вьетнама самим распорядиться своей судьбой, своим настоящим и будущим!

Семьсот долгих дней мы провели бок о бок с камбоджийцами, я узнал их достаточно, чтобы сейчас сказать, что верю в этот народ, он еще будет петь свою песню риса, песню любви, песню радости.

В эти дни весь советский народ празднует 25-летие великой Победы над фашистской Германией. Мы продолжаем публикацию материалов о заключительных боях за столицу третьего рейха — Берлин. Сегодня на страницах «Огонька» об этом рассказывает прославленный полководец, бывший командующий 8-й гвардейской армией Маршал Советского Союза В. И. ЧУЙКОВ.

ШТУРМ БЕРЛИНА

Берлин... Всю войну это слово не сходило с уст советских воинов. Оно было синонимом мрачной гитлеровской империи — пресловутого фашистского третьего рейха. В нем находились мозг и сердце чудовищного коричневого паука, опутавшего своей паутиной почти всю Европу. Не случайно поэтому с падением Берлина связывалось и окончание войны.

Сам Гитлер и его ближайшие помощники находились перед началом штурма Берлина в Тиргартене — в центре, на Фоссштрассе, в подземелье имперской канцелярии.

В ночь перед штурмом я побывал на позициях артиллеристов. Они готовились к открытию огня по Берлину, и мне хотелось посмотреть результаты пристрелки и просто оставить в своей памяти картину первого выстрела по центру фашистского логова. На батарею тяжелых гаубиц меня провел командующий артиллерией армии генерал-лейтенант Н. М. Пожарский.

В небе плыли черные, лохматые тучи. Шел небольшой дождь. Земля, казалось, дремала, изредка вздрагивая от далеких взрывов.

Батарея расположилась на лужайке у опушки леса. Артиллеристы уже развернули свои тяжелые орудия и ожидали команды.

Раздался громкий, повелительный голос старшего на батарее:

— По укреплениям Берлина огонь!

И тяжелые снаряды, со свистом разрезая воздух, полетели на запад, в Берлин, на фашистов.

...Вот он перед глазами, главный очаг войны — городские оборонительные обводы противника, построенные вдоль каналов Тельтов, Хафель, Тегель, по железнодорожным путям, огибающим центр города. Здесь что ни дом, то крепость. Далее — стены старого Берлина. По ним проходит самый мощный оборонительный рубеж нацистов. Канал Ландвер и крутая дуга Шпрее с высокими бетонированными берегами прикрывают правительственные учреждения, в том числе имперскую канцелярию и рейхстаг.

Медленно, очень медленно мы продвигались от Одера до Берлина. В предыдущих боях войска прорвали четыре оборонительных рубежа, разбили и окружили большие вражеские группировки, прикрывавшие подступы к Берлину.

Теперь перед армиями 1-го Белорусского фронта — а именно 3-й и 5-й ударными, 8-й гвардейской, 1-й и 2-й гвардейскими танковыми и подошедшими с юга войсками 1-го Украинского фронта — стояла одна общая и важная по своему политическому и военному значению задача — разбить берлинский гарнизон и привести фашистскую Германию к безоговорочной капитуляции.

Начался штурм... С наблюдательного пункта мне было видно, какая сила, какая мощь огня обрушилась на оборонительные позиции берлинского гарнизона. Видно, как рушатся стены, как взлетают в воздух завалы и всякие преграды, возведенные поперек улиц. Рассказать о том, что я видел и пережил в тот час, почти невозможно. Кто сумеет уцелеть в таком огне? Зачем Гитлер заставляет бессмысленно умирать немецких солдат? Зачем он губит тысячи мирных жителей столицы?..

С 25 апреля войска 8-й гвардейской армии, перестроив боевые порядки для городского боя, повели наступление на центр Берлина с юга. Армия вела боевые действия мелкими штурмовыми группами и штурмовыми отрядами, днем и ночью овладевая шаг за шагом все новыми и новыми кварталами столицы третьего рейха. Наступление шло беспрерывно, без передышек — в этом, собственно, главный смысл штурма. Мы двигались к Тиргартену вдоль западного берега Шпрее, которая служила границей полосы наступления; слева же граница проходила через Мариенхоф, Темпельхоф, станцию Шарлоттенбург. Если посмотреть на карту, то будет видно, что полоса наступления армии постепенно суживалась к центру Берлина, напоминая остро заточенную пику. Все войска, окружившие город, имели такие конусные полосы наступления: мы наносили концентрический удар. В полосе наступления 8-й гвардейской армии наступали также части 1-й гвардейской танковой армии генерала М. Е. Катукова.

Эта армия в первый день штурма перестроила боевые порядки по такому же принципу, как и общевойсковые части. Когда танки влились в штурмовые отряды и начали тесно взаимодействовать с другими родами войск, их потери сократились до минимума.

За первый день сражения, к исходу 25 апреля, штурмовые отряды армии продвинулись вперед к центру города на три, а на отдельных участках на четыре километра. Ведя непрерывный штурм оборонительных сооружений и опорных пунктов противника, наши части вышли на правом фланге к каналу Бриц—Цвейг, который около Трептов-парка впадает в Шпрее; левый фланг и части, действующие на направлении главного удара армии, заняли городские районы Бриц, Мариендорф и продолжали движение вдоль канала Тельтов.

Почти на всех направлениях схватки носили ожесточеннейший характер. Стало ясно, что противник долго и обстоятельно готовил город к обороне. Каждый дом, каждый квартал оборонительных районов и секторов до предела насыщен огневыми точками и гнездами фаустников. В Берлине много железных дорог, они пересекали город в разных направлениях и являлись весьма удобными оборонительными позициями. Подступы к вокзалам и мостам, переезды враг превратил в мощные опорные пункты. Каналы и переправы стали рубежами, на которых противник старался остановить наше наступление. Улицы, переулки, подвалы, руины непрерывно изрыгали огонь... Нелегко было действовать в таких условиях. Гвардейцам приходилось с боем брать каждый дом.

Перед штурмовой группой младшего лейтенанта Василия Черняева из 220-го гвардейского полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии была поставлена задача: выбить противника из большого каменного дома, расположенного на перекрестке двух улиц — Альт-Маркен и Тарнендорф штрассе. Немцы сильно укрепили этот дом. В подвале они установили мелкокалиберную пушку и расположили группу автоматчиков. На втором этаже находились стрелки и крупнокалиберный пулемет. Гарнизон дома имел огневую связь с соседним домом.

Командиру станкового пулемета Николаю Власенко и двум расчетам противотанковых ружей лейтенант Черняев приказал бить по окнам здания. Одновременно 45-мм пушка сержанта Петра Василевского должна уничтожить пулемет и затем бить по вновь появляющимся огневым точкам. Под прикрытием огня группа Черняева двинулась на штурм дома.

Гитлеровцы попрятались за стены здания и на время ослабили стрельбу. Этим воспользовались наши бойцы. Стреляя на ходу, штурмовая группа сержанта Ивана Трубачева забросала двери и окна подвала гранатами и, ворвавшись вслед за их разрывами на первый этаж, перебила расчет вражеской пушки и уничтожила автоматчиков. Вслед за группой Трубачева в дом ворвались бойцы группы закрепления успеха под командой сержанта Федора Никитина. Перед тем как проникнуть внутрь дома, Никитин осторожно приоткрыл дверь и бросил в комнату гранату. Несколько гитлеровцев было убито, уцелевшие отступили в следующие комнаты. Затем Никитин ворвался в комнату и, прокладывая себе путь гранатами и очередями автомата, выбил немцев из остальных помещений.

Пока штурмовая группа Черняева атаковала дом, бойцы лейтенанта Михаила Белявского и младшего лейтенанта Виктора Романова, взаимодействуя с минометчиками и артиллеристами, захватили второй угловой дом.

Исход уличных боев решали упорство, инициатива и умелые действия мелких штурмовых групп...

На пути к аэродрому Темпельхоф нашим частям предстояло форсировать канал Тельтов. Первым прорвался к его берегу штурмовой отряд 39-й гвардейской стрелковой дивизии во главе с лейтенантом Дмитрием Нестеренко. Дым пожаров окутывал прибрежные постройки, и было трудно разглядеть противоположный берег. Противник, находящийся на другой стороне, не заметил, как гвардейцы вышли к каналу. Воспользовавшись этим, лейтенант Нестеренко приказал первой штурмовой группе под покровом дыма форсировать канал и овладеть многоэтажным домом на противоположной стороне. Правда, мост был взорван. Однако перебраться по его обломкам было бы возможно, если б не огонь фашистских пулеметчиков и снайперов.

Нестеренко скомандовал артиллеристам дать несколько залпов по домам, откуда гитлеровцы вели огонь, и в это время штурмующая группа во главе со старшим сержантом Андреем Анисьевым бросилась к мосту.

Фашисты не выдержали стремительного удара и побежали.

Овладение аэропортом Темпельхоф имело очень большое значение для всего сражения за Берлин. Ведь аэропорт Темпельхоф являлся последним, оставшимся в руках фашистов. И, само собой разумеется, противник делал все, чтобы удержать это единственное, так сказать, «окно» в воздух. Обороняли аэродром зенитные части, отряды войск СС, которые использовали вкопанные в землю танки.

По показаниям пленных выявилось еще одно обстоятельство, с которым нельзя было не считаться. В подземных ангарах стояли самолеты, полностью заправленные, готовые к взлету в любую минуту. Возле них круглые сутки дежурили экипажи. Там были летчики и штурманы, которым доверялось пилотировать личные самолеты Гитлера, Геббельса, Борма-

1945 год. Советские штурмовики над Берлином.

Фото М. Редькина.

на и других руководителей третьего рейха. Судя по этим данным, можно было заключить, что Гитлер и его ближайшие соратники еще находятся в Берлине. Поэтому, прежде чем завязывать бой на южном обводе аэродрома, перед полками 39-й и 79-й гвардейских дивизий была поставлена задача — обойти аэродром с востока и с запада. Артиллеристы получили задачу держать под огнем взлетные площадки.

План удался как нельзя лучше. С вечера 25 апреля ни один самолет не взлетел. К полудню 26 апреля аэродром Темпельхоф с ангарами и узлами связи, включая главное здание аэропорта, оказались в наших руках.

Вместе с этой радостной вестью пришла и горестная: погиб командир 117-го гвардейского стрелкового полка 39-гвардейской дивизии полковник Ефим Дмитриевич Гриценко, умный, волевой и большой храбрости человек. Он погиб в ночь с 25 на 26 апреля, но сообщили мне об этом только на следующий день. Видно, товарищи, которые так долго скрывали от меня тяжелую весть, не верили, не хотели верить, что погиб Ефим Дмитриевич. Не хотел верить в это и я...

Шли третьи сутки штурма. По мере того, как границы осажденного берлинского гарнизона сжимались, сопротивление противника возрастало. Плотность наших боевых порядков увеличивалась. Маневр огнем сократился до предела. Все зажато в теснинах улиц. Наступил момент, когда продвижение вперед можно сравнить с работой проходчиков в шахтах. Только через проломы в толстых каменных стенах, через груды развалин, через нагромождения железобетонных глыб, из которых торчала рваная арматура, можно было продвигаться вперед.

Наиболее жестокое сопротивление оказали отряды СС на площади перед кирхой на Курфюрстен штрассе.

В ночь на 27 апреля 1945 года штурмовая группа с танками из 34-го отдельного тяжелого танкового полка прорвалась смелым рывком через две линии железнодорожных путей, пересекающих южную часть города почти до самого центра. На площади перед кирхой один наш танк налетел на мину и остался без гусеницы. Видя, что советская машина не может маневрировать, эсэсовцы отрезали путь отхода экипажу и автоматчикам. Эсэсовцев было около сотни, наших — двенадцать. Исключительный героизм, боевое мастерство и упорство показал в этом бою механик-водитель гвардии сержант Герман Петрович Шашков, волжанин, родом из Горьковской области. Когда из состава экипажа выбыл заряжающий, Шашков заменил его. Через некоторое время был убит командир орудия, но танк по-прежнему вел огонь: Шашков заменял теперь и заряжающего и командира орудия. Погиб командир танка. Шашков остался один. Сев за рычаги, он нажал стартер, и машина, рванувшись, начала разворачиваться вокруг своей оси. Снова удар фаустпатрона. Загорелось моторное отделение. Включив заднюю скорость, Шашков врезался кормой танка в полуразрушенную стену, которая обвалилась и погасила пламя.

Прошло еще несколько минут, и Шашков, израсходовав все запасы снарядов и патронов, продолжал отбиваться гранатами. Но вот кончились и гранаты. Шашков еще раз ранен — в грудь. Снова загорелся танк. Гитлеровцы начали стучать по броне, предлагая Шашкову сдаться. Но гвардейцы не сдаются...

Когда подоспели свежие силы, возле танка валялось более трех десятков немецких автоматчиков и фаустников. Сам Шашков, полуобгоревший и израненный, лежал на дне танка с ножом в руке. Он умирал. У него еще хватило дыхания, чтобы рассказать товарищам о том, что произошло.

— Спасибо, товарищи, что не отдали мое тело фашистам,— сказал перед смертью герой.

Командир 28-го гвардейского стрелкового корпуса генерал А. И. Рыжов доложил мне, что за парком Генрих фон Клейст, в угловом здании, превращенном в мощный опорный пункт, остался осажденный гарнизон противника, который не прекращает огня из крупнокалиберных пулеметов.

До сих пор я долго колебался: пускать ли в дело огнеметы? Но теперь принял решение: выдвинуть на передний край команды ранцевых огнеметчиков 41-й отдельной саперной бригады.

Через несколько часов саперы нанесли огнеметный удар. Рискуя жизнью, они вплотную подобрались к угловому дому, изрыгающему пулеметные очереди. Казалось, противник должен прекратить сопротивление. Но прошло несколько минут, и снова застрочили пулеметы. Огнеметчик Николай Иванович Попов, сибиряк, из села Аргунь, Читинской области, швырнув связку гранат в дверь и проломив ее взрывом, ворвался через пролом на первый этаж. Засевшие вдоль коридоров нацисты — офицеры и солдаты — открыли по нему огонь, но Попов тут же захлестнул их пылающей струей...

Однако главные силы противника укрывались в подвале. Попов спрыгнул вниз и оказался в самой гуще врагов. Их было около тридцати.

— Руки вверх!

В ответ затрещали автоматы. Пришлось спрятаться за угол перегородки и оттуда полоснуть из огнемета.

Вскоре все здание было охвачено огнем. Нацисты, пытавшиеся спастись бегством, были уничтожены или пленены.

На протяжении всего периода боев в Берлине хорошо действовала группа разведчиков под командой старшего лейтенанта Виктора Лисицына. Разведчики Лисицына не раз проникали в расположение врага, пробирались в самые потаенные места, вели разведку укреплений. В Берлине многие кварталы и дома соединены через подвалы ходами сообщения. Этими ходами умело пользовались разведчики.

В ночь на 27 апреля я перенес свой командно-наблюдательный пункт ближе к переднему краю, на Бель Алльянс штрассе. Теперь эта улица находится в американском секторе и называется по-новому: Меринг-Дамм. Большой пятиэтажный дом, расположенный невдалеке от главного корпуса аэропорта, стал моим наблюдательным и командным пунктом. Темно-серые стены здания видели не один пожар. Стекла в окнах выбиты. Над входом в дом чернел каменный орел; в его когтях — герб третьего рейха.

На первом этаже мне бросился в глаза небольшой, но высокий зал с черными мраморными колоннами. Мрачное, неуютное помещение.

Весь день 27 апреля войска армии продолжали штурм кварталов старого Берлина. К исходу дня основные силы вышли к последнему рубежу обороны гитлеровских войск в Берлине — к Тиргартену. Перед нашими войсками, наступающими на Тиргартен с юга, встали новые препятствия. И главное из них — канал Ландвер. Там, в четырехстах метрах, за каналом, располагались главные государственные учреждения третьего рейха, в том числе имперская канцелярия, где укрывался Гитлер, и рейхстаг.

В этот же день соседние армии, наступающие к центру Берлина с востока и севера, вышли к берегам Шпрее.

2-я гвардейская танковая армия вела бои в районе Шарлоттенбурга.

Попытки войск всех наступающих армий с ходу форсировать Шпрее и канал Ландвер потерпели неудачу. Тиргартен — это остров. Его обороняли отборные войска. Гитлеровские головорезы укрывались в высоких, толстостенных зданиях, из которых хорошо просматривались и простреливались все подступы к водным преградам.

Вечером 27 апреля, выслушав доклады командиров корпусов и отдельных частей, а также проведя личную рекогносцировку местности, я принял решение: дать полусуточный отдых наступающим частям, не ослабляя сковывающих противника действий. Одновременно мною была поставлена задача — провести необходимую перегруппировку в штурмовых группах, подвезти боеприпасы, доукомплектовать штурмовые отряды боевой техникой. Общий штурм правительственных кварталов решено было начать в 12 часов 28 апреля.

В условиях уличного боя партийно-политическая работа может дать хорошие результаты только тогда, когда командиры и политработники придут в группу, пусть она из пяти бойцов, или к одному солдату и будут говорить с ними о конкретных делах, о том, как лучше выполнить поставленную задачу, как подготовить оружие, поинтересуются, все ли известно воинам об обстановке, проверят, знают ли они сигналы, есть ли индивидуальные медицинские пакеты, неприносновенные запасы продуктов; просто поговорят задушевно. Только тогда можно вселить в каждого бойца веру, что задача выполнима, только тогда можно считать, что работа проведена и даст свои результаты.

В этой связи мне хочется привести пример из практики работы заместителя командира по политчасти 1-го батальона 220-го гвардейского полка 79-й дивизии старшего лейтенанта Н. В. Капустянского. Внешне он ничем не выделялся среди офицеров батальона. Невысокого роста, щуплый и, как рассказывали о нем, молчаливый человек.

— Замполит, а много говорить не любит. Больше слушает. Но уж если скажет, то каждое слово в самое темя, как гвоздь, вколотит,— так говорили о нем в батальоне.

В дни штурма Берлина Капустянского трудно было застать в штабе батальона. Где он завтракал, обедал, ужинал, где отдыхал, никто не знал. Но спросишь о нем в штурмовых группах — скажут:

— Замполит только что был у нас, рассказывал об опыте отличившихся бойцов и ушел в соседний отряд.

Коммунисты и комсомольцы постоянно видели своих вожаков рядом с собой.

Особое внимание Военный совет армии уделил делу организации питания и медицинского обслуживания мирного населения Берлина. Дело в том, что к моменту нашего прихода в Берлин на складах и продуктовых базах немецкой столицы почти не оставалось продовольствия.

Голодные дети буквально лезли под танки, под огонь пулеметов и орудий, лишь бы добраться до наших кухонь и выпросить кусок хлеба, ложку супа или каши. Видя голодающих детей, наши воины получали на кухнях двойные, тройные порции и все отдавали им...

В сравнительно короткий срок — за четверо суток — нам удалось прорубиться сквозь стены и каменные завалы к центру Берлина, пройти в сплошном огне двенадцать километров! А ведь армия Паулюса в Сталинграде, которая имела более выгодные позиции, чем мы в Берлине, за сто с лишним дней не преодолела и половины этого расстояния.

Приближалось начало нового штурма. Из штаба армии, расположенного в Иоганнистале, перебираюсь на свой наблюдательный пункт, в тот самый дом с черными мраморными колоннами, о котором рассказывал раньше.

За час до начала артподготовки знаменщик 220-го гвардейского стрелкового полка 79-й гвардейской дивизии сержант Николай Масалов принес знамя полка к Ландвер-каналу. Вместе с ним сюда прибыли два ассистента. Гвардейцы знали, что перед ними главный бастион военного гарнизона немецкой столицы, знали, что здесь, в Тиргартене, находится ставка Гитлера и главный узел связи, через который Гитлер и его помощники все еще продолжают руководить своими войсками, вынуждая их вести бессмысленные кровопролитные бои.

Подступы к имперской канцелярии обороняли батальоны особой бригады лейб-штандарта «Адольф Гитлер». Командовал бригадой верный слуга Гитлера, матерый нацист Монке.

Гвардейцы, узнав о том, что в боевые порядки принесено знамя, начали выдвигаться к рубежу атаки мелкими группами и поодиночке. Кому-то предстояло форсировать канал вплавь на подручных средствах, кому-то решительным броском проскочить сквозь вихри свинца через горб заминированного моста.

До атаки — минут пятьдесят. Наступила тишина, как перед бурей, перед грозой,— тревожная, напряженная. И вдруг сквозь эту почти призрачную тишину, смешанную с дымом и оседающей пылью, сквозь приглушенные всплески огня догорающих домов на магистральной улице Берлина — Потсдамер штрассе послышался детский плач. Он доносился, как из-под земли, глухо и призывно. Ребенок с плачем произносил одно понятное всем слово: «Муттер, муттер...»

— Кажется, на той стороне канала,— сказал сержант Масалов, раньше других уловивший детский голос.

Прошло еще несколько минут, и Масалов, оставив у знамени ассистентов, подошел к командиру:

— Разрешите спасти ребенка, я знаю, где он...

Ползти к мосту опасно. Площадь перед ним простреливалась огнем пулеметов и автоматических пушек, не говоря о минах и фугасах, запрятанных под асфальтом.

Сержант Масалов прижимался к мостовой, прятался в неглубоких воронках от снарядов и мин. Полз на глазах гвардейцев через заминированную улицу, ощупывая ладонями каждый бугорок, каждую трещину... Ему удалось благополучно пересечь набережную и укрыться от пулеметного огня за выступом бетонированной стенки канала. Ребенок снова принялся звать мать. Он будто торопил Масалова. Снова затрещали пулеметы. Но Масалов, кажется, не слышал их. Он поднялся во весь рост, перекинулся через барьер канала... Красивый, рослый и сильный сибиряк, отважный воин, недаром его грудь украшали два ордена Славы и орден Красной Звезды.

Затаив дыхание, гвардейцы ждали, не подаст ли голос ребенок. Но он молчал. Казалось, напрасно рисковал Масалов. Никто не верил, что там, под мостом, ребенок. Несколько гвардейцев, не сговариваясь, приготовились к броску под мост, чтобы посмотреть, что же там есть... Вдруг раздался голос:

— Внимание! Прикройте меня огнем. Я с ребенком!..

Через несколько минут сержант Масалов с девочкой уже был у знамени полка, снова готовый к броску вперед.

Бои за этот последний район обороны третьего рейха отмечены массовым героизмом советских солдат и офицеров. Мостовые, камни развалин, асфальтированные площади, улицы и подступы к рейхстагу и имперской канцелярии были политы кровью советских людей. Они шли на смерть в то солнечное утро Первого мая, накануне Победы.

Много славных имен записано в летопись героизма советских войск, штурмовавших Берлин. Многие стали известны всему советскому народу, но о большинстве еще надо многое рассказать... Все, кто участвовал в этом заключительном штурме, те, кто остался в живых и кто пал, окропив своей кровью берлинские улицы, покрыли себя неувядаемой славой.

Эту славу не сотрут века в памяти благодарных народов мира.

Ник. КРУЖКОВ

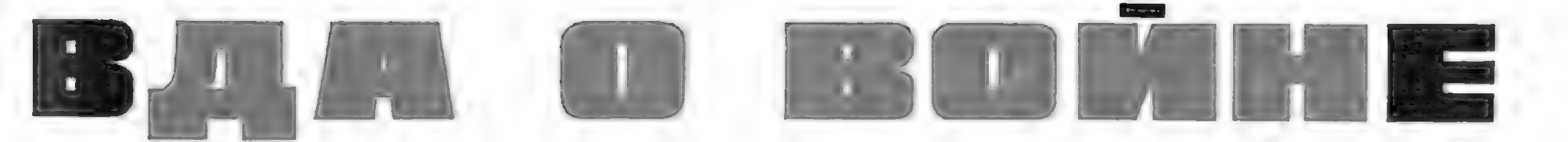
Вторая часть романа Александра Чаковского «Блокада» закончена в третьей книжке журнала «Знамя», первая вышла в 10, 11 и 12-м номерах за 1968 год. Но роман еще не завершен.

Две опубликованные части романа оставляют впечатление произведения значительного, продуманного, взвешенного на весах исторической правды, соразмеренного с тем, что действительно происходило в те первые дни и недели войны. Александр Чаковский, сам участник войны, отчетливо показал, как появилось, усиливалось, крепло народное движение против фашистского нашествия, как в схватках с врагом мужали люди, как креп в них дух патриотизма, как рождалась та благородная ярость, которая удесятеряет силы сопротивления и обрекает врага на погибель, даже если он лучше вооружен и обучен. Писателю удалось счастливо избежать тех преувеличений наших трудностей, которыми немало грешили некоторые авторы, описывавшие события первого года войны столь своеобразно, что становилось вовсе не понятным, как это немцы не вошли с ходу в Москву и в Ленинград и почему развалились основа и стержень плана «Барбаросса», рассчитанного на молниеносную войну — блицкриг. Ему удалось также избежать и такого толкования исторических событий, когда все рисуется в наивных, розовых тонах, все объясняется высокими соображениями и расчетами, что так, мол, было нужно, хотя никому не было нужно, чтобы немцы угрожали Москве и осадили Ленинград. Я бы сказал, что Александр Чаковский выступает в своем романе в двух качествах — публициста и беллетриста, причем первый разворачивает широкий исторический фон, а второй на этом фоне вычерчивает судьбы своих героев. Качества эти не входят в столкновение, а, напротив, взаимно и тактично дополняют друг друга.

Выпукло и ярко изображает автор Гитлера, маньяка и фанатика, решившего, что он получил божественное право распоряжаться судьбами мира.

Вот его беседа с любимым адъютантом Арнимом Данвицем, высоким светловолосым 30-летним майором, с осиной, перетянутой ремнем талией и с собачьей преданностью в голубых, со стальным блеском глазах.

«— Час пробил! — торжественно произнес Гитлер.— Вы слышите, Данвиц? Мы приняли решение и не отступим от него. Россия будет раздавлена. Первым падет Ленинград, за ним — Москва. Лишенные большевистской верхушки, русские упадут на колени. Дух тевтонский несет в себе неразгаданную тайну. Он подчиняет себе слабых. Я предсказываю вам, Данвиц, Россия рассыплется в прах, в пепел при первом же столкновении с национал-

социализмом. Через пять недель после того, как эта рука,— он вытянул вперед руку,— укажет немецким войскам путь, мы будем праздновать победу. И ничто не в силах остановить нас... Тот мир, который я построю, будет принадлежать таким, как ты, Данвиц!»

Впоследствии судьба Данвица затейливо переплетется с судьбой чекиста Кравцова, бывшего кулака Жогина, Анатолия Валицкого, майора Звягинцева. И когда, подорвавшись на минах советских саперов и погубив свой танковый отряд, Данвиц окажется в госпитале, он будет недоуменно спрашивать себя, почему так отчаянно сопротивляются эти русские. Почему они стреляют из-за каждого угла? Сосед по койке, тяжело раненный капитан Миллер, объясняет ему.

« — Вы никогда не видели, как бурят землю? — точно не слыша его слов, спросил Миллер.— Я видел. Сначала бур идет легко... потом все труднее... потом буры начинают ломаться, крошиться... все чаще... и наконец наступает предел...

— Перестаньте, капитан,— на этот раз уже резко сказал Данвиц,— я понимаю, вы серьезно ранены и...

— Нет, нет, господин майор, дело совсем в другом,— настойчиво и как бы отмахиваясь от его слов произнес Миллер.— Нам просто казалось, что эта земля... очень мягкая... А это был только первый, поверхностный слой... а дальше... дальше гранит...

— Перестаньте! — крикнул Данвиц.— Я приказываю вам замолчать!»

Данвиц пришел в бешенство, потому что ему говорили правду. Где-то в глубине и его оболваненного сознания зарождалась та же мысль, которую он усиленно вытравлял из себя.

Когда план нападения на Советский Союз уже был готов и полным ходом шла подготовка к его реализации, в Берлин приехал нарком по иностранным делам Молотов. Гитлер говорил о поражении Англии как о чем-то решенном, общеизвестном, бесспорном, не нуждающемся в аргументах, Риббентроп заготовил коварный документ — проект договора о присоединении СССР к пакту трех держав: Германии, Италии и Японии. В эту западню должен был непременно попасть Молотов. Как же! Речь идет о переделе мира, о разделе Британской империи — какие выгоды, какие перспективы! Риббентроп, держа в руках заготовленный текст, сладко говорил Молотову: «Россия, несомненно, должна быть заинтересована в выходе к Индийскому океану». Разговор происходил в бомбоубежище.

«Молотов сидел, полуопустив веки. Затем сказал:

— Советский Союз совершенно не заинтересован в Индийском океане. Он расположен достаточно далеко от него...

Потом сделал паузу, неожиданно подался вперед, к Риббентропу, и продолжал, но теперь уже энергично:

— А вот в европейских делах и в безопасности своих южных границ мы заинтересованы... Мы обеспокоены судьбой Румынии и Венгрии. Я еще и еще раз спрашиваю немецкую сторону: каковы намерения держав оси в отношении Югославии и Греции? Что будет в дальнейшем с Польшей? Когда немецкие войска уйдут из Финляндии? Намерено ли германское правительство считаться с нейтралитетом Швеции?

...— Что это: допрос? — медленно, не то спрашивая, не то угрожая, произнес наконец Риббентроп...

... — Да нет, почему же? Просто Советское правительство было бы благодарно за соответствующие разъяснения...»

Риббентроп изворачивается. Он уверяет, что все это второстепенные вопросы. И к тому же господин Молотов до сих пор не ответил на главный вопрос фюрера: намерена ли Россия сотрудничать с Германией в деле ликвидации английской империи?

«Молотов прищурил глаза.

— Вы действительно уверены, что с Англией покончено? — спросил он.

— Несомненно!

— Тогда,— уже не скрывая усмешки, сказал Молотов,— разрешите задать последний вопрос: если это так, то п-почему мы сейчас сидим в этом бомбоубежище? И чьи это бомбы падают сверху?..»

Война приблизилась вплотную. Но еще мирно спали Москва и Ленинград, пришла суббота 21 июня, и все казалось обыкновенным, милым, простым. Люди ехали на дачи, толкались в магазинах, на бульварах резвились дети под присмотром бабушек и нянек. Небо то улыбалось ярким июньским солнцем, то, как бы играя, сыпало мелким серебряным веселым дождиком. Этот день и другие такие же дни вспоминала Вера Королева, ленинградская девушка, тогда, когда война ворвалась в ее маленькую, но дорогую для нее жизнь.

«И все, что она делала в той, ставшей внезапно недостижимо далекой и прекрасной жизни,— хотя Вера жила ею еще только вчера,— наполнилось для нее огромным смыслом. Пионерские сборы и комсомольские собрания, даже те, что раньше казались Вере скучными, малозначительными, вспомнились ей теперь как очень важные, без которых она не могла бы существовать... Родной Ленинград... точно плыл перед нею в белой ночи, похожий на гигантский воздушный корабль, со своими шпилями-мачтами, палубами-набережными, удаляясь все дальше и дальше».

Уплывал последний мирный день — и для ленинградцев, и для москвичей, и для всей огромной страны, над которой был занесен тяжелый, грубый, заранее припасенный вражеский меч.

Ночью позвонили Сталину. Он спал...

«Прошло несколько минут, прежде чем Сталин взял трубку.

— Сталин,— сказал он негромко.

— Товарищ Сталин,— раздался отчетливый голос начальника Генштаба,— звоню по поручению наркома обороны. Немцы бомбят наши города...

Он умолк. Молчал и Сталин. Слышалось только его тяжелое, хрипловатое дыхание курильщика.

— Где нарком? — спросил наконец Сталин, и генералу на другом конце провода показалось, что он задал этот вопрос лишь для того, чтобы остановить время, задержать, растянуть его».

Днем начальник штаба вместе с маршалом был у Сталина с сообщением чрезвычайной важности. В расположение наших войск на территории Киевского военного округа прибыл немецкий солдат-перебежчик, который заявил, что в его части был оглашен приказ начать на рассвете завтрашнего дня военные действия против СССР.

« — Вы уверены, что это не провокация? — чуть повышая голос, спросил Сталин, обращаясь на этот раз к начальнику штаба.

Из всех людей, что окружали Сталина, имели доступ к нему, беседовали с ним, наверное, не было человека, кто решился бы в категорической форме отрицательно ответить ему на подобное предположение...

...Но на этот раз случилось иначе. Начальник Генштаба чуть откинул свою тяжелую, массивную голову и твердо сказал:

— Нет, товарищ Сталин. Перебежчик не врет.

Стоявшему рядом маршалу показалось, что сейчас произойдет нечто непоправимое для генерала. Он знал, что Сталин не повысит голоса, не возмутится, не проявит никакого видимого раздражения. Но он, возможно, произнесет одну из своих коротких безапелляционных, уничижительных, звучащих, как афоризм, фраз, которые столь надолго уже определили судьбу многих людей.

Однако ничего подобного не произошло».

Сталин предложил огласить проект директивы войскам и после длительного молчания закурил и сказал:

« — Подобную директиву надо считать... преждевременной. Подготовьте другую, более короткую. Смысл должен заключаться в том, что в ночь на двадцать второе июня на границе могут произойти провокации. К ним надо быть готовыми, но на них...— Он сделал паузу и, махнув рукой с зажатой в ней трубкой, точно отбрасывая что-то невидимое, повторил: — Но на них не следует поддаваться».

Через несколько часов грянули пушки на всей границе от Балтики до Черного моря. И это была не провокация.

В своих описаниях исторических событий Александр Чаковский сдержан и достоверен. Читатель ощущает за каждой страницей ее основание — прочитанные документы, свидетельства очевидцев, мемуары участников. Точен ли автор в деталях, в отдельных подробностях, пусть судят историки. Читателю автор не дает оснований сомневаться.

Когда, беседуя с Гопкинсом, посланцем президента Рузвельта, бывший посол США Дэвис развивает перед ним мысль о роли Сталина в войне и говорит: «Сталин — это не только руководитель и человек. Это, если хотите, олицетворенная идея... А против идеи пули вообще бессильны»,— то размышляешь не о точности воспроизведения сказанного, а о его смысле.

Когда в беседе с Данвицем бесноватый Гитлер истерически кричит: «Хочу, чтобы на месте Москвы и Ленинграда стояли озера, хочу физически уничтожить эту славяно-монгольскую расу, всю эту смесь азиатов, евреев, цыган, недочеловеков»,— то неважно, говорил ли он это с Данвицем, как неважно, был ли на свете Данвиц, белокурая бестия, ибо тысячи данвицев были взращены национал-социализмом и фразу свою об истреблении «недочеловеков» Гитлер повторял тысячи раз.

У Александра Чаковского хорошо развито чувство историка, позволяющее ему, изучая исторические материалы, воспринимать дух времени, его атмосферу. Он не перемещает современных оценок в глубину прошедших десятилетий, он заставляет читателя окунуться в обстановку того времени и ощутить ее вкус, цвет и запах, он не разрешает себе полемики с прошлым, он хладнокровен и спокоен. Историю нельзя переделывать и перекрашивать — надо воспринимать ее такой, какая она в действительности есть. Прошлое нам не подвластно, хотя уроки из прошлого извлекать необходимо.

Вполне естественно, что сюжетные узлы в двух частях романа только завязаны, дальнейшее развитие судеб главных героев намечено пунктирно, неопределенно. Читателю полюбились и старый архитектор Федор Валицкий с его добродушным фрондерством и его тихая Маша, жена и друг, хотя в образах этих людей немало традиционного и привычного. Понравились майор Звягинцев с его безответной — пока! — любовью к Вере, политрук Пастухов, в котором улавливается что-то от толстовского капитана Тушина, Иван Максимович Королев, отец Веры, старый коммунист. Запомнились шофер Разговоров, полковник Чорохов, капитан Суровцев... Такие каждому встречались в жизни, все вместе они — мужественные, смелые, работящие люди и составляют общий образ труженика войны, который и выковал победу. Остался совсем невнятным образ Анатолия Валицкого. Кто он? Подлец и трус? Но свое слово, данное чекисту Кравцову, он выполнил. Как дальше сложатся его жизнь, его взаимоотношения с Верой? Тут пока что ничего не проглядывается.

Главное, впрочем, мы знаем: блокада будет прорвана, фашистские полчища покатятся назад.

Роман А. Чаковского — вклад писателя в историю Отечественной войны. Роман по своему звучанию трагичен и благороден, честен и мужествен, правдив и смел.

ФИЛЬМ О РЕВОЛЮЦИИ

Недавно москвичи увидели премьеру новой картины «Угол падения», созданной на студии «Ленфильм» режиссером Г. Казанским по одноименному роману Всеволода Кочетова.

Разумеется, за недолгое экранное время невозможно пересказать зрителям все события большого романа, открывающего для нас одну из самых, быть может, драматических страниц истории нашего государства, когда руководимые Лениным революционеры-большевики в неравной схватке с белогвардейскими бандами отстаивали революционный Петроград.

В 1919 году контрреволюция подпольно пробиралась и в армию и в большевистские организации; со всех сторон враги окружали Петроград в отчаянной надежде вырвать власть у большевиков.

Авторы сценария В. Кочетов и Г. Казанский построили фильм на той сюжетной линии романа, которая наиболее точно отвечает его названию. Угол нравственного падения предателей, безнадежность их попыток вернуть старые порядки, старое время, цинизм их отношения к народу, грудью вставшему за свое освобождение, показаны в картине ярко, убедительно.

В центре киноповествования поставлена трагическая судьба семьи Благовидовых — представителей русской трудовой интеллигенции.

Оба брата Благовидовы, Илья и Павел, приняли революцию без сомнений, но уж очень разные они по характерам, по силе и направленности своих действий.

Павел Благовидов — его играет артист П. Кашлаков — кадровый русский офицер; близко столкнувшись с «палочными» нравами царской армии, он ясно видит свой долг перед народом и отечеством в освободительной миссии революции. Он становится убежденным большевиком, красным чекистом. Революция стала делом его жизни.

Илья же Благовидов — сыгранный артистом Г. Куликовым — личность, если можно так выразиться, сугубо гражданская. Талантливый инженер, он знает лишь одно дело, свое дело—строить мосты. Правда, он строит и восстанавливает мосты на стороне красных, однако политический борец из него не получился. И погибает он от своей наивной интеллигентской близорукости в белогвардейском застенке, больше от неумения бороться, от неспособности увидеть в лице врага взбесившегося зверя... Но в минуту гибели он яростно кричит врагам: «Я красный!»

...Одно из центральных мест в фильме отведено жене Ильи — Благовидовой Ирине. Избалованная, с чувствами хоть и чистыми, но лишенными всякого мужества, легкомысленная, красивая, но и трагическая игрушка судьбы. Такой ее показывает артистка А. Шенгелая.

Ирина, вовсе того не желая, отдает свою квартиру врагам, «белякам», устраивающим здесь конспиративный контрреволюционный притон. И, уже окончательно запутавшаяся, она послушно плетется за своими провалившимися «друзьями» через границу — на чужбину, в эмиграцию.

А революционный Петроград выстоял тяжкую годину! Не удалось врагам всех мастей ни обмануть, ни провести, ни смять партию большевиков. Хорошо видя далеко идущие планы троцкистско-зиновьевских отщепенцев, Ленин вовремя бросил революционные силы на помощь борющемуся Петрограду.

Во главе борцов в городе на Неве стоял один из руководителей чека, несгибаемый ленинец Ян Карлович. Артисту К. Виткусу удалось передать в этом образе даже внешние черты стойкого и бесстрашного, умного и спокойного коммуниста, борца. Очень глубокий и, может быть, по контрасту с Яном Карловичем такой лиричный образ Кости Осокина, одного из первых комсомольцев-чекистов, создает артист В. Яковлев.

Именно они доносят до нас наиболее четко главную философскую мысль фильма, что в революционной борьбе нет и не может быть людей нейтральных, обособленных от борьбы. Такая позиция неизбежно приводит их к нравственному падению, к гибели.

Произведения Всеволода Кочетова, крупного талантливого советского прозаика, не первый раз получают свое экранное и сценическое воплощение.

У всех на памяти фильм «Большая семья», созданный по роману «Журбины», «Секретарь обкома», спектакль по роману «Братья Ершовы»...

Сейчас зрители как бы перечитывают заново роман Вс. Кочетова «Угол падения», посвященный острейшему периоду революционной борьбы и победы народа.

Н. ЗЫБИНА

На снимке: кадр из фильма.

Вячеслав КОСТЫРЯ

Фото А. Горокрика.

Никогда еще в Ташкенте не было столько отличной рыбы в продаже, как осенью прошлого года! Прямо на улицах, у магазинов, были выставлены обычные ванны, и в них лениво шевелились упитанные сазаны, зеркальные карпы; продавались толстолобик и белый амур, мороженая севрюга и шип, даже, правда, значительно реже, несравненный усач и осетровый балык...

Сначала думалось, что заслуга в этом принадлежит исключительно торговым работникам, обеспечившим крупные поставки из дальних рыбных мест. Однако начальник Управления рыбного хозяйства республики Юсуф Муксимович Аминов сказал:

— Ни одной рыбины не завезли со стороны. Своя это рыба, местная.

— Севрюга, усач, шип — это из Аральского моря. Все ясно. Но откуда взялись тысячи центнеров сазана, карпа, амура, толстолобика?

— Из прудов! Прежде их вовсе не было в Узбекистане. Да и теперь гораздо меньше, чем могло бы быть. И тем не менее с тысячи шестисот гектаров прудов мы взяли в этом году двадцать одну тысячу центнеров рыбы. Да еще из озер и водохранилищ — девять тысяч... Это почти половина улова из Аральского моря. А условия в республике для прудового хозяйства поистине великолепные. Вложишь копейку — получай не рубль, а целый червонец. Все дело в нашем солнце. Мы выпускаем молодь в феврале, а ловом занимаемся лишь в сентябре. В центральных и северных районах страны используются отработанные теплые воды электростанций для разведения рыбы. Это, конечно, хорошее дело. Я где-то читал, что в лабораторных условиях получают 100 килограммов рыбы с квадратного метра термальной воды... А в Средней Азии все воды в прудах, озерах, водохранилищах, по существу, целое лето термальные. И если заинтересованные ведомства и Госплан помогут нам финансами, техникой, людьми, то мы уже лет через пять будем снабжать рыбой другие республики.

До последнего времени прудовое рыбоводство в Узбекистане велось кустарно. Ташкентский рыбопитомник, все штаты которого состояли из трех человек, производил в год 200—300 тысяч мальков и выпускал их в естественные водоемы, водохранилища и рисовые поля. Начинали, можно считать, с нуля.

Трудно строились пруды в Аккургане. Но именно они показали республиканским ведомствам, насколько велики перспективы производства живого серебра на тех землях, где хлопководство невыгодно. В 1965 году Аккурган с первых 330 прудовых гектаров поставил торговой сети 4 тысячи центнеров рыбы, и не только традиционного хаузного зеркального карпа, но и новые ценные породы — белого амура и толстолобика. А уже в 1969 году здесь была тысяча гектаров, с которых взяли пятнадцать тысяч центнеров!

— А себестоимость?

— Судите сами: в 1965 году центнер рыбы обходился в 123 рубля 58 копеек, а ныне он стоит всего 61 рубль.

ЦК Компартии Узбекистана и Совет Министров Узбекской ССР предусмотрели расширение угодий Аккурганского прудового хозяйства на 2 200 гектаров. И через 3—4 года здесь будут производить до 45 тысяч центнеров рыбы. Чтобы «прочувствовать» эту цифру, достаточно сказать, что она равняется плановому заданию ловцов узбекистанской части Аральского моря на 1970 год. Пруд догоняет море.

— Как же так,—спрашиваю я,— в прошлом году Южный Арал дал семьдесят тысяч центнеров, а в нынешнем году, выходит, даст лишь чуть больше сорока?

— Тут проблема сложная,— вздыхает Юсуф Муксимович.— Если хлопкоробы радуются новым плотинам, водохранилищам, мощным насосам для перекачки поливной воды на поля, то мы, рыбаки, всерьез озабочены тем, что поступление воды в Аральское море из Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи уменьшается. К тому же насосы миллиардами губят мальков... Да простят нас ирригаторы, но обильные, стихийные паводковые воды весны 1969 года действительно порадовали рыбаков: уровень моря поднялся на целых полметра. Спасение славного рыбного Арала, кормившего нас до войны и поставлявшего сотни центнеров рыбы за границу,— ныне наша общая важнейшая забота. Главное — уберечь от обмеления протоки дельт Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, уберечь пресные нерестилища — основу морского рыбоводства. За последние годы мы потеряли шестнадцать тысяч гектаров нерестовых площадей. И тут приходится взывать к инстанциям, которые способны исправить положение.

Сейчас дело обстоит так: понадобилось, скажем, сельскому хозяйству спустить все запасы водохранилища на орошение — спускают. Вместе с рыбой. Корзинами бери мальков на полях! А строители-ирригаторы? Строят, например, водохранилище, а рыбозаградительные установки — «не их дело». Но ведь живем-то мы в одном государстве! Рыба нужна всем: и хлопкоробам и строителям водохранилищ...

— А что предпринимается на Арале для воспроизводства усача, шипа?

— По мере своих возможностей, увы, весьма ограниченных, благоустраиваем дельту Аму-Дарьи. Возле Нукуса, на ирригационном канале Кызкеткен, есть «не наша» дамба, и приходится каждую весну умолять хозяев: откройте, пожалуйста, проход для воды в дельту, рыба идет с моря на нерест... Но иногда легче дождаться «милостей от природы», как это было с паводком 1969 года, чем умилостивить иных хозяев. Вот и окружаем ныне «своей» дамбой 48 тысяч гектаров междуречья. Предстоит расчистка заилившихся протоков к пресным озерам Раушан, Даульбай, Прием-Узяк, Аккала. Здесь же, у Кызкеткена, строим осетрово-рыбоводный завод на два миллиона мальков в год. Малькам усача и шипа открывается прямой выход в море... Сооружаем также инкубационный цех, который будет ежегодно поставлять сто миллионов личинок ценных пород рыбы. Для всего этого строительства нам понадобится на 1970 год миллион сто тысяч рублей, отдадим же государству сторицей!

— Каковы перспективы у водохранилищ и естественных озер?

— Только за последние годы в Узбекистане вступило в строй до десятка крупных водохранилищ, озер же у нас — 123 тысячи гектаров. Многие годы брали мы из этих вод, стыдно сказать, по 3—5 килограммов с гектара... Но если на закрепленных за нами озерах рыбаки — хозяева, то на водохранилищах до последнего времени они были незваными гостями. Понадобились специальные постановления самых высоких инстанций, чтобы Министерство мелиорации и водного хозяйства и Министерство сельского хозяйства республики также прониклись интересами рыбоводства.

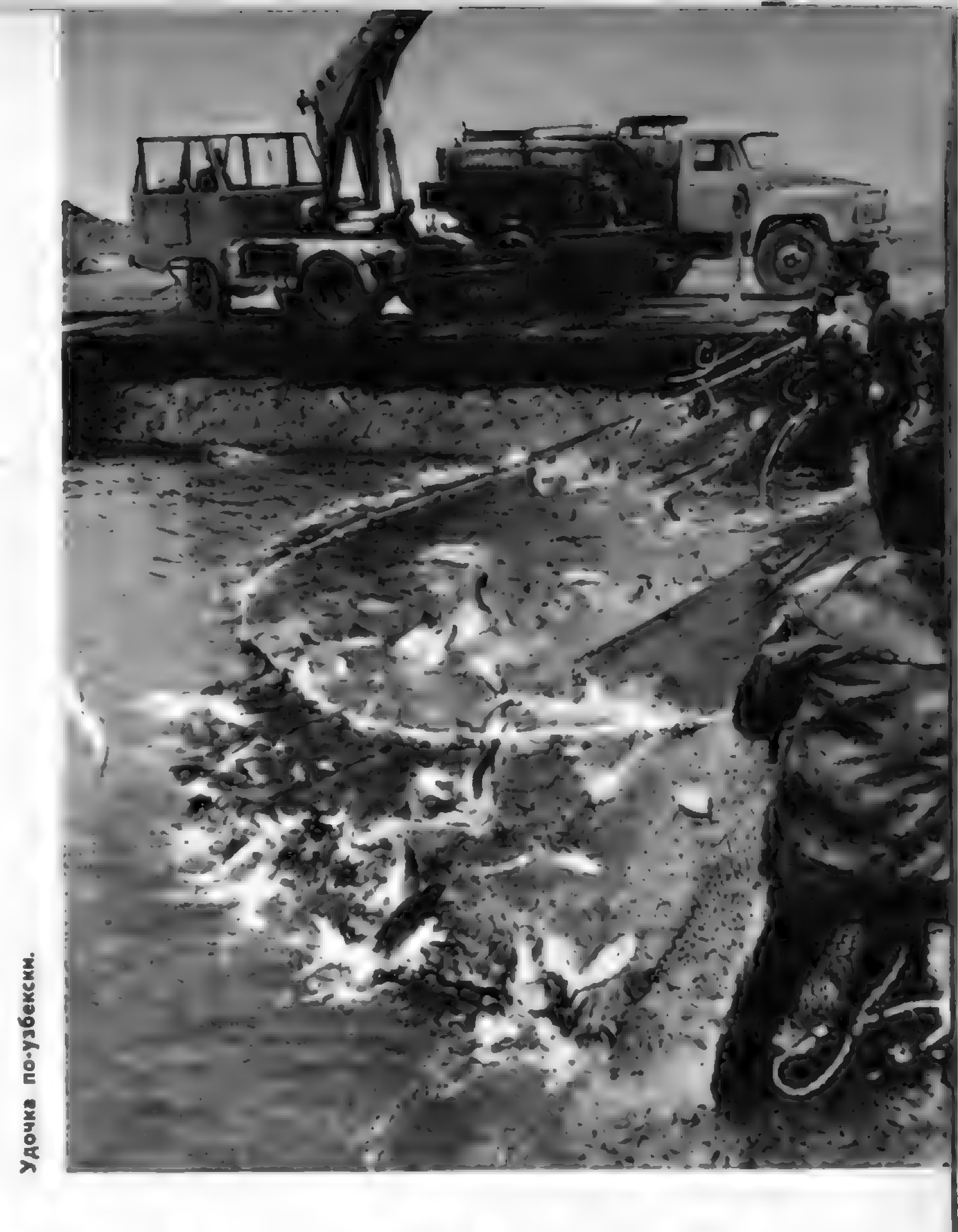
Запланированы мелиоративные работы на озерах, отведены инкубационные районы и, что особенно важно, организуются специализированные озерно-товарные хозяйства. Каждый озерный гектар может давать до десяти центнеров рыбы, а для освоения 400 таких гектаров требуется всего-навсего 200—300 тысяч рублей. Кстати, Амударьинское дельтовое междуречье сплошь окружено озерами. Думалакуль, Даукампыр, Шегегуль, Дауткуль, Ходжикуль — вон сколько их! В одном Хорезме тринадцать тысяч гектаров озер. Один только Уалы-Шоркуль, когда по соседству с этим озером разместится прудовое хозяйство, сможет кормить рыбой и Хорезмскую и другие области. Хорезмский облисполком недавно постановил выделить 1 600 гектаров земли поблизости от Уалы-Шоркуля для строительства пруда, откуда молодь самотеком пойдет в озеро.

Итак, есть все: вода, земля, электроэнергия, найдутся и рыбаки. Остановка лишь за проектно-сметной документацией, без которой, как известно, не получишь ни денег, ни договора с подрядчиками-строителями.

Я уже говорил вам, что в нашей солнечной республике строительство прудовых хозяйств дает большой экономический эффект. А теперь подкреплю эти слова: уже сейчас Узбекистан занимает первое место в СССР по продуктивности таких хозяйств — 18 центнеров рыбы с гектара, в то время как средняя урожайность по стране — 6,9 центнера. Некоторые же рыбоводы на опытных участках добывают более 30 центнеров с гектара...

Об успехах говорить приятно, но хочется сказать еще несколько слов и о том, в чем мы нуждаемся. Нам необходимы кадры изыскателей, проектировщиков, сметчиков. Вполне целесообразно было бы преобразовать нашу проектную экспедицию, где всего шестьдесят человек, в филиал Государственного института по проектированию гидротехнических рыбоводно-мелиоративных и прудовых сооружений. Это во-первых. Во-вторых, масштаб республиканского рыбоводного хозяйства требует сугубо научного подхода: пора создать в республике филиал Всесоюзного научно-исследовательского института прудового рыбного хозяйства. И, в-третьих, техническое оснащение. Мы получаем мало техники. А молодежь, видя такое отношение к рыбоводам, обходит наши хозяйства. И это тоже проблема: кадры! В общем, настала пора заняться рыбоводством так же серьезно, как хлопководством или животноводством, тогда и рыбы будет вдоволь. Именно так был поставлен недавно вопрос в ЦК Компартии Узбекистана. Мы надеемся также, что природные условия и колоссальные возможности Средней Азии привлекут к нам и особое внимание союзного Министерства рыбного хозяйства.

Так закончил свой рассказ Юсуф Муксимович Аминов.

Удочка по-узбекски.

НАЧИНАЛИ С НУЛЯ

Через год каждую из этих сигареток не удержишь и обеими руками.

Владимир СЕМАКИН

ЛЕН КО

* * *

Нежный-нежный: не жжется,
не колется,-
из конца окоема в конец
голубым-голубо колоколится
за околицей лен-долгунец.

Что-то есть безмятежно-
безбрежное
в этой нежности летнего льна.
Ничего тут волна перемежная
ни взмутить, ни смутить не вольна!

Так покойно и голубо-зелено
это поле в залесной глуши,
словно роздых никем не
измеренной
и отходчивой русской души.

* * *

Как сугробы — со снегу чалого,
с ветерка — градобойный дождь,
в мире все начиналось с малого,
да такое, чего не ждешь.

С первой пули — война жестокая,
и беда — как вода в проран.
Суматошно по жилам токая,
кровь лилась из смертельных ран.

Что ж, Земля, разберемся
загодя —
тьма примет, миллион улик,—
где малина, где волчья ягода,
где душа, где сухой голик.

Разберемся — не лыком шитые,—
кто к судьбе твоей глух и нем,
чьи ухмылочки, слишком сытые,
оборачиваются чем;

под какою личиной прячется
бесноватое, снова то
подновленное чье-то ячество,
затевая черт знает что;

не видать ли где дыму-смороду
и не прячет ли кто в ладонь
подносимый к шнуру бикфордову
пожирающий жизнь огонь.

Даже радостный, под сиренями,
даже с милою за рекой
не отринешь себя от времени
катапультою никакой,

никуда не ускачешь наметью,
тяжело, а не сбросишь с плеч,
если велено всею памятью
все, чем жив человек, беречь.

* * *

Я свою, не чью-то юность —
невозвратную зарю —
вспоминаю, пригорюнясь,
и «прости» ей говорю.

Ты прости за неумелость,
если прожита не так,
как нам чаялось-хотелось,
как нам виделось в мечтах.

С недосыпа, с голодухи
еле ноги я волок,
а не хныкал, ставил чухи —
да какие! — на станок,

без воздушника, вручную,
орудийные стволы.
Днем-то ладно, а в ночную,
ох, как веки тяжелы!

Никакой весны не видя,
позабыв, что каплет с крыш,
чуть присядешь — дремлешь
сидя,
что там сидя! — стоя спишь.

Мне — под крышей заводскою,
ну, а скольким — под огнем
смалу выпало такое,
что нам было не в подъем.

Нам туда бы, в лихолетье,
взять седины и года,
а сейчас бы жить на свете
молодыми, как тогда...

* * *

Попарны в мороз и в жару,
попарны в недоле и в холе,
попарны — помолвлены, что ли?—
хвоинки в сосновом бору.

* * *

Легко шагается в леса,
зато обратно охоньки:
в леса — пустые туеса,
а из лесу — полнехоньки.

Я не пойму, откуда кладь,—
в пихтарнике не яблоки,—
когда и где успел набрать
я по грибку, по ягодке...

* * *

Про тебя, лесная родина,
говорят, что ты Володина,
слышу, гордость затая:
хорошо, что ты моя!

Ты не лыковая, родина:
тут — завод, а там — заводина,
где я свой с давнишних пор,
а не ушлый гастролер.

Еду, радуюсь на родине
ржи и каждой огородине:
тыкве, маковке, стручку —
луговому погремку.

Хорошо у нас на родине —
все уремы во смородине:
что ни кисточка, то горсть,
угощайся, добрый гость!

Ну, а что еще на родине?
Русский блин на сковородине,
а еще — вкусней всего —
лещ улова своего.

У родных изба на родине,
пол на прочной переводине,
есть где «барыню» сплясать,
каблуки пообтесать.

И не раз, не два на родине
прямо в руки колоброде, мне,
прикатилось, как кольцо,
с круглым оканьем словцо,

мол, бери и пой о родине,
помышляя не об ордене,
лишь бы песенная власть
людям пó сердцу пришлась.

А какой родник на родине!
Кама — в желобе, в колодине.
Я там пил — как душу мыл,
не барыгой[1] вышел в мир.

Мне всю жизнь гордиться
родиной,
никому-то мной не проданной
ни за рупь,
ни за пятак,
ни за славу,
ни за так.

* * *

Давно уже ландыш погас,
леса приуральские хмуры.
С высокой своей верхотуры
спускается в долы Пегас.

Не то что весенней порой —
потупился, смотрит солово.
Невольно пропитано слово
грибницей и прелой корой.

Не шибко излетана даль,
не больно-то взмылена холка:
от случая к случаю только
седлал я строптивца, а жаль.

Мне в юности петь не пришлось —
была только первая проба.
Военного времени роба
на мне затвердела, как кость.

Работа — всю ночь,
день-деньской —
и в цех, возведенный до срока,
станков навезли издалека
к нам беженцы — люд заводской.

Туда же, донельзя устав,
как будто под крышу ангара,
в клубах паровозного пара
входил прямо с фронта состав.

В том цехе, не зная хандры,
ворочал я, словно сплавные,
тяжелые бревна стальные
в окалине вместо коры.

Чтоб грозно снаряд вылетал,
сверло эти бревна знобило,
и что-то рубило зубило,
и фрезы вгрызались в металл.

Стальной бронированный слон
со свастикой
ждал переплавки.
Девчонка с высокой подставки
деталь зажимала в патрон.

И я за таким же станком
стоял на настиле дощатом...
До строчек ли было — куда там!—
до слез ли над малым цветком...

* * *

В трех верстах от аэродрома,
порыжелые по весне,
в окна пригородного дома
белки рожицы корчат мне.

Не одни только электрички
будоражат меня чуть свет —
все соседки, лесные птички,
мне чивикают свой привет.

Мне так дорого их вниманье!
Словно знают они о том,
что когда-то в глухом урмане
в детстве-отрочестве моем
красотой, может, самой лучшей,
распахнулся мне белый свет:
лес дремучий,
да зверь рыскучий,
да смешливый кукушкин цвет,

еле слышимый муравьиный
ход по ельнику, крик сорок
и внезапный тетеревиный
взлет, как выхлопы,
из-под ног,

чье-то хорканье, чьи-то гамы,
чье-то кряканье на воде,—
это где-то в верховьях Камы,
я и сам уж не помню где.

Напролом — через пень-колоду,
и спасибо ничьей пчеле,
что дала мне отведать меду,
еще дикого на земле.

Он дышал ароматом тонким,
весь искрился желтым-желто...
Позавидуют — что потомки! —
мне и нынешние... Кой-кто.

* * *

Кому-то снится, как ни странно,
без незабудок русский край,
Иван Купала без Ивана
и без Ивана иван-чай.
Как негативы, мрачно-слепы,
насквозь уродливо-черны
и до бредовости нелепы
дурные эти чьи-то сны.

* * *

Не в бровь, а в глаз тебя назвали:
модный.
А ты и рад, а ты и хвост трубой,
а ты, видать, в лукавинке
народной
не уловил насмешки над тобой.

Тебе и невдомек, что для поэта,
уж если ты хоть капельку поэт,
нет клички оскорбительней, чем
эта,
и прозвища убийственнее нет.

* * *

Все те же яры́, и сосны,
заливы с густой кугой...
Ты в реку швыряешь блесны —
одну мудреней другой.

Все те же речные плесы,
а рыба уже не та,
и, как ни точны забросы,
затея твоя пуста.

Колдуй не колдуй у «окон»
мещерских лесных озер,
сторожко обходит окунь
мормышку и в самый жор.

И стал даже ерш таковским,
хоть суй ему в рот силом,
он брезгует одинцовским
искусственным мотылем.

Ни ершика, ни уклейки —
сверхмодный, а не помог
бегущий от батарейки,
трясущий мормышку ток.

[1] Барышник, перекупщик.

ЛОКОЛИТСЯ

Уловкам твоим не верят
ни щука и ни судак
ни здесь, ни на Селигере.
А ты все блеснишь, чудак!

* * *

Почему бесхвосты жабы,
не допытывались вы?
Дабы жабы
никогда бы
не толочили травы.

После долгого раздумья
бог Чернухе не дал рог,
дабы наглая бодунья
пастуха не сбила с ног.

И не зря морозец крепкий
по зиме — до сорока,
дабы хмель,
не в меру цепкий,
не извел бы лозняка.

И недаром нашей речи
знать не знает воронье —
дабы знал я, кто калечит
безнаказанно ее.

Не тарусский и не русский
грай посыпался с ветвей...
Сразу видно, что не курский,
не рязанский соловей.

* * *

Может, не безучастные
к трудной судьбе твоей,
сыплются звезды частые
в лен, в коноплю, в кипрей.

Только почаще взглядывай,
а уследил — молчи,
счастье свое загадывай
в августовской ночи.

Сеево беспрерывное —
небо как решето...
Что-то случится дивное,
сам я не знаю, что.

Словно стою в преддверии
ясных-преясных лет,—
нá сердце недоверия
к ним и в ненастье нет.

Чается мне великая
доля твоя, мой край...
Кто-то ехидно хмыкает:
«Маху, смотри, не дай!»

Верю клыкасто-смелому
ярому зверю-льву,
волку — ауке серому,
лютому существу,
полозу подколодному,
зубру, лисе, ежу...
Пёревертню безродному,
чур меня, погожу.

Весь он — сама нелепица,
блажь неизвестно чья,
как во хлебах — сурепица,
в колосе — спорынья.

...Кажется, ночь кончается.
Так хороша луна,
будто бы все, что чается,
видится ей сполна.

И на душе не падера [1] —
зорьки брусничный сок.
Звезд-то в росу нападало —
хоть собирай в мешок...

* * *

Течение неимоверное —
струя подгоняет струю.
Беды не случится, наверное,
чуток погожу, постою.
Расстанусь на время с отвагою,
замру где-нибудь в стороне,—
лежит же налим под корягою
все лето на илистом дне.
Не рыба, а лень разомлелая,
но мы не смеемся над ним:
зимою он самая смелая
и резвая рыба, налим.

И мне бы на тихом пристанище
пожить бы, себя поберечь...
А вдруг побратаешься в старице
с водою, уставшею течь?
И заводь предательски-ласково,
святые порывы губя,
затянет липучею ряскою
и тиной стреножит тебя,
страшнее врага-ненавистника
сомкнется и сдавит сплошной
стеной своего роголистника,
куги и чумы водяной...

* * *

Ах, русский квас!.. Он так шибает
в нос,
когда стоит жара и духотища!
Он эти бочки в щепки бы разнес,
будь послабее обручи и днища.

Заемный ум, нахватанный из книг,
не принесет желанного успеха,
тут нужен мастер — истинный
квасник,
а не какой-то пришлый неумеха.

Не молоко и даже не пивко
сбивает жажду — то-то и оно-то!
Куда как и сподручно и легко
узреть во мне квасного патриота!

Но я люблю ядреный этот квас,
пусть у кого-то от него гримаса.
Хочу остаться — рыцарь не на
час,—
а что стыдиться! — патриотом
кваса.

Уж лучше быть евоным, чем
ничьим,—
ничьих и так по самую завязку.
Да не забудем, да не умолчим
про русский квас и русскую
закваску!

* * *

На месте наших встреч недавних,
в их непрерывном череду
лилово-алый короставник
нам улыбался, весь в меду.
Был этот год медовым годом,
богаче всех медовых лет.
Все перелески пахли медом,
а о тебе и речи нет.
Вся из чего-то молодого,
ты, как волшебный медонос,

уж я-то знаю, как медова
была от губ и до волос.
И солнце, рыжий некулёма [2],
сойдя с орбиты голубой,
твоей медовостью влекомо,
как шмель, кружилось над тобой.
Кружилось — радо, радо, радо,—
рискуя сдвинуть ход планет.
А обо мне и слов не надо,
а обо мне и речи нет.

* * *

Была любовь — нет, робкая
попытка
переглянуться мельком
и молчком.
Давным-давно захлопнулась
[redacted]
туда, где, жаль, я не был
смельчаком.
Когда б она внезапно отворилась,
мне жизнь была бы всемеро
милей.
Но если б даже что-то
повторилось,
то все равно я не был бы
смелей.

* * *

Должно быть, не схожи судьбы...
Чуть что, так мечтаю я
наведаться как-нибудь бы
в родные свои края.

А там на песчаный берег
мальчишки бегут в трусах,
и каждый, как Витус Беринг,
мечтает о парусах.

Спешат они, наша смена,
не зная еще, куда:
им хочется непременно
выпорхнуть из гнезда.

Глядят они с-под откоса
на гулкую магистраль.
«Айдате! — стучат колеса.—
Иль сердцу чего-то жаль?

Черемухи? Речки? Гречки?
Чириканья в конопле?
Тепла на беленой печке?
Ярушника на столе?

Кривых деревенских улиц?
(Кривые — зато свои!)
На грязном нашесте куриц?
В пыли, под стрехой, шлеи?

Простой сыромятной сбруи,
расставшейся с Воронком?
(До смерти твой дед, горюя,
над нею вздыхал тайком).

Ну что растужились? Бросьте...»
И кто-то уедет... Но
обратно — хотя бы в гости —
захочется все равно.

И чьи-то сойдутся судьбы;
и кто-то вздохнет, как я:
«Наведаться как-нибудь бы
в родные свои края...»

* * *

Чьи-то гнезда, чьи-то семьи,
что ни пойма, то страна.
Познакомиться б со всеми,
кем земля населена!

Сколько резвых и сонливых,
расторопных и тихонь,
и бесстрашных, и пугливых
самых махоньких махонь —
и левее, и правее,
и ползком, и на весу!

С головой лежу в траве я,
как в тропическом лесу.

Задремал, но кто-то будит,
не пойму, откуда шум.
Это что еще за чудик,
что за странный шебаршун?

Глазки — маковое семя,
хобот — вроде у слона...
Познакомиться б со всеми,
кем земля населена!

Тут и видимые глазом
и укрытые от глаз
узким пазом,
хитрым лазом,
благо, есть и паз и лаз.

Что ни займище, ни взгорок,
всюду шум и толчея.
Чья нора и чей отнорок,
ячея — не знаю, чья.

Кто-то, спрятавшийся в нору,
добродушный и чудной,
жил в одну и ту же пору
на одной земле со мной.

Спал на сене под луною
всю-то ноченьку, а днем
грелся, крохотный, со мною
он на солнышке одном.

Жил какой-нибудь касатик —
по профессии стригун,—
и носатик,
и усатик,
и летун,
и попрыгун.

Жил какой-нибудь сударик —
без очков не разглядишь,—
полосатик иль чубарик,
волосатик иль голыш...

Что ни пойма, что ни пажить,
предстояло столько встреч!
Надо б каждого уважить,
уберечь, предостеречь.

Подержать бы на ладошке,
дать поесть чего-нибудь,
ободрить хотя б немножко,
мол, не бойся, добрый путь!

Сам-то я — пора отметить —
без помех, не без помех
прожил, кажется, на свете
далеко не меньше всех.

Поизведал, кроме счастья,
и невзгоды и печаль...
С кем-то в жизни повстречаться
не удастся мне, а жаль.

Не удастся: кратко время,
жизнь — и долгая — одна,
познакомиться со всеми,
кем земля населена.

[1] Буря с дождем, снегом.

[2] Неуклюжий, неловкий человек.

М. Нестеров. ПОРТРЕТ П. Д. и А. Д. КОРИНЫХ. 1930 год.

«Дорогая редакция!

Нам часто приходится бывать на станции метро «Комсомольская». Эта станция очень нарядно украшена. И особенно нам нравятся цветные мозаики, находящиеся высоко над колоннами. Этим картинам уже много лет, но, когда смотришь на них, кажется, что сделали их только что, так они сверкают и горят всеми цветами радуги. Изображены там великие русские полководцы Александр Невский, Дмитрий Донской, Суворов, Кутузов. Недавно мы узнали, что автор этих картин-мозаик художник Павел Дмитриевич Корин. И нам захотелось побольше узнать о его творчестве. Пожалуйста, напечатайте в вашем журнале произведения П. Д. Корина и расскажите о нем самом».

Это письмо студенток второго курса Московского педагогического училища № 7 С. Буганиной, Т. Романенко и других — одно из многих, поступающих в адрес «Огонька» с просьбой рассказать о П. Д. Корине.

Сегодня мы выполняем пожелания наших читателей.

ИЗ ГЛУБИНЫ РУСИ

И. ШЕВЦОВ

Он родился в столице русских иконописцев — древнем селе Палех. Его предки из рода в род писали иконы. И сам он — великий художник земли русской Павел Корин — начал свое творчество с иконописи.

Корин стремился хорошо изучить своих предшественников, особенно творения мастеров Древней Руси. Для этого в 20-е годы он совершает поездку по родной стране. В Новгороде, Пскове, Ярославле, Владимире, Ростове Великом изучает художник росписи храмов, восхищается гармонией и благородной красотой древнерусской архитектуры и живописи. Его поражает, как бережно, с любовью относились русские живописцы и зодчие далекого прошлого к национальному стилю. Характер и душа народа, мотивы Родины были неотъемлемыми чертами и творчества палехских художников. Эта же традиция с детских лет вошла, что называется, в плоть и кровь искусства Павла Корина.

Большой художник пишет то, что его волнует, что он хорошо знает, то, что прошло через его сердце. Очень часто элемент личного, биографического определяет тему и содержание того или иного произведения.

Мастерская братьев Кориных — Павла и Александра — помещалась в начале 30-х годов на Арбате, на чердачном этаже дома № 23. Она состояла из двух комнат и кухоньки. В одной комнате жил Павел Дмитриевич с супругой Прасковьей Тихоновной, в другой — располагался Александр Дмитриевич. Братья работали с увлечением. Иногда по целым дням не выходили из дома.

Павел Дмитриевич самозабвенно писал этюды к картине «Реквием». Еще неясны были композиция ее и сюжет, но характеры действующих лиц уже рождались на холсте. Они были живые, со своими страстями, верой, смятением. Они оживали под могучей кистью художника, становясь искусством. Корин чувствовал свою силу, художественную и историческую значимость своего труда, понимал: только он, и никто другой, сможет написать такую картину!

3 сентября 1931 года в мастерскую Кориных не вошел — влетел запыхавшийся человек, выпалил, волнуясь, скороговоркой:

— Павел Дмитриевич, спускайтесь скорей вниз. Там Горький к вам приехал, да никак не смог подняться по лестнице. Одышка у него. Хочет познакомиться с вами...

Это было так неожиданно, ошеломляюще, что Корины не сразу поверили. Но Алексей Максимович действительно приехал познакомиться с молодыми художниками-палешанами. Лифта в доме не было. Отдышавшись на площадке четвертого этажа, Горький поднялся в мастерскую Кориных.

Долго и внимательно рассматривал Горький этюды Павла Дмитриевича, расспрашивал о композиции будущей картины, поинтересовался названием.

— «Реквием»,— не очень уверенно ответил Павел Дмитриевич.

Горький нахмурился, лицо сделалось задумчивым. Затем, посмотрев на художника, дружески сказал:

— Адреса не вижу. Название должно определять содержание.— Кивнул на этюды: — Они все, эти церковники,— уходящие. Уходят из жизни. Уходящая Русь. Я бы так и назвал: «Русь уходящая».

И как-то сразу все определилось, стало на свое место, идея и замысел приобрели ясную и четкую стройность.

Прощаясь, Горький сказал Кориным:

— Вам бы надобно в европейских музеях побывать: Дрезден, Лувр, Италия. Обязательно в Италию нужно поехать, непременно. Это школа

П. Корин. 1892—1967. ПОРТРЕТ М. В. НЕСТЕРОВА, 1939.

Государственная Третьяковская галерея

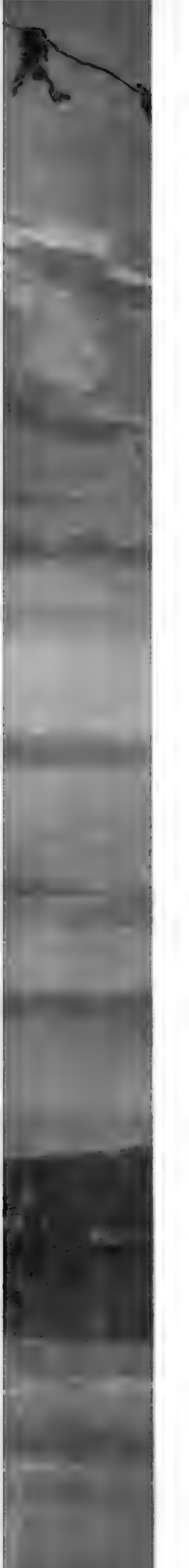
П. Корин.
А. М. ГОРЬКИЙ.
1932.

Государственная
Третьяковская
галерея

П. Корин. СТАРИННЫЙ СКАЗ. Правая часть триптиха «Александр Невский». 1943.

П. Корин.
СЕВЕРНАЯ БАЛЛАДА.
Левая часть триптиха
«Александр Невский». 1943.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ.
Средняя часть триптиха
«Александр Невский». 1942.

Государственная
Третьяковская галерея.

П. Корин. ПОРТРЕТ К. Н. ИГУМНОВА. 1941—1943.

Государственная Третьяковская галерея.

Государственная Третьяковская галерея

П. Корин. ПОРТРЕТ С. Т. КОНЕНКОВА. 1947.

П. Корин. ОТЕЦ И СЫН. 1931.

великая — искусство Возрождения. Поедемте вместе. Завтра приходите ко мне, там и решим...

18 октября от Белорусского вокзала столицы отошел поезд, в одном вагоне которого находились А. М. Горький и братья Корины. Вместе ехали до Германии. Дальше путь Горького лежал прямо в Сорренто, а Корины решили по пути в Рим задержаться на короткое время в Мюнхене. И наконец они в Риме!

Как зачарованные, ходят братья по улицам и музеям Вечного города. Они потрясены великими творениями титанов эпохи Возрождения. Леонардо, Микеланджело, Рафаэль, Тициан, Веронезе... Какая могучая красота, чарующая гармония! И каждый из них — целый мир, огромный и неповторимо прекрасный. Океан бурь и страстей. И два живописца стараются постичь главные силы этих океанов. На листах блокнота, с которым Павел Дмитриевич не расстается, рядом с рисунками, набросками, как мысли вслух, как непосредственный восторг, появляются записи. Вот о Леонардо да Винчи:

«Творчество Леонардо вообще обаятельно его философским подходом к жизни, к человеку. Ясный, объемлющий всю природу взгляд художника видит главное в человеке; он прославляет его, возвышает и облагораживает. Леонардо бесконечно любил то, что изображал. Природу он называл милостивой, а живопись — немой поэзией, результатом которой является гармоническая пропорция... Учась у природы, он высмеивал живописцев, которые без разбора срисовывают предметы, подобно зеркалу, отражающему все подряд».

Для каждого мастера Павел Корин находит определение:

«Тициан во всем блеске проявил свое гениальное дарование... Ему было доступно многое, если не все: и стихия жизнелюбия в изображениях прекрасных женщин, и просветленность нравственного подвига, и чудо психологического портрета. Он угадывал порок, жестокость, коварство и со всей мощью живописи запечатлел тайное тайных человека. Сама краска звучала у Тициана во всех богатствах тональности. И так у него всегда — его краски неравнодушны, они составляют гармонический общий аккорд... И у Леонардо была гармоническая пропорция, и у Джорджоне, и у Тициана. Но у каждого своя, совершенно особая. Леонардо был как бы бесстрастнее, объективнее, интеллектуальнее, Джорджоне — изысканнее, утонченнее, Тициан же — мощнее, чувственнее, откровеннее».

Прав был Алексей Максимович: Италия послужила для Павла Корина великой школой.

Рим, Венеция, Флоренция... Во Флоренции художника поразила архитектура. Зарисовав купол Брунеллески, он пишет:

«Архитектура Флоренции поражает своим суровым мужеством, силой и лаконизмом. Высокое, горделивое мужество! Дух великих идей. Такое искусство поднимает человека!»

Павел Корин берет на вооружение великое наследие прошлого:

— Помни! «Моисей» Микеланджело. Огромная воля к выполнению и пламенное вдохновение. Какая героическая простота!

— Помни! Рибейра. Живая линия тени. Какая густая живопись, какое обобщение!

— Помни! Могучие силуэты голов и рук. Веласкес. Какая осанка!

В феврале 1932 года Павел Дмитриевич переехал в Сорренто и до 7 апреля жил у Алексея Максимовича, писал его портрет.

С самого начала Корин решил создать портрет на фоне итальянского пейзажа. Задача была не из легких. Перед живописцем предстал больной, измученный тяжелым недугом человек, художник русского слова. И Павел Дмитриевич понимал духовную драму Горького. Он запечатлел в глазах писателя острую тоску по Родине и вместе — негаснущее пламя души, ясный ум.

Во время сеансов Алексей Максимович вел неторопливый разговор. О том, как живут художники, над чем работают. Вспоминал этюды к «Руси уходящей». И, размышляя вслух, подсказывал:

— Вам бы создать галерею настоящих людей. Вы можете. Сильные характеры вам по плечу... Ромена Роллана написать. Вот человечище: удивительной красоты душа!

И в тот же день писал письмо Ромену Роллану:

«Сейчас у меня живут братья Корины, художники, тоже палеховцы, но уже окончившие школу, ученики Нестерова. Один из них пишет мой портрет и, когда кончит, я пришлю Вам снимок. Общее мнение — портрет хорош. Художник действительно очень серьезный и талантлив. Его мечта — написать Ваш портрет, для чего он в будущем году мог бы приехать к Вам. Я поддерживаю это его намерение, ибо нужно, чтоб в Союзе Советов был Ваш хороший портрет. Позвольте надеяться, что Вы не против этого, друг мой?»

«Горький»... Пустынный берег залива, на переднем плане клочок земли, выжженный солнцем. По ту сторону залива невысокие горы. И небо совсем не итальянское. Не спокойное, лазоревое, а встревоженное всполохами лохматых облаков. Горький — огромный, худой, в длинном пальто, стоит, оперршись на палку, и кажется, на сутулых, угловатых плечах его лежит груз времени. На изможденном, худом лице синеют глаза. В них такая гамма мыслей и чувств, что диву даешься, как кисть художника сумела раскрыть сложнейший внутренний мир писателя...

Уже в этюдах к «Руси уходящей» проявилась характерная черта коринского живописного почерка — тяготение к монументальности. В портрете Горького это свойство таланта Павла Дмитриевича нашло особенно яркое воплощение.

В конце мая 1934 года Горький навестил художника в Москве в его новой мастерской. Павел Дмитриевич, продолжая работать над «Русью уходящей», написал к тому времени еще несколько этюдов: нищего, молодого монаха, портрет двух монахов.

Долго, внимательно всматривался Горький в бледные лица схимниц, в жуткое лицо слепого, в могучую осанку старика Чуракова и фигуру его сына. Сказал, уходя:

— Вы накануне написания замечательной картины... Вы ее создадите, непременно.

И Корин продолжал работу. Искал все новые лица, всматривался, прицеливался. В голове зрела композиция — масса народа, выходящего из собора с митрополитом во главе. Уже написано два этюда интерьера Успенского собора, написано еще несколько портретных этюдов, в том числе и митрополита. По специальному заказу соткан холст для будущей картины, натянут на гигантский подрамник: девять метров в длину, шесть в высоту. И вдруг удар, страшный, неотвратимый: умер Горький. Ушел большой друг и наставник художника, добрый, внимательный покровитель.

В конце тридцатых и начале сороковых годов Павел Корин создает целую галерею портретов выдающихся деятелей русской культуры: М. В. Нестерова, А. Н. Толстого, В. И. Качалова, К. Н. Игумнова, Н. Ф. Гамалеи, Л. М. Леонидова.

Замечательный музыкант Игумнов изображен в минуту творчества за раскрытым роялем. Это не портрет. Это фейерверк звуков, слитых в могучую мелодию. Звучат аккорды. Вы слышите? Музыкой охвачена вся картина, она льется из огненно-жаркого пламени фона, занявшего половину холста. Я не знаю другой такой картины, где бы фон был столь активен, содержателен, звучен. И выразителен.

И все же из портретов, написанных Павлом Кориным в те годы, мне кажется, лучшим надо признать портрет Алексея Толстого. В нем с необыкновенной силой выражено то, что составляет сущность человека и в то же время характеризует самого художника как портретиста, который с восхищением смотрит на мир глазами, полными здорового оптимизма.

В годы войны Павел Корин руководил реставрацией скульптуры Большого театра. И чувствовал себя солдатом, мобилизованным и призванным. Он не собирался покидать Москву.

Жизненная потребность творить, создать нечто небывалое, высокое, достойное подвига народа клокотала в нем, звала к оружию. А его оружие — кисти и краски, и этим оружием он владел в совершенстве. Тревожными ночами под высверки мечей прожекторов, режущих небо над затемненной Москвой, Павел Корин обдумывал сюжет новой картины. Искал необычного, сильного, «как благородный гнев Микеланджело, как высокая мысль Александра Иванова».

...В эти дни художник задумал триптих, посвященный героическому прошлому русского народа. Центральная часть триптиха — «Александр Невский». Герой стоит в воинских доспехах, с мечом в руках на берегу Волхова, под боевым стягом русских воинов. И здесь, как и в портрете Горького, Корин применил прием низко опущенного горизонта, подчеркивая исполинскую фигуру Невского. Суров и напряженно-сосредоточен взгляд полководца, устремленный в ту сторону, откуда должен появиться враг. Небо над Волховом в мятущихся свинцовых тучах.

Полотно это написано в сдержанных серых тонах, с которыми тревожными вспышками контрастируют полосы красной накидки. Они как знамения кровавых и жарких сражений.

Центральная часть триптиха была написана почти в одно время с левой частью, названной «Северная баллада», которая, впрочем, как и «Александр Невский», смотрится вполне самостоятельной станковой картиной, произведением поистине героического эпоса. Будто вышедшие из прекрасной былины среди осеннего золотисто-багряного пейзажа Древней Руси, предстали перед зрителями две фигуры: могучего воина и его жены. Грусть расставания, быть может, навсегда, сдержанная, мужественная печаль женщины отражены не только на ее пленительном лице. Они во всем ее облике. А муж не просто воин. Образ этот многогранен. В нем прежде всего человек во всей его сложности: отец, хозяин, патриот, труженик.

Триптих «Александр Невский» появился на выставке в Москве в суровое военное время. Он производил огромное впечатление на зрителей. Успех был небывалый.

В начале пятидесятых годов Корин создает мозаические композиции на плафонах станции метро «Комсомольская-кольцевая»: «Александр Невский», «Дмитрий Донской», «Минин и Пожарский», «Суворов», «Кутузов»... В этом красочном, торжественном ансамбле Павел Корин раскрылся как мастер монументально-декоративной мозаики. По его эскизам были сделаны в то же время и все витражи в метро станции «Новослободская».

Сразу же после войны Кориным были написаны портреты выдающихся советских военачальников — маршалов Жукова, Толбухина, Говорова. Маршала Жукова художник писал в Берлине в победную весну 1945 года, писал вдохновенно.

Изображая в этих портретах типичные черты сильного русского характера, живописец старался ответить на вопрос: почему мы одержали победу в неслыханной по масштабам битве?

Сила искусства Павла Корина состоит прежде всего в том, что могучий талант этого русского мастера родился, вырос и созрел на национальной почве. Корин никому не подражал — ни Андрею Рублеву, ни Александру Иванову, ни Виктору Васнецову, ни Михаилу Нестерову, перед которыми всю жизнь преклонялся. Он учился у них и выработал свой — коринский — стиль.

Корин — русский всем своим существом, но ему была чужда национальная ограниченность. Думаю, что никто из его коллег-современников не знал так блестяще мировое искусство, как он.

— Мне кажется, — говорил Павел Дмитриевич, — что наше многонациональное искусство должно принять и принимает общечеловеческий характер. Этот общечеловеческий характер вырастает на национальной основе и не иначе. Через национальную основу к общечеловеческому началу — таково направление развития. Подлинно национальный художник тот, кто тесно, кровно связан с народом своей родины, кто понимает его исторические судьбы и задачи, кто предан интересам нации и выражает свои думы и свои чувства на языке своего народа.

Корин всегда подчеркивал единство, неразделимость понятий: реализм, человеколюбие, красота, жизнь. Писал как-то:

«В живописи надо быть реалистом. Мне это искусство дорого именно тем, что его призвание и его задача — слить воедино природную форму предмета и мысль человека о нем. Я люблю человека, все человеческое: лицо, мысли, чувства, дела. Настоящий художник умеет открывать прекрасное в людях, прекрасное в жизни».

И еще в другой раз утверждал: «Народ благодарно принимает искусство, которое воспевает и возвышает человека. Народ отвергает все уродливое, что искажает и извращает жизнь».

РАССКАЗ

Джек ЛОНДОН

Р А З Ж Е Ч

Рисунок С. БРОДСКОГО.

Семьдесят лет назад вышла в свет первая книга Джека Лондона. Это был «Сын волка», сборник северных рассказов, завоевавших широкую известность молодому автору. К числу самых популярных северных рассказов принадлежит и «Костер».

В последнем, четырнадцатитомном собрании сочинений Д. Лондона, выпущенном «Библиотекой «Огонек» в 1961 году, рассказ «Костер» датируется маем 1902 года. Это ошибка. Напечатанный в собрании сочинений рассказ Лондона взят из сборника «Потерявший лицо» (1910). Он был написан и напечатан в 1908 году.

И все-таки в мае 1902 года Лондон тоже опубликовал рассказ с тем же названием. Но ведь могло быть и так, что писатель дважды напечатал свое произведение в журналах, в 1902 и 1908 годах, а затем включил его в сборник. По-видимому, так и рассуждали составители собрания сочинений.

Ясность в проблему внесло письмо Джека Лондона, присланное 22 декабря 1908 года из Австралии. В нем он сообщает о созданном им новом рассказе «Костер» и объясняет, что много лет назад написал рассказ под тем же названием.

Но где же он, этот первый рассказ? Он был извлечен из забвения американскими литературоведами и опубликован в литературном журнале. Сегодня советский читатель впервые получает возможность ознакомиться с ним.

Виль БЫКОВ,
кандидат филологических наук

Во всяком путешествии и мореплавании присутствие спутника обычно считается желательным. На Клондайке же, как убедился Том Винсент, без спутника просто невозможно. Том пришел к такому категорическому выводу не благодаря инструкциям, а собственному горькому опыту.

Закон Севера гласит: «Ни в коем случае не пускайся в путь без товарища». Том слышал его множество раз, но только посмеивался, потому что был он здоровенным широкоплечим молодым парнем, верил в себя, в свою смекалку, в силу своих рук.

Произошло это в студеный январский день, и случай этот пробудил в нем почтение к морозу и к мудрости тех, кому довелось с ним сразиться.

Из лагеря Калюме, что на Юконе, он вышел с легким рюкзаком за спиной, направляясь вверх по ручью Пол до хребта, служащего водоразделом с ручьем Черри, где его партия вела разведку и занималась охотой на лося.

Было градусов шестьдесят ниже нуля, и ему предстояло пройти в одиночку тридцать миль. Однако это его не тревожило, он даже испытывал удовольствие от мерного беззаботного шага в тишине, от ощущения, как кровь согревает тело, наполняя его счастьем. Он вместе со своими товарищами был уверен, что здорово заработает там, за водоразделом ручья Черри, ну, а кроме того, ведь он возвращался к ним из Доусона со свежими письмами от родных из Штатов.

В семь часов начал он шагать в своих мокасинах от лагеря Калюме. Тогда еще было темно. А к половине десятого, когда рассвело, он уже отмахал четыре мили по прямой и находился милях в шести от устья ручья Пол. Тропа — по ней, видно, мало ходили — пролегала по руслу ручья, и заблудиться было невозможно. В Доусон он пришел по ручью Черри и Индейской реке, поэтому ручей Пол был ему незнаком. В половине двенадцатого он подошел к развилке, о которой ему говорили, теперь, по расчетам, половина дороги осталась позади — пятнадцать миль. Но вторая половина — так всегда бывает — дается труднее, он знал об этом и решил, что вполне заработал свой ленч. Сбросив рюкзак и присев на упавшее дерево, он снял варежку с правой руки, залез к себе за пазуху, до самой нижней рубашки, и выудил две завернутые в носовой платок лепешки, между ними лежал ломоть ветчины — только таким способом можно было сохранить еду от превращения ее в ледышку.

Не успел он прожевать и первый кусок, как начали коченеть пальцы. Том натянул варежку. Рука замерзла мгновенно. Нет, это был, конечно, самый лютый мороз, какой ему доводилось чувствовать.

Он сплюнул на снег, и резкий щелчок упавшего внезапно замерзшего плевка испугал его. Когда он выходил из Калюме, спиртовой термометр показывал шестьдесят градусов мороза, теперь же, он был уверен, стало гораздо холоднее, но насколько — он не знал.

Он не съел и половину лепешки, а уже почувствовал озноб. Это его поразило. Так не пойдет, решил он и, накинув на плечи лямки рюкзака, встал, чтобы пробежаться по тропе.

Несколько минут бега согрели его, и он перешел на широкий шаг, дожевывая на ходу лепешку. Пар от дыхания инеем садился у него на губах и усах, корочки льда образовались на подбородке. Щеки и нос поминутно немели, и он оттирал их, пока они не начинали гореть от прилившей крови.

Большинство мужчин носило наносники, так поступали и его приятели, но он лично презирал эти «бабские штучки», до сего дня он не видел в них нужды. А вот сейчас наносник бы пригодился — ему не пришлось бы тереть лицо беспрерывно.

И все-таки он испытывал прилив радости, подлинного торжества. Ведь он делал дело, чего-то добивался, побеждал стихию. Один раз от полноты жизненных сил он даже громко засмеялся и, сжав кулак, погрозил морозу. Он его одолел.

Все, что он делал,— это вопреки лютой стуже, которая не в силах была его остановить. Человек шел вперед, к перевалу ручья Черри.

Стихия сильна, но он сильнее. Даже звери в такую пору забрались в норы и затаились. А он не прячется. Он идет навстречу стихии, вступает с ней в борьбу. Он человек, хозяин природы.

Так, охваченный гордой радостью, он шел вперед. Через час он уже был у излучины, где ручей протекал близко у гор, и здесь столкнулся с самой коварной и самой страшной опасностью, какая только может поджидать путника на Севере.

Сам ручей промерз насквозь до своего скалистого дна, но у горных склонов били ключи. Они не замерзали даже в самый свирепый мороз, он лишь ослаблял их, но не мог сковать. Укрытая от стужи снежным одеялом, ключевая вода просачивалась на лед ручья и образовывала на нем неглубокие озерца.

Поверхность этих озер подергивалась ледяной коркой, которая вначале утолщалась, а затем поверх нее снова наливалась вода, образуя над первым второе озерцо с новой коркой льда.

Внизу был лед ручья, потом дюймов шесть — восемь воды, потом тонкая ледяная корка, потом еще шесть дюймов воды и опять новая ледяная корка. А поверх этой последней корки лежало с дюйм свежего снега, который прикрывал эту западню.

Нетронутый снежный покров ничего не сказал Тому Винсенту о таящейся опасности. Поскольку у края верхняя корка льда была толще, он дошел почти до середины и там провалился.

Само по себе это происшествие, как казалось, не было уж столь серьезным: ведь человек не может утонуть на тридцатисантиметровой глубине, но по своим последствиям это было несчастье, самое серьезное, какое только могло случиться.

Едва почувствовав жгучий холод воды на своих ступнях и голени, он в несколько прыжков достиг берега. Он не растерялся и мгновенно сообразил: главное, что немедленно нужно сделать,— это разжечь костер. Ибо другой закон Севера гласит: **делать переход в мокрых носках допустимо только при температуре не ниже двадцати градусов мороза; в противном случае следует просушиться.** А сейчас было раза в три холоднее, уж никак не меньше, он был уверен.

Кроме того, он знал, что костер следует разводить с большими предосторожностями, так как при неудачной первой попытке у второй меньше шансов на успех. Короче говоря, он знал, что неудачи не должно быть. Всего лишь несколько мгновений назад он был сильный человек, гордящийся своей властью над стихией, теперь он защищал свою жизнь от той же самой стихии — так разительна была перемена, внесенная литром воды в планы путешественника на Севере.

У самого берега в группе сосен с весеннего половодья осталось много сучьев и веток. Просушенные летним солнцем, они вспыхнут от первой же спички. Но в громоздких арктических варежках костра, конечно, не разожжешь, поэтому Винсент снял их, сгреб побольше веток и, отряхнув с них снег, сложил костер. Из внутреннего кармана он вытащил спички и тоненький кусок бересты. Спички были серные, специальные клондайкские, сотня в пачке.

Он сразу почувствовал, как быстро замерзли пальцы, пока он вынимал спичку из пачки и тер ее о штаны. Береста вспыхнула ярким пламенем, как сухая бумага. С величайшей осторожностью стал он обкладывать ее веточками и сухой травой, заботливо поддерживая огонь. Торопиться ни в коем случае не следовало, уж это он хорошо знал, и он не спешил, хотя пальцы у него совсем окоченели.

После непродолжительных острых покалываний его ступни ныли какой-то тупой болью и быстро теряли чувствительность. Но огонь! Хотя еще и очень слабый, это был уже успех; он знал, что пригоршня снегу и энергичное растирание быстро вылечат его ноги.

Но в тот момент, когда он начал подкладывать в огонь первые сучки, случилось страшное. Над его головой нависали сосновые сучья, они все прогнулись от груза снега, скопившегося за четыре месяца снегопадов. Этот груз был так велик, что было достаточно слабого движения путника, когда он подбирал ветки, чтобы нарушить равновесие. Первым сдвинулся ком с верхнего сука, сбивая и увлекая за собой снег с нижних сучьев. И вся эта снежная груда, возросшая при падении, обрушилась на голову Тома Винсента и погребла его костер.

И все же, хотя он знал, как велика свалившаяся на него беда, он сохранил присутствие духа. Он сразу же принялся заново раскладывать костер. Но пальцы у него так занемели, что не гнулись, и ему приходилось каждую веточку поднимать, зажав кончиками пальцев обеих рук.

Когда дело дошло до спичек, ему стоило невероятных усилий извлечь спичку из пачки. В конце концов, опять же с большим трудом, он зажал спичку большим и указательным пальцами. Но, пытаясь чиркнуть

Ь КОСТЕР

ею, он уронил ее в снег, да так и не смог поднять.

Он встал в отчаянии. Ступни уже не болели, правда, коленки сильно ныли. Надев варежки, он отступил в сторону настолько, чтобы снег не засыпал новый костер, который он собирался разжечь, и принялся ожесточенно колотить руками по стволу дерева.

Это вернуло рукам подвижность, он смог вытащить еще одну спичку и поджечь оставшийся у него кусочек бересты. Но тело его начало замерзать и руки дрожали, поэтому, когда он подкладывал ветки, он повернул бересту, и слабое пламя потухло.

Мороз одолевал его. Руки теперь не действовали. Но все же, прежде чем натянуть перчатки и броситься в панике по тропе, он на всякий случай сунул пачку спичек в оттопыренный наружный карман. Нет, в шестидесятиградусный мороз идти с промокшими ногами нельзя, мелькнула у него мысль.

Он круто повернул к тому месту ручья, откуда было видно на милю вперед. Но помощи ждать было неоткуда: кругом ни души, только белые деревья и белые холмы, смертельный холод и мертвое безмолвие! Эх, если бы рядом был товарищ с сухими ногами, подумал он, только товарищ мог разжечь костер и спасти его!

В тот момент он заметил новое скопление хвороста, оставшееся после разлива. Если бы только ему удалось зажечь спичку, все бы еще могло устроиться. Окоченевшими, негнущимися пальцами он вытащил пачку спичек, но вынуть спичку не смог.

Он сел и неуклюже стал поворачивать всю пачку на коленях до тех пор, пока она не улеглась в его кисти так, что серные головки торчали наружу, как лезвие ножа, когда зажмешь его в кулаке.

Но его пальцы оставались прямыми. Они не хотели сжиматься. Тогда он надавил на них другой рукой и заставил согнуться в кулак. Держа пачку обеими руками, он тер и тер ее об ногу, пока спички не загорелись. Но пламя обожгло кожу на его руке, и он невольно разжал руку. Спички упали в снег и, пока он безуспешно пытался поднять их, зашипели и погасли.

Он снова побежал, на этот раз в страшном испуге. Ступни у него совершенно онемели. Он зацепился за вмерзшее в лед бревно, упал в снег и почувствовал боль в спине, но ног он не чувствовал.

Пальцы на руках окоченели, начали неметь и кисти рук. Нос и щеки уже были обморожены, но они не в счет. Спасти его могли только руки и ноги, если, конечно, ему суждено спастись.

Он вспомнил, что ему говорили о лагере охотников на лосей, расположенном выше протоки ручья Пол. «Это должно быть где-то неподалеку»,— подумал он. О, если бы только ему удалось разыскать лагерь, он был бы спасен. Минут через пять он нашел этот лагерь, но пустым и безлюдным; в сделанные из сосновых сучьев шалаши, где охотники ночевали, намело снегу. Том опустился на снег и заплакал. Все было кончено. В лучшем случае через час при такой страшной температуре он превратится в обледенелый труп.

Однако любовь к жизни была в нем сильна, и он вновь поднялся. Мозг работал четко. Ну, и пусть спички обжигают руки. Обожженные руки лучше, чем мертвые. Даже потеря рук — это лучше, чем смерть. Он пошел по тропе, пока не нашел новую груду хвороста, оставленную половодьем. Здесь были ветки, сучья, листья и трава — все сухое, словно просилось в огонь.

Он сел и снова стал орудовать на коленях со связкой спичек. Уложил ее на ладони, запястьем другой руки заставил бесчувственные пальцы охватить связку. Связка загорелась со второго раза. И он знал, что если вытерпит, то спасен. Серный дым перехватывал дыхание, синее пламя лизало плоть его рук.

Поначалу он не чувствовал боли, но жар быстро проник сквозь замерзшую кожу, и он ощутил острый запах горящей плоти — его плоти. Он скорчился от мучительной боли, но не разжал рук. Сжав зубы, он покачивался взад-вперед до тех пор, пока пламя не стало ярким и белым, тогда он поднес это пламя к травинкам и листьям.

Прошло пять тревожных минут, огонь постепенно разгорелся. Только теперь он смог приступить к делу. Нужно было спасаться. Дорога́ была каждая секунда, требовались героические усилия, и он не стал терять времени.

Попеременно, то натирая руки снегом, то опуская их в пламя, а потом стуча ими о ствол дерева, он восстановил ток крови и наконец смог ими действовать. Охотничьим ножом он рассек ремни своего рюкзака, раскатал одеяло и вынул сухие носки и обувь.

Затем он разрезал свои мокасины и разулся. Позволить себе обращаться со своими ногами так же бесцеремонно, как с руками, он не мог, он отодвинулся от костра и стал растирать их снегом. Он тер их до тех пор, пока не коченели руки, тогда он обматывал ноги одеялом, согревал руки у огня и снова принимался за растирание.

Так он работал часа три и только тогда почувствовал, что самое опасное позади. Всю ночь он просидел у костра, а к концу следующего дня, хромая от боли, он вошел в лагерь у водораздела ручья Черри.

Через месяц он смог ходить, правда, пальцы на ногах остались навсегда болезненно чувствительными к холоду. А шрамы на руках он, по его словам, так и унесет с собой в могилу. **«Ни в коем случае не пускайтесь в путь без товарища!»** — так формулирует Том Винсент закон Севера.

Перевел с английского
Виль БЫКОВ.

М. ХРОМЧЕНКО

Фото Б. Кузьмина.

Сестра надевает на мою голову резиновую маску, кладет на глаза смоченные в физиологическом растворе марлевые тампоны, накладывает электроды. Через несколько секунд я начинаю чувствовать вокруг глаз и за ушами легкое покалывание. Как условились, поднимаю руку. Проходит минута, вторая, третья. Я привыкаю и уже ничего не чувствую.

Сквозь закрытые и плотно зашторенные окна в тишину комнаты изредка прорываются приглушенные звуки города. Мирно посапывает больной, лежащий у стеклянной стены, за которой на страже нашего электросна у приборов сидит сестра. Еще двое больных спят глубоким младенческим сном.

Я не знаю, кто они, как попали в этот кабинет. Понимаю лишь, что найти поликлинику железнодорожников, где применяется метод лечения электросном, их заставили годы страданий, безуспешных попыток избавиться от своих заболеваний. Я понимаю это потому, что только что прочитал записи в книге отзывов и предложений, фактически записи благодарностей, высказанных раньше другими больными, которые наконец-то избавились здесь от своих многолетних бед.

Среди записей я не увидел одного: объяснения, как эти люди нашли эту поликлинику, приютившуюся на шумном московском перекрестке. Но легко могу представить: я и сам узнал о ней совершенно случайно. Однажды услышав о методе лечения электросном, я расспрашивал о нем знакомых врачей. Одни недоуменно пожимали плечами. Другие заранее отрицали его эффективность: когда-то что-то о нем слышали, но толком объяснить ничего не могли. Третьи...

Как обмануть сторожевого пса

Кому охота терпеть боль? Желающих мало. Не случайно еще Амбруаз Паре много веков назад писал, что «ничто не в силах так ослабить жизненные силы и дух человека, как боль». И чтобы избавиться от ее мучительного, тягостного влияния, человечество пользуется различными обезболивающими препаратами, всякими там пирамидонами и анальгинами.

Но заглушить боль — хитрость небольшая. Боль — первый сигнал неблагополучия в организме, его верный сторожевой пес. Надо найти причину болезни и избавиться от нее.

Возникает необходимость в оперативном вмешательстве, но тут уже сторожевой пес становится поперек дороги хирургу, несущему спасение. Согласиться рвать зуб или дать себя резать «по живому» — на такое способны единицы. И чтобы вылечить человека, а для этого проникнуть в организм, врачи разрабатывают способы анестезии — обезболивания.

Появление первых анестетиков революционизировало хирургию. Однако довольно скоро врачи убедились, что в иных случаях наркоз для жизни больного может оказаться опаснее, чем сама операция. По сей день не найдено наркотического вещества, которое не обладало бы токсичностью, не было бы ядом для организма. По сей день фармакологи не создали препарата, который одновременно имел бы узкий круг противопоказаний и достаточную наркотическую силу.

А сколько людей на земле сейчас страдает от бессонницы!

Утопающие хватаются за обманчивую соломинку наркотиков. Однако длительное применение снотворных и обезболивающих таблеток вызывает ухудшение состояния больных.

Врачи, социологи и миллионы граждан с надеждой взирают на фармакологов: дайте безвредное лекарство! Те смущенно разводят руками: поиски безвредных химических препаратов пока — увы! — остаются безуспешными.

Но почему искать только химические средства обезболивания? Могущество химии бесспорно. Но не одною же ею сыт-велик человек. Есть и другие средства — физические, в частности электричество.

О том, что организм животных и человека пронизывают, словно небо в грозу, молнии, электрические токи и электромагнитные волны, ученые знают давно.

Влияние электрического тока на нервную систему, через которую ток влияет на организм в целом, изучали выдающиеся отечественные физиологи прошлого века: А. Филомафитский, И. Сеченов и его ученики Б. Вериго и Н. Введенский. Последний обобщил эти исследования в своем знаменитом труде «Возбуждение, торможение, наркоз».

В 1902 году известный французский хирург С. Ледюк с ассистентами Мальгербом и Руксо впервые попытался применить импульсный электрический ток в качестве наркотического средства. Из лабора-

В ЗОНЕ ЭНТУЗИАЗМА

ЦЕЛЕБНЫЙ ЭЛЕКТРО

тории, где он работал с животными, С. Ледюк перешел в клинику и стал первым человеком, испытавшим электронаркоз на себе. Воодушевленный неожиданной удачей, он предсказал ему широкие перспективы в хирургии. Однако и по сей день этот метод считается «очень заманчивым, но обманчиво ускользающим из рук».

Сотрудник Всесоюзного института экспериментальной медицины в Ленинграде Г. Календаров решил использовать ток, который вызывал дремоту, оцепенение или состояние, подобное легкому опьянению. Так он набрел на золотую жилу — электросон. Уже в первых экспериментах—на себе самом — он убедился, что новая, «нежная» терапия снимает утомление, раздражительность, избавляет от головной боли, способствует появлению бодрости и хорошего настроения.

«Нежная» терапия

«Охранительное торможение», по терминологии И. Павлова,— лечение сном — давно уже получило права гражданства в клинике. Но с одной оговоркой. Легче всего вызывать искусственный сон с помощью медикаментозных средств, которыми организм человека и без того перегружен.

Свои исследования электросна, прерванные Великой Отечественной войной, Г. Календаров возобновил уже в Москве, в психиатрической клинике имени С. Корсакова I Московского медицинского института. Природу и эффективность электросна начали изучать академик АМН СССР В. Гиляровский, профессора Н. Ливенцев, В. Банщиков и многие другие. И едва ли не сразу они обратили внимание на удивительные факты.

«Охранительным торможением» с помощью электросна врачи хотели воспользоваться прежде всего для борьбы с нервными и психическими заболеваниями. И правда: сеансы электросна регулировали соотношение процессов возбуждения и торможения. Но одновременно какими-то непонятными путями они же способствовали избавлению больных от иных страданий.

Скажем, лечили больного шизофренией, у которого была еще и язва желудка и двенадцатиперстной кишки. Через двадцать сеансов он переставал жаловаться на боль в области желудка, у него появлялся аппетит, нарастал вес, а затем, на рентгенологическом исследовании, недоумевающие врачи констатировали зарастание язвенной ниши.

Другого больного лечили от неврастении, откладывая на будущее борьбу с гипертонической (или гипотонической) болезнью. А через те же двадцать сеансов, избавляясь от неврастении, человек одновременно обретал и нормальное давление крови.

Строго научное решение вопросов терапии еще впереди, но это, однако, отнюдь не исключает возможность плодотворного влияния всяких новых приобретений физиологии на деятельность врача,— это высказывание И. Павлова можно полностью отнести и к электросну.

Природа его не познана до конца, так же как и природа естественного сна. Эффективность электросна объясняется прежде всего влиянием слабого импульсного тока. Именно его постоянное успокаивающее действие смиряет возбуждение, разрывает циркуляцию патологической информации — причину заболеваний, развившихся в итоге различных нервных потрясений, нормализует обмен веществ, навязывает организму программу выздоровления.

Так или иначе, в целебных свойствах электросна сегодня сомнений не возникает. Вот уже более двух десятилетий врачи изучают его влияние в борьбе против различных заболеваний. Как самостоятельный способ или в сочетании с существующими методами лечения он нашел применение в терапии, дерматологии, клинике глазных болезней, акушерстве, клинике лечебного питания, в хирургии. По данным клиник и научно-исследовательских институтов нашей страны, электросон избавляет пациентов от облитерирующих заболеваний конечностей, причем в 50 процентах случаев эффект лечения держится вот уже более пяти лет. Перед электросном отступают гипертоническая и гипотоническая болезни в начальных стадиях, язвенная болезнь желудка и двенадцатиперстной кишки, заикание у детей, стенокардия, бронхиальная астма, токсикозы беременных, не говоря уже о бессоннице и нервных заболеваниях.

И не только. Передо мной тоненькая брошюра — «Материалы симпозиума по изучению особенностей сна и переходных состояний человека применительно к задачам и условиям космического полета», Москва, январь 1968 года. Читаю: результаты апробации метода электросна в клинике — тактически более гибкого, нетоксичного, имеющего более узкий круг противопоказаний — дают основания считать его достаточно перспективным не только для управляемого сна космонавтов, но и для электронаркоза при оперативном вмешательстве на борту космического корабля.

Да, «нежная» терапия протянула руку помощи и своему предку — электронаркозу. Успех принесли первые же попытки использовать электросон в пред- и послеоперационных периодах лечения больных, а также во время операции с целью уменьшить дозы обезболивающих препаратов.

Разработанные в Советском Союзе методики лечения электросном давно уже признаны за рубежом. Их применяют врачи 50 стран, в том числе Чехословакии и США, Польши и Аргентины, Болгарии, Австрии, Франции. Всесоюзные и международные симпозиумы и конференции собирают сотни убежденных сторонников нового метода. В 1966 году на I Международном симпозиуме по электросну и электроанестезии, который проходил в австрийском городе Граце, было учреждено Международное научное общество, признавшее в этой области медицины приоритет советской науки.

Наука и практика

В июне 1966 года члены Бюро Президиума Ученого медицинского совета Министерства здравоохранения СССР (протокол № 13) обсудили вопрос «О состоянии и развитии исследований в области электросна». Мнение ученых отразило решение Бюро:

«Метод электросна и аппарат для его проведения впервые разработан в нашей стране в 1946 году. 20-летний опыт советских специалистов показал, что электросон является эффективным нейротропным методом лечения ряда распространенных заболеваний, допустим для использования в широкой лечебной сети».

Казалось бы, все ясно. Бери, внедряй, пользуйся. Увы! Знакомство с действительностью убеждает, что мы еще не умеем рационально использовать попавшее в наши руки богатство.

Сегодня электросон существует исключительно благодаря энтузиазму отдельных врачей и руководителей медицинских учреждений, убедившихся в его эффективности.

Кабинет электросна в поликлинике Московско-Курского отделения Московской ордена Ленина железной дороги, где я знакомился с этим методом, один из лучших в стране. Заведующий отделением, кандидат медицинских наук С. Ройтенбурд успешно лечит здесь больных, страдающих облитерирующими заболеваниями конечностей, гипертонической и гипотонической болезнями, офтальмоневрозами, бессонницей, различными нервными заболеваниями. Но в кабинете всего четыре койки. И С. Ройтенбурд вынужден записывать больных на прием не ранее... 1971 года.

Заведующего отделением во всех его начинаниях полностью поддерживает начальник поликлиники, почетный железнодорожник СССР А. Федоренко. Сейчас для кабинета он выделяет дополнительные помещения, где врачи будут вести научную работу. Но много ли можно сделать в условиях поликлиники силами двух-трех сотрудников, какими бы энтузиастами они ни были?

Метод нейротропной терапии импульсными токами в акушерской практике привлек внимание академика АМН СССР, лауреата Государственной премии СССР профессора Л. С. Персианинова. Под его руководством ищет лучшие методы борьбы с утомлением в родах, токсикозами беременности кандидат медицинских наук Э. Каструбин. Он работает в Московском областном научно-исследовательском институте акушерства и гинекологии. И так же, как С. Ройтенбурд, ведет свои исследования исключительно благодаря деятельной поддержке директора института, заслуженного врача РСФСР, кандидата медицинских наук О. Мацпановой.

Так повсеместно — в Москве и в любых других городах страны — электросон применяют лишь там, где работают энтузиасты, где их поддерживают руководители учреждений. Внедрение нового метода в лечебную практику идет чрезвычайно медленными темпами и только по личной инициативе.

Не хватает, наконец, и аппаратуры. В свое время советский ЭС-Iп («Электросон-I портативный») был запатентован за границей. Лицензии на его производство были куплены фирмами США, Франции, Англии, Канады, Швейцарии и других стран. Сегодня ЭС-Iп морально устарел, и завод «ЭМА» перешел на выпуск аппарата ЭС-2, который превосходит своего предшественника по всем показателям. Однако производство новой конструкции ограничено.

Конструкцию ЭС-Iп разработали во Всесоюзном научно-исследовательском институте хирургической аппаратуры и инструментов. Все последующие приборы рождены в конструкторском бюро завода «ЭМА», которое стало ведущей организацией в этой области медицинской техники. Последний прибор, разработанный в отделе главного конструктора М. Парфенюка ведущим инженером С. Грозненским,— ЭС-4т (транзисторный) — превышает мировые стандарты и в прошлом году удостоен золотой медали ВДНХ. Однако в большую серию медалист еще не запущен.

В настоящее время по инициативе Э. Каструбина создается новый аппарат для использования в акушерской практике. Но для инженера работа над новым прибором — тема внеплановая, и он может уделять ей только свободное время, как правило, вечера или выходные дни. То же и для врача — его ежедневно ждут больные. И хотя оба увлеченные энтузиасты, без соответствующей помощи, внимания, средств, а возможно, даже выделения в самостоятельную поисковую группу, их работа может затянуться еще на очень длительный срок.

Метод электросна мог бы найти куда более широкое применение, причем не только в клинике, для лечения больных, но и для профилактики заболеваний, как эффективное средство снятия усталости, в конечном счете — как средство повышения производительности труда. Аппараты электросна можно использовать в ночных и дневных профилакториях заводов и фабрик, диспансерах, в заводских и фабричных санаториях, где одновременно отдыхают и лечатся сотни тысяч рабочих и служащих. Сегодня электросон требует капиталовложений. Завтра он станет экономически рентабельным, окупая себя и даже принося прибыль возвратом сил, бодрости и здоровья сотням тысяч людей.

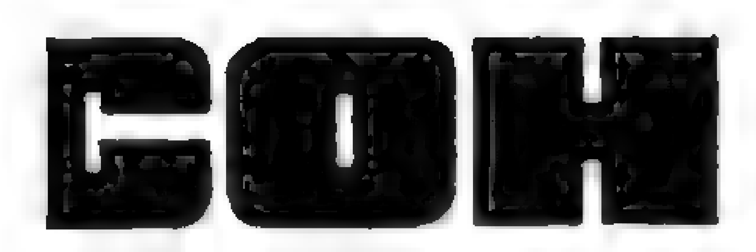
В решении Бюро Президиума Ученого медицинского совета Министерства здравоохранения СССР сказано, что электросон «допустим» для использования в широкой лечебной сети. Кому же внедрять его в эту самую широкую лечебную сеть, как не Министерству здравоохранения СССР?!

* * *

...Я почувствовал прикосновение к плечу и услышал голос сестры, снимавшей с меня маску: «Просыпайтесь, ваше время истекло».

Вместе со мной она разбудила и остальных. Мы оделись и вышли, освободив комнату для очередной группы больных.

Признанный и непризнанный, электросон продолжает исцелять больных в своих лечебных объятиях.

ПО СТАРЫМ АДРЕ

Нам очень хотелось узнать о судьбе людей, с которыми треть века тому назад встречались в Америке Илья Ильф и Евгений Петров. Вот почему, готовясь к поездке, мы выписали в специальный блокнот фамилии всех героев «Одноэтажной Америки».

Мы, конечно, представляли себе, что тридцать пять лет совсем не шуточный срок и что, увы, многих уже не найти...

В Нью-Йорке мы долго разыскивали следы инженера фирмы "Дженерал электрик" С. А. Трона, который вместе с женой сопровождал писателей в поездке по Соединенным Штатам и который выведен в книге под именем мистера Адамса. Оказалось, что инженер Трон давно переехал в Англию и там умер. Сейчас бы ему было восемьдесят восемь лет...

Умер верный друг Советского Союза Альберт Рис Вильямс, талантливый американский публицист, вместе с Джоном Ридом совершивший поездку в нашу страну во время революции. Покончил жизнь самоубийством Эрнест Хемингуэй, устроивший Ильфу и Петрову посещение знаменитой тюрьмы Синг-Синг.

В городе Оклахома-сити никто не мог что-либо сообщить нам о судьбе рабочего Робертса, которого Ильф и Петров увидели в тяжелую для него жизненную минуту. Мы так и не узнали, что сталось с инженером Рипли, хозяином электрического домика в Скенектеди, с хвастунишкой капитаном Трефильевым, с боксером и полицейским провокатором Шарки.

И все-таки наши поиски шли не без успеха. В Организации Объединенных Наций мы встретили миссис Блэк, бывшую Ширли Темпл, о которой авторы «Одноэтажной Америки» писали: «Пятилетнюю или шестилетнюю девчушку заставляют за год сниматься в нескольких картинах, чтобы устроить счастье ее родителей, которые зарабатывают на своей дочке, словно это внезапно забивший нефтяной фонтан».

Ширли Темпл снималась с тех пор еще в двух десятках картин. А когда подросла, выяснилось, что актриса она весьма посредственная, и Голливуд от нее отвернулся.

В 1968 году миссис Блэк, уже мать нескольких детей, выставила свою кандидатуру в конгресс США от штата Калифорния.

Давнишние портреты кудрявой девчушки снова замелькали в газетах и журналах. При этом выяснилось одно любопытное обстоятельство. За спиной бывшего вундеркинда стояли военно-промышленные корпорации Калифорнии, которые эксплуатировали популярность Ширли Темпл, словно это внезапно забивший нефтяной фонтан. Естественно, что миссис Блэк вела избирательную кампанию под лозунгами: «Разбомбим Ханой! Всыплем коммунистам! Вооружаться, вооружаться и вооружаться!»

В конгресс бывшая киноактриса не попала: она провалилась на выборах. Победил ее соперник, бывший морской офицер, обещавший избирателям, с одной стороны, «твердую политику», а с другой — «поиски путей к почетному миру во Вьетнаме».

Но миссис Блэк тоже не была забыта. Когда Ричард Никсон стал президентом, он назначил ее представителем США в один из комитетов Организации Объединенных Наций.

В Голливуде мы хотели повидаться с киноактрисой Бетти Дэвис, но, к нашему огорчению, не застали ее дома: она снималась где-то в Европе. Эта та самая Бетти Дэвис, о которой Ильф и Петров писали: «Еще в каком-то павильоне мы увидели артистку Бетти Дэвис, которую наши зрители знают по картине «Преступление Марвина Блейка». Она сидела в кресле и негромко, но сердито говорила, что вот уже десять дней не может найти часа, чтобы вымыть волосы. Некогда! Надо «выстреливать» картину.

— Я должна сниматься каждый день,— утомленно говорила она, по привычке улыбаясь ослепительной кинематографической улыбкой».

Сейчас Бетти Дэвис снимается значительно реже. Это, впрочем, не мешает ей оставаться на голливудском небосклоне звездой первой величины. И по заслугам. Мы видели две картины с ее участием и можем это подтвердить...

Перевалив через Скалистые горы, мы приехали в город Таос.

— Так ведь в этом городе жила знакомая Ильфа и Петрова.

Мы извлекли из кармана спецблокнот, открыли листок на букву «т» и прочли:

«Таос. Фешина, жена художника. Глава «Встреча с индейцами». Страницы 221—223».

Пока служитель бензостанции, молодой, шустрый мексиканец, занимался нашей машиной, которая требовала квалифицированного технического осмотра после долгого и трудного пробега по крутым горным дорогам, мы решили еще раз прочитать странички «Одноэтажной Америки», посвященные Таосу. Мы зашли в ближайшее кафе, заказали по стакану молока и раскрыли книгу.

«...Из двух тысяч таосского населения около двухсот человек — это люди искусства,— прочли мы.— Они пишут картины, сочиняют стихи, создают симфонии, что-то ваяют. Сюда манит их обстановка: дикость природы, стык трех культур — индейской, мексиканской и пионерской американской...»

А вот что относилось уже непосредственно к Фешиной:

«Неподалеку от нас сидела маленькая дама в черном костюме, которая часто смотрела в нашу сторону. Она глядела на нас и волновалась.

Когда мы были уже в антикварном отделении ресторана и рассматривали там замшевых индейских кукол и ярко раскрашенных богов с зелеными и красными носами, к нам снова подошел дон Фернандо. Он сказал, что с нами хотела бы поговорить миссис Фешина, русская дама, которая давно уже живет в Таосе. Увидеть русского, живущего на индейской территории, было очень интересно. Через минуту к нам подошла, нервно улыбаясь, дама, сидевшая в ресторане.

— Вы меня простите,— сказала она по-русски,— но когда я услышала ваш разговор, я не могла удержаться. Вы русские, да?

Мы подтвердили это.

— Вы давно в Америке?—продолжала миссис Фешина.

— Два месяца.

— Откуда же вы приехали?

— Из Москвы.

— Прямо из Москвы?

Она была поражена.

— Вы знаете, это просто чудо! Я столько лет здесь живу среди этих американцев, и вдруг — русские.

Мы видели, что ей очень хочется поговорить, что для нее это действительно событие, и пригласили ее к себе в кемп».

Когда мы вышли из кафе, мексиканец все еще вертелся около нашей машины. За это время он успел покопаться в моторе и кое-что заменить в нем, наполнить бак бензином, а радиатор водой и антифризом — ночи в горах становились холоднее. Он уже измерил уровень масла в моторе, подкачал воздух в один баллон, слегка выпустил из другого и теперь каким-то раствором охорашивал безукоризненные формы нашего автомобиля.

— С вас тридцать четыре доллара пятьдесят пять центов,— подсчитал служитель.

Вашингтонец предпочел расплатиться посредством кредитной карточки.

Кредитная карточка — это пластиковая пластинка размером чуть меньше игральной карты. На ней выдавлены фамилия владельца и номер карточки. Это свидетельствует, что у владельца есть счет в банке. Кредитная карточка дает право покупать бензин, шины, производить технический осмотр и мелкий ремонт по безналичному расчету.

Кредитные карточки становятся все более и более популярными в Соединенных Штатах. Некоторые из них позволяют в кредит арендовать автомобиль, совершить авиационное или морское путешествие, купить продукты или промтовары в магазинах. Есть особый вид кредитной карточки (ее может получить лишь тот, у кого крупный и устойчивый счет в банке), которая вообще заменяет ее владельцу наличные деньги.

Мексиканец взял у вашингтонца кредитную карточку и сказал, что ему нужно позвонить в центральный офис компании «Эссо».

— Если речь идет больше чем о двадцати пяти долларах,— пояснил он,— мы обязаны справиться, не задолжали ли вы компании, ваша ли это карточка, не была ли она украдена. Я надеюсь, вы не обиделись. Таковы правила.

Звонок в центральный офис занял не более двух минут. По-видимому, это был какой-то особый телефон, так как мексиканец набрал на диске не семь цифр, а только три. Он назвал в трубку номер кредитной карточки и стал ждать.

Дежурный клерк в оффисе отстучал этот номер на клавишах электронно-счетной машины, и тут же она ответила: «Все в порядке».

— Все в порядке! — сказал мексиканец, возвращая кредитную карточку вашингтонцу.

Выдав мексиканцу четвертак на чай, мы покатили по кривым улочкам Таоса. Москвич продолжал читать:

«Она уехала в двадцать третьем году из Казани. Муж ее — художник Фешин, довольно известный в свое время у нас. Он дружил с американцами из «АРА», которые были на Волге, и они устроили ему приглашение в Америку. Он решил остаться здесь навсегда, не возвращаться в Советский Союз. Этому главным образом способствовал успех в делах. Картины продавались, денег появилась куча. Фешин, как истинный русак, жить в большом американском городе не смог, вот и приехал сюда, в Таос...

Наша гостья говорила жадно, хотела наговориться досыта, все время прикладывала руки к своему нервному лицу и повторяла:

— Вот странно говорить в Таосе по-русски с новыми людьми. Скажите, я еще не делаю в русском языке ошибок?

Она говорила очень хорошо, но иногда вдруг запиналась, вспоминала нужное слово.

Мы говорили ей:

— Слушайте, зачем вы здесь сидите? Проситесь назад в Советский Союз.

В публикуемом очерке корреспондент «Правды» в Вашингтоне Б. Стрельников («вашингтонец») и фельетонист И. Шатуновский («москвич») описывают один из эпизодов своей поездки по Соединенным Штатам.

— Я бы поехала. Но куда мне ехать? Там все новые люди, я никого не знаю. Поздно мне уже начинать новую жизнь.

Она умчалась во тьму на своем старом тяжеловозе».

— Картина ясна,— сказал вашингтонец.— Пора отправляться на поиски. Здешние художники должны помнить Фешина и его жену.

Мы оставили машину на платной стоянке и вышли к центральной улице. Здесь стояли одноэтажные дома, слепленные из цветной глины, с плоскими крышами и непомерно большими карнизами. В домах помещались мастерские художников.

Мы наугад открыли одну из дверей и оказались в большой комнате, стены которой были увешаны картинами. У овального окна за мольбертом сидел странный человек. Его ослепительно рыжие волосы, образуя конскую гриву, доставали до лопаток. Тонкая шея странного человека была повязана обычным носовым платком. На нем был старый, потерявший всякий цвет вельветовый камзол. Человек ловко орудовал кистями. При этом он напевал, отбивая босыми пятками такт.

Услышав, что хлопнула дверь и в комнату вошли люди, волосатый художник не оглянул-

Б. СТРЕЛЬНИКОВ,
И. ШАТУНОВСКИЙ

САМ

ся. Мы приблизились к нему и через его плечо взглянули на мольберт. Картина была религиозного содержания. Как раз теперь художник пририсовывал оранжевые крылья к спине голубого ангела, летящего вокруг бежевой Луны с большим букетом неведомых нам, очевидно, райских цветов.

Мы обошли комнату, постояли у картин, почмокали губами, покашляли и, наконец, тронули его за спину:

— Сэр, быть может, вы обратите на нас свое внимание?

— А стоит ли нам мешать друг другу? — спросил художник высоким, дребезжащим голосом, продолжая отбивать такт пятками.— Каждый из нас занимается своим делом: я рисую, а вы разглядываете мои работы. К тому же вы вовсе не собираетесь ничего покупать. Ведь правда? Вот уже скоро год, как никто у меня ничего не покупает.

— Картин мы и в самом деле покупать не собираемся. Мы иностранцы...

— Я тоже иностранец, хотя живу здесь уже пятнадцать лет.

— В таком случае вы, должно быть, знаете миссис Фешину. Мы ищем эту даму...

— Фешина, Фешина,— повторил нараспев волосатый художник.— Это ведь немецкая фамилия. Не так ли?

— Фешина родом из России.

— Но ведь немецкие и русские фамилии очень схожи,— уверенно сказал художник.— А вот у меня был приятель некто Даугенгребен, который говорил мне, что он венгр. Но мне до сих пор кажется, что такие фамилии могут быть только у норвежцев.

— Так вот о миссис Фешиной,— сказал вашингтонец, пытаясь вернуть разговор в прежнее русло.— Вам не приходилось ее встречать?

— А что она из себя представляет?

— Жена художника Фешина. Но она с ним развелась. Тридцать пять лет тому назад ей было лет сорок — сорок пять.

— О, это уже почтенная леди,— протянул художник.— Вы знаете, на вашем месте я бы заглянул в аптеку. Аптека тут рядом за углом. Аптекарь должен знать всех здешних старушек, это же его главная клиентура. Впрочем, я и сам что-то начинаю припоминать. Если аптекарь вам ничего не скажет, то заходите ко мне через полтора часа. Я постараюсь что-нибудь вспомнить о миссис Колешиной.

— А могут ли быть русские с фамилией Гоуперлак? — бросил нам вдогонку художник.— Лично я полагаю, что это типично исландская фамилия.

Когда мы уже сворачивали за угол, исследователь иностранных фамилий высунул свою огненную гриву на улицу и крикнул:

— Если у вас ничего не получится в аптеке, то приходите ко мне. Полутора часов мне наверняка хватит, чтобы подумать о вашей госпоже Фишман...

В аптеке мы застали шумное общество. Вдоль стены за столиками сидели туристы из Бразилии. Они ели сандвичи и запивали их кока-колой. Вокруг стояли полки, набитые разной галантереей: галстуками, сумками, платочками, бюстгальтерами. И только на двух или трех крайних стеллажах были разложены собственно аптекарские товары. Сам аптекарь, розовощекий толстяк, суетился около бразильских туристов.

— Миссис Фешина? — переспросил аптекарь, заглядывая под крышку электросковороды, на которой жарились две маленькие сосиски.— Она зачем ходит ко мне в аптеку: пить кофе или покупать аспирин?

— Этого мы сказать не можем. Речь идет о достаточно пожилой леди, что-нибудь около восьмидесяти лет.

— Ого-го! — присвистнул аптекарь.— В Таосе есть девочки и помоложе. Зачем же вам нужна столь пожилая леди?

— У нас к ней важное дело.

— О, понимаю,— подмигнул нам толстяк.— Вы надеетесь, что она оставит вам наследство. А как выглядит госпожа?

Мы ответили, что приметы миссис Фешиной нам неизвестны.

— Это затрудняет дело,— пробормотал аптекарь.— Может быть, вам стоит побывать в церкви. Миссис католичка?

— Скорее всего нет.

Аптекарь беспомощно развел руками...

Мы зашли еще в несколько мастерских, прежде чем попали в большую студию. Ее просторные залы были открыты, но ни одного посетителя мы не увидели. В кресле за столиком с витыми ножками, заваленным каталогами, сидела старушка неопределенного возраста. Она вязала шерстяной платок.

— Заходите, джентльмены,— приветливо сказала старушка.— Меня зовут миссис Кларк.

— Нам хочется отыскать одну давнишнюю жительницу вашего города,— начали мы свои объяснения.— Быть может, вы ее знаете.

— Я всех здесь знаю,— уверенно сказала миссис Кларк.— Всех, кто прожил в Таосе хотя бы один год.

— В таком случае вы, вероятно, должны помнить жену художника Фешина...

— Ну, как же, как же! — закивала головой миссис Кларк.— Александра Фешина — моя приятельница.

— Она жива?

— Да, конечно. Я видела ее совсем недавно. Она так несчастна.

— Она бедна?

— Миссис Александра весьма бережлива и ведет скромный образ жизни,— уклончиво ответила миссис Кларк.— Но она так одинока. Впрочем, она это расскажет вам сама. Сейчас я скажу, где она живет.

Обрадованный москвич протянул старушке деревянный стаканчик хохломской работы.

— О, спасибо! — воскликнула старушка, принимая сувенир.— Так вот, запишите адрес моей приятельницы и ее телефон...

Миссис Фешина была больна. Две недели тому назад она, поскользнувшись на улице, сломала ногу и сейчас лежала у себя дома на широкой деревянной кровати, укрытая цветным индейским одеялом.

Мы поздоровались с ней по-русски.

— О, я слышу родную речь! — воскликнула миссис Фешина.— Не может этого быть! Как вы оказались в Таосе?

— Проездом.

— Простите, но я не совсем поняла. Не могли бы вы перейти на английский? Поверьте, я была и остаюсь русской, но забываю родную речь. Ведь здесь мне совсем не с кем говорить по-русски.

— Миссис Фешина, вы помните, тридцать пять лет тому назад в Таос приезжали два русских писателя? — спросил вашингтонец.

— О да, конечно. Я встретила их где-то в ресторанчике, я уже не помню где. Их звали... Как же их звали?

— Илья Ильф и Евгений Петров,— подсказал вашингтонец.

— Да, да, господин Илф и господин Петрофф.

— И вы читали, что они написали о встрече с вами?

— Читала. Мне переслал книжку тот любезный толстенький американец, который ездил с ними и был у них переводчиком. Я забыла, как его фамилия...

— Мистер Трон.

— Может быть, его фамилия была Трон. Только я не знаю, где сейчас эта книга. Есть люди, которые берут почитать книгу и не возвращают.

— Значит, книжка пропала?

— Пропала. Это очень жалко. Но я не теряю надежды найти ее. У меня еще была эта книга на английском языке.

— Вам понравилась «Одноэтажная Америка»?

— Очень понравилась. Они написали обо мне так, как и было на самом деле. Тогда с мужем мы разошлись, а дочь уехала учиться в Голливуд в балетную школу. Я осталась совсем одна. Одна среди индейцев...

С той поры в жизни миссис Фешиной было не много радостей. Художник Фешин умер в Калифорнии четырнадцать лет тому назад. Дочь балериной так и не стала. Работает сейчас в кабинете лечебной физкультуры психоневрологической клиники в городе Альбукерке. Семейной жизни у нее тоже не получилось.

Миссис Фешина тяжело вздохнула.

— А помните, Ильф и Петров писали, что вы с мужем построили очень большой дом, но жить вам в нем не пришлось? Что с этим домом?

— Он стоит до сих пор, а я живу вот здесь, в бывшей студии мужа. Дом требует больших затрат, зимой его не натопишь. Да и зачем мне такой домина? Мы же хотели жить в нем всей семьей: с дочерью, с мужем...

— Художника Фешина помнят на родине.

— Да, я слышала, что недавно в России была выставка его работ, репродукции картин мужа печатали в журнале...

Миссис Фешина замолчала, оставаясь наедине со своими мыслями.

— А я уж никогда не надеялась встретить русских людей оттуда,— прошептала она.— Это невероятно. Вы знаете, вот уже несколько лет я стараюсь вспомнить: в чем у нас в России подают соль к столу? Как это называется? Видите, я забыла даже такое...

— Соль у нас подают в солонках.

— Да, да, в солонках! — радостно вскрикнула миссис Фешина.— Ведь правда! Дома мы брали соль из солонок. Но как это было давно! Поклонитесь от меня низким поклоном Москве, России...

День уже догорал. Жаркое солнце пустыни зацепилось за гребни гор, рассыпалось золотыми искрами в окнах низких индейских построек и покатилось дальше к Тихому океану.

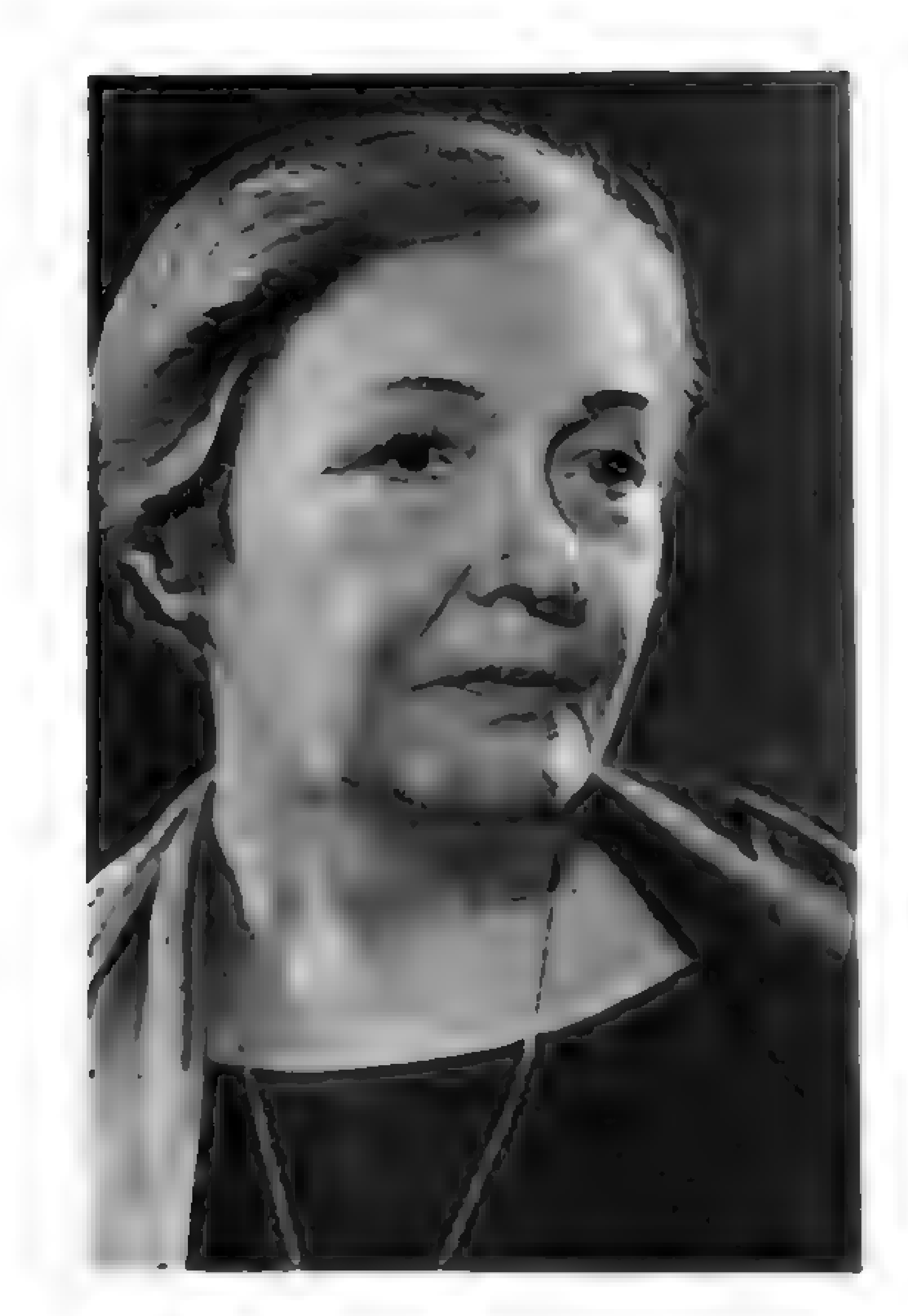
Прежде чем уехать из Таоса, мы забежали проститься с миссис Кларк. В студии вокруг старушки толпились какие-то женщины. Они с восхищением рассматривали наш хохломской стаканчик, который переходил из рук в руки.

Миссис Кларк была очень горда и счастлива.

— Видите, какие удивительные люди эти русские! — говорила она женщинам.— Они знают, что здесь живет их соотечественница, и пересекли океан, чтобы сказать ей «хелло!».

Миссис Кларк просто не могла по-иному истолковать наше появление в Таосе и наш разговор с Александрой Фешиной. «Одноэтажной Америки» она, по-видимому, не читала.

К 60-ЛЕТИЮ
ОЛЬГИ БЕРГГОЛЬЦ

ПРОСТОРЫ ГЕРОИКИ

Ленинград, осажденный гитлеровцами, не только сражался, но и создавал. В самые тяжкие дни блокады упорно, вдохновенно трудились рабочие и композиторы, педагоги и врачи, ученые и поэты. Высокое горение духа позволяло ленинградцам побеждать голод, темноту, стужу, бомбежки. Здесь требовалось искусство предельной правдивости, совершенной чистоты, возвышенного героизма. И оно восторжествовало: поэмы, симфонии, лирические стихи той поры и поныне волнуют наши сердца. А как звучали они тогда — в суровом, холодном городе, осыпаемом снарядами! Это была подлинная победа поэзии, воодушевленной благородными идеями, триумф умного, сердечного, жарного слова, способного укреплять и зажигать человеческие сердца.

Чудесною силой прямого воздействия обладает и «Февральский дневник» Ольги Берггольц. Его читали и слушали люди, в нем же изображенные и воспетые, и узнавали свои собственные мысли и чувства, запечатленные с той ясностью, полнотою, отчетливостью, которые и дают великую власть образному строю. Ни на малую долю не снижая тяжести той ноши, которую несли ленинградцы, не оскорбляя их соболезнованиями и утешениями, Ольга Берггольц напоминала им о будущем, о мире, который предстояло завоевать. «Да здравствует, да царствует всегда простая человеческая радость, основа обороны и труда, бессмертие и сила Ленинграда!» — восклицала она, и возглас ее находил отзвук в миллионах сердец.

Таковы были строки, принесшие Ольге Берггольц известность и уважение. Ей удалось их написать, потому что она как бы взглянула по-новому на все, чем жила до сих пор, что составляло цель и суть существования ее самой и ее современников. Привычнейшие черты нашего советского образа жизни, освещенные грозным заревом битв, выступили тогда во всей своей безмерной ценности, и Ольга Берггольц передала с одинаковой пластичностью очарование простейших, обычнейших черт нашей действительности, напряженность усилий, необходимых для их защиты, нравственное величие тех, кто бестрепетно и твердо шел сквозь все лишения и невзгоды месяц за месяцем, год за годом.

В ленинградских поэмах и стихах военных лет Ольга Берггольц говорила о своем пионерском отрочестве и комсомольской юности, о домике за Невской заставой и дворцах культуры, выросших в старом рабочем районе, и все это было совершенно достоверным, словно страницы из дневника, а приобретало значение всеобщее и организующее. Исповедь оборачивалась проповедью, оттого что о своем близком, дорогом, сокровенном говорил настоящий человек — строитель социализма, патриот и гражданин.

К героике военных лет Ольгу Берггольц подготовил опыт первых пятилеток, комсомольских поручений, журналистских разъездов. И, в свою очередь, переход от войны к мирным, строительным годам был для нее непрост, но все же естествен. Недолгое время казалось, ей не оторваться от воспоминаний об испытаниях, выпавших на долю ленинградцев. Но уже в год Победы она ощутила: «Так скорбь и счастие живут во мне — единым корнем — в муке Ленинграда, единой кроною — в грядущем дне».

Год от года эта «крона» становилась все более густой, давала новые и новые побеги. Возник «Первороссийск» — поэма, действующими лицами которой были питерские рабочие, отправившиеся далеко на Восток и создавшие там одну из первых коммун. Появилась «Верность» — трагедия, завершавшаяся жизнеутверждающими, призывными строками: «Все ваше, люди! С гордостью и силой преображайте мира бытие всем, что завоевала вам Россия, Народ ее и Партия ее». Вышли в свет стихи, составившие цикл «На Сталинградской земле». Они запечатлели переживания, думы, посетившие поэта во время поездки по Волге. Во всех этих книгах неизменно присутствовала память о героизме земляков, сограждан поэта, о военной, осадной страде. Но исходная тема, навсегда принятая в сердце Ольгой Берггольц, обновлялась, срасталась с мотивами, коллизиями, за которыми угадывались свежие, прежде не тронутые поэтом пласты действительности. Круг творческих замыслов, стремлений расширялся, и это движение было органическим, глубинным, внутренне необходимым.

Таким же естественным оказалось и возвращение Берггольц к прозе. Еще в тридцатых годах она писала повести и рассказы, в которых шла речь о виденном и пережитом молодой журналисткой. «Дневные звезды» были написаны совсем по-иному. Обстоятельность и точность характеристик, оценок, свойственные прозе, здесь соединялись со смелостью поэтических озарений. Первые годы Советской власти и Великая Отечественная война, детские мечты и зрелые труды, размах исторических событий и вдохновенная страстность признаний — все это здесь сплавлено в многослойное и слитное единство, основа его цельности — преданность своему времени, его заветам, причастность к его трудам.

«Главная книга», о которой так искренне и убежденно говорит Ольга Берггольц, творится ею звено за звеном. И те «главы», что уже написаны, дороги читателю, потому что слово здесь заодно с жизнью, чувство дружит с умом, мечта подтверждается делом...

И. ГРИНБЕРГ

Юлиан СЕМЕНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки И. ГЛАЗУНОВА.

00.31

— Почему ты не пьешь?— спросила Сара.
— У меня скоро новый вылет.
— Когда?
— Через четыре часа.
— Разве нельзя его отменить?
— Можно. Наверное, можно.
— Ну так что ж?
— Я не хочу его отменять.
— Почему?
— Так.
— Что с тобой случилось, Эд?
— А что случилось с тобой, Сара?
— Может быть, правильнее спросить: что случилось с нами?
— Может быть.

Он вспомнил, как назавтра, после разговора с редактором своей газеты, поехал к Тому Маффи. Тот прочитал рукопись при Стюарте. Эд сидел на краешке стула: он всегда неловко себя чувствовал, когда при нем читали его вещь.

— Ну что ж,— сказал Маффи.— Занятно, интересно и — главное — во многом справедливо.

Он сидел мгновение задумавшись, потом быстро закурил, забросил ногу на ногу и неожиданно спросил:

— Как вы представились мне по телефону?

Эд собрался повторить, но Маффи, улыбнувшись, махнул рукой:

— Не надо. Вы спросили меня поначалу, читал ли я ваши книжки. Так?

— Так.

— Как это ни странно, я прочитал вашу книгу год назад, когда летел в Лос-Анжелес. Хорошая обложка, недорого стоит и завлекательно-сексуальное название. На ваше счастье, я вспомнил книгу. Книгу, а не вас. А что такое писатель, имеющий свое политическое мнение, идущее вразрез с общепринятым? Не знаете? Я объясню,— сказал Маффи и подвинул Эду телефонный аппарат.— Наберите номер и закажите себе билет на самолет, уходящий куда-нибудь через час. Только на тот рейс, где уже нет билетов. Валяйте, валяйте. Если вы просто назовете свою фамилию и на другом конце провода девочки захлопают от восторга крыльями и посадят вас к пилотам, я замолкну. Но вам откажут, Стюарт. Если бы позвонил Хемингуэй, ему бы билет дали. Писатель, Стюарт,— лишь тот, кого знают по имени, даже не читая книжек. В этом, конечно, есть великая таинственная непознанность: иной выцедит пару книжонок, но у него хорошая фамилия, которую легко запомнить,— он победил, он счастливчик. А вам придется мямлить: «Вы читали повесть «Ночь в ватерклозете»? Не помните? Ну, там еще кастрируют гермафродита в Валенсии...» А вам ответят: «Не читал, не читал, до свидания!» Можете жить с козлом, но пусть об этом напишут в газетах, пусть вас запомнят: вас и — главное — ваше имя.

— Это несерьезный разговор,— сказал Эд.— До свидания, мистер Маффи.

— Это очень серьезный разговор,— ответил Маффи,— и не дело мужчинам обижаться друг на друга. Если вы считаете, что я вас оскорбил, попробуйте набить мне морду.

— Мой шеф советовал мне получить Нобелевскую премию, я уже слышал советы, подобные вашим: жить с козлом или получить премию — все это рядом.

— Ну, так я вам скажу, почему вас не напечатал толстый в своем официозе, Стюарт. Ваш шеф — смелый человек, и он умеет драться,— это я вам говорю. Он не напечатал вас потому, что он мудрее вас. Из литературы вы полезли в политику. Литература — это безответственные эмоции, а политика — это наука, равная математике. Вы предлагаете низвергнуть устоявшуюся систему, Стюарт. Во-первых, кто ее будет ломать? Вы?

— Почему я? И почему ломать?

— Потому что я умею читать и думать, вот

Продолжение. См. «Огонек» №№ 17, 18.

УБИЛ МЕНЯ

ПОД ЛУАНГ-ПРАБАНГОМ"

почему! И не врите себе и мне — это детство. Все люди понимают, когда их обманывают, но стесняются об этом сказать в глаза обманщику. Я исключение. Ладно. Поломали систему. А что будем строить вместо? У вас есть программа созидания? Нет ее у вас. Всегда легче создавать программу разрушения, Стюарт, это в людях от детства, от нежных младенческих игр, когда куклам отрывают головы, а велосипеды кидают под поезд. Устоявшееся настоящее лучше неизвестного будущего. Впрочем, если вы приехали из Хельсинки с программой Маркса, то я, конечно, напрасно мечу перед вами бисер. В этом случае нам надо не разговаривать, а стрелять друг в друга.

Эд тогда начал метаться: нет груза тяжелее, чем груз неопубликованной рукописи, особенно если тебе двадцать девять и к жажде правды примешано проклятие честолюбия. Деньги кончились, он жил в долг, с ужасом думал, где взять денег, чтобы расплатиться с кредиторами. Он пошел в крайне левую газету.

— Э, нет,— сказали ему там,— нет, Стюарт. У вас нет позиции: вы себя половините. Высказывая правильные вещи о положении в нашем доме, вы называете русских «кремлевскими диктаторами». Зачем? Вы справедливо ругаете и госдепартамент, который поддерживает русских фашистов из НТС, и нашу интеллигенцию, которая спокойно взирает на то, как подкармливают фашизм, но при этом обвиняете советское искусство в утилитаризме. Вы хотите стать над проблемой, Стюарт. А люди не терпят судей, они любят собеседников.

Так, в метаниях, прошло два месяца. Он не спал ночами, его раздражало все: и люди, которые шли по улицам тугой, безликой массой, и жар, и даже то, как Сара гремела тарелками на кухне.

Однажды под утро она его спросила:

— Я уже совсем перестала быть для тебя женщиной, Эд?

— Ты сошла с ума,— только и ответил он ей.

Одолжив денег, он пригласил стенографистку мисс Бьюти. Девочке шел девятнадцатый год, но она великолепно работала. Он попробовал передиктовать ей свои очерки, в чем-то смягчить, что-то спрятать, пожертвовать мелочами во имя главного. Он читал написанное и приходил в ярость: на туловище волка баранья шкура не влезала. Он хотел дать все прочесть Саре, но ее целыми днями не было дома: взяв Уолта, она с утра уезжала на Лонг-Айленд.

— Ты мне сейчас нужна дома,— сказал он, протягивая ей рукопись.

— Да?— удивилась она.— А я как раз считала, что мое присутствие будет мешать тебе с мисс Бьюти. Ты так мил с ней, и она смотрит на тебя влюбленными глазами...

— Уж не сплю ли я с ней, по-твоему?

— А почему бы нет? Девушка очень мила, в твоем вкусе...

«Женщине, сотворенной из нашего ребра, надо всегда все объяснить, как в школе для дефективных,— сказал ему уже после, здесь, журналист Тэдди Файн.— Только художники стоят над природой и живут в мире созданных ими же образов. Подруги художников сотворены из обычного человеческого материала. Умозрительно понять разницу между собой и художником, который рядом,— удел добрых гениев. Ты гениальных женщин видел? Я — ни разу».

Теперь на маленькой сцене стоял мальчик в коротких штанишках с проймами и отбивал ногой ритм. Он ослепительно улыбался залу и раза два подмигнул Саре: он заметил ее, хотя они с Эдом сидели в самом темном углу.

— Сейчас я вам расскажу про мою подружку,— вдруг запел он хриплым голоском,— про девочку, у которой все как у мальчиков...

— Боже ты мой,— охнула Сара,— что поет этот карапуз? Ужас какой!

— Это лилипут,— ответил Стюарт,— ему пятьдесят два года.

— Я посмотрела на него и ужаснулась за Уолта.— Она достала из кармана несколько фотографий и протянула их Эду.— Самые последние.

Он долго рассматривал фотографии сына, а потом сказал:

— Оставь их мне.

— Конечно, из-за него глупо жить вместе,— сказала Сара.— Вообще нельзя жить вместе из-за детей. А еще противней, когда говорят: «Это его жена и сын, но он не живет с ними». Через пять лет для меня все будет кончено, Эд. Через пять лет мне будет сорок.

— Как ты сюда приехала?— усмехнулся он.— Я даже забыл об этом спросить...

— Я нанялась к этим сумасшедшим старухам журналисткам.

— Зачем?

— Я приехала за тобой, Эд. Ты прилетел сюда добровольно, ты имеешь право добровольно уехать в любое время.

— А что дальше? То же, что было?

Он вспомнил, как на следующий день после этого глупого скандала, когда она приревновала к нему Бьюти, он разъярился и ушел с утра из дому, но не в редакцию, а к своим друзьям по колледжу.

— Хочется пить,— сказал он.

Глупая ревность рождает глупую измену. Он с содроганием вспоминал тощую рыжую бабу, с которой он тогда спал. Он вернулся домой под утро и долго мылся в ванной, а наутро сказал Саре:

— Я достал денег. Едем на форель, а? Поедем, малыш...

Они уехали на форель, но в машине поссорились — из-за пустяков, из-за сущей ерунды. Ему бы промолчать, а он боялся, что заразился от той бабы, и не знал, что ему делать, когда наступит ночь и надо будет влезать в маленькую палатку возле реки. Поэтому он раздраженно ответил ей. И она тогда сказала:

— Мы жили, и все было хорошо, пока у нас была постель! Да, да! А теперь этого нет, и все летит к черту! И нечего врать друг другу, люди без этого не могут. Нормальные люди, а не психи! Ты шатаешься целыми днями черт знает где, а я живу, как соломенная вдова! Ты существуешь только самим собой и только для себя! А тот, кто живет для себя, всегда прикрывается высокими идеалами!

00.33

Монах Ка Кху привел Степанова на радио. Они спустились в глубокую пещеру. Здесь был «вестибюль» радиоаппаратной. На табуретке сидела шоколадная женщина — Кемлонг. Она поклонилась монаху, встав с табуретки, и подошла к Степанову. Их познакомил неделю тому назад редактор газеты Патет Лао. Кемлонг была красива — поразительной, странной красотой. А ее нежная застенчивость, и то, как она прикрывала лицо рукой, и то, как, смеясь, отворачивалась, и то, как она внезапно краснела, замечая на себе взгляд,— все это делало ее беззащитной, а потому еще более прелестной. Наверное, она и не знала, что только слабость делает женщину всесильной. Это, видимо, жило в ней само по себе. В каждой женщине есть свой дар. Это словно счастье: если есть — так есть, а уж нет — так нет...

— Здравствуйте, Кемлонг,— сказал Степанов, пожимая ее тонкую руку.

— Добрый вечер. Как вы поживаете?

— Спасибо. Хорошо.

— Как вы доехали? Голодны? Не очень устали в дороге? — Она задавала ему вопросы, не дожидаясь ответов, потому что все вопросы эти составляли одно, лишь единственное слово — «здравствуй!».

— А вы еще больше похорошели, Кемлонг.

Улыбнувшись ослепительно и белозубо, она закрыла лицо рукой и тихонько засмеялась.

— Давно здесь?

— Нет. Я пришла сюда утром.

— Откуда?

— Из Самныа.

— Это же сто километров,— сказал Степанов.— Пешком?

— Пешком.— Она снова улыбнулась.— Я люблю ходить по горам одна.

— А диверсанты?

— Так я ж маленькая, они меня не заметят. А потом я бегаю быстро.

— Сегодня выступление?

— Да. Поем,— ответила она.— Хотите посмотреть наше радио?

Степанов видел много радиостанций: холод плафонов дневного света, тяжесть звуконепроницаемых дверей, мощность хромированной аппаратуры, таинственное перемигивание красных и синих ламп на пультах громкости... Эта радиостанция в пещере была иной: вместо дверей здесь висели тяжелые одеяла, видимо, домотканые, аппаратура была старой и примитивной, а свет на нее падал от нескольких керосиновых ламп, поставленных под потолком в ряд, на длинной полке.

— Тсс,— шепнула Кемлонг, приложив палец к губам,— здесь диктор.

Степанов заглянул через ее плечо: возле маленького микрофона сидел босой человек в ватнике и читал военную сводку, помогая себе жестами левой руки. Когда он перечислял количество оружия, взятого как трофей, голос его ликующе поднимался. Закончив последние известия, он обернулся, выключив микрофон, и спросил:

— Ты готова?

— Да,— ответила Кемлонг.

— Пригласи оркестр.

Кемлонг вернулась с оркестром, и диктор, включив микрофон, сказал веселым, несколько даже игривым голосом:

— А теперь слушайте новые песни в исполнении нашей Кемлонг!

Первым громко заиграл гитарист, его точный ритм подхватил аккордеон, а трубач отвернулся в сторону, чтобы не заглушать своих товарищей серебряной пронзительностью звуков, которые он извлекал из маленькой помятой трубы.

Пританцовывая, полузакрыв глаза, Кемлонг запела «Чампу».

«Джаз — музыка толстых?— подумал Степанов, слушая ее песню.— Накладка с этим делом вышла, по-моему».

Музыкантам было холодно, потому что пещера была глубокой, чтобы сюда не доходили помехи во время бомбежек, а курточки на джазистах были хлопчатобумажные, легкие. Они поэтому особенно яростно притопывали ногами и быстро передвигались, сменяя друг друга у микрофона. Но, видимо, постепенно ритм песни захватил их, и они забыли про холод; только аккордеонист, вконец простуженный, то и дело шмыгал носом и покашливал, опустив голову к перламутровой деке.

— О чампа, мой цветок,— пела Кемлонг, закрыв глаза и откинув голову,— какое счастье близко видеть тебя и чувствовать твое цветение и бояться, что скоро все это кончится...

— А теперь,— сказал диктор, озорно посмотрев на Степанова,— Кемлонг исполнит песню лам-вонг в честь нашего друга.

Кемлонг запела:

Вокруг тебя ночь, но жди!
Пусть грусть, пусть один, но жди!
Пусть ночью идут дожди,
Пусть утром туман-туман,
Ты жди...

Она стала приплясывать, меняя ритм, приглашая и Степанова танцевать вместе с ней. Лицо ее было сейчас неулыбчивым, строгим, громадноглазым.

Пусть дожди, пусть туман,
Но ты...
Жди...
Жди...
Жди...

Потом к микрофону подошел монах Ка Кху. Степанов и Кемлонг вышли из пещеры. Млечный Путь запрокинул свои руки, словно в плаче по этой скорбной земле. Ночь была безмолвной и холодной. Черные скалы вокруг были особенно рельефны и близки из-за алюминиевого надменного света луны.

— Здесь есть такие пещеры,— сказала Кемлонг,— в которых песни звучат по-разному.

— Покажете?

— Пошли.

Она взяла его за руку и повела через лощину по едва заметной тропинке к тому месту, где шумел ручей. В густой темноте плавали зеленые точки светлячков. Вход в пещеру был низеньким. Степанов ударился лбом, и Кемлонг испуганно спросила его:

— Больно?

— Очень,— ответил он.

— До крови?

— Сейчас упаду,— сказал Степанов и застонал.

Кемлонг взяла его голову обеими руками, приблизила к себе и сказала:

— Ничего нет.

Степанов засмеялся:

— Я пошутил.

Кемлонг сказала:

— Тогда пошли.

— Куда?

— Здесь есть уступ.

— Вы как кошка — видите в темноте?

— А разве кошки видят в темноте?

— Еще как.

Кемлонг усмехнулась:

— Не зря, значит, женщин считают кошками.

— Не зря,— согласился Степанов.

— Скажите что-нибудь...

— Что?

— Что хотите. Здесь пещера высокого голоса.

— Кемлонг,— сказал Степанов, и высокое эхо ответило ему: — Лонг, Лонг... Кем...

— Теперь пойдем дальше,— сказала она,— в следующей пещере будет звучать совсем по-другому.

— Я ничего не вижу, Кемлонг.

— Я тоже,— улыбнулась она.

Степанов слышал ее шаги, а потом почувствовал ее рядом с собой, близко-близко.

— Когда война,— шепотом сказала она,— очень хочется любить кого-то, кто сильнее.

Степанов чувствовал, что она хочет, чтобы он обнял ее. Это всегда чувствуешь.

Она вздохнула и сказала:

— Пошли в следующую пещеру. Я ее зову веселой.

Кемлонг снова взяла его за руку и повела за собой:

— Здесь опустите голову. Сейчас повернем налево. Вот здесь. Стойте.

Она отошла от Степанова, и он услышал иной голос, повторявшийся разнозвучавшим низким, густым эхом:

Какая она, любовь?
Огромная, как облако, или маленькая, как
опавший лист?
Кто видел ее — глаза в глаза?
Никто, никто, никто...
А счастье какое? Светлое, как утро, или
пронзительное,
Как одинокие сумерки?
Кто ответит мне?
Эхо, мое эхо, только эхо...

00.40

— Мы с тобой люди разных скоростей, Сара. Каждому человеку сообщена своя скорость. Так вот, наши скорости, как выяснилось, не совпали.

— Пойдем танцевать, Эд. Бог с ними, со скоростями.

— Я не хочу танцевать.

— Я прошу тебя, Эд... Я тебя очень прошу...

— Я не буду танцевать,— повторил он и подумал: «Зачем я говорю с ней так? Ведь она единственный человек на земле, который меня любит. Она знала меня вывернутым наизнанку и все равно любит меня. Она знала про всех моих баб и все равно любила меня. У меня комплекс неудовлетворенности — при чем здесь она?»

— Ну, представь себе, что я вернулся, Сара. Что будет?

Она ответила:

— Не знаю.

— Хорошо, что ты не знаешь... Тебе легко ничего не знать. Ты всегда пряталась за мою спину: «Эд все знает, он что-нибудь придумает!» А как быть с Уолтом? Как быть с нашим мальчиком?

— Что — мальчик?! При чем здесь мальчик? Не прячься за Уолта. Проживет с отчимом в конце концов.

— Это запрещенный прием.

— Почему? Ты можешь делать мне больно, а когда я говорю правду — это запрещенный прием?

— Сара, я живу на этом свете только для того, чтобы могли жить вы.

— Ты врешь. И самое отвратительное, что ты сам веришь в эту ложь! Мы здесь ни при чем: ни Уолт, ни я. Ты же все время ищешь! Себя, свою литературу, правду, ложь! А главное — ты ищешь ту, которая тебе нужна, которая вернет вдохновение, съеденное твоим безденежьем и моими скандалами. Ты же сам сказал мне, что у каждого мужчины есть своя женщина-мечта. Вот ты и ищешь эту мечту, а из-за того, что их нет на свете, этих женщин, ты мечешься, а я схожу с ума и старею, разрываясь между собой, Уолтом и тобою. Это так жестоко и нечестно, Эд. Я ни о чем тебя не прошу. Я хочу правды. Понимаешь? Правды и определенности. Я же обыкновенный человек, Эд... Я не могу, как ты... Я хочу обыкновенного маленького счастья, а оно всегда маленькое — это настоящее счастье. Большим бывает только горе.

Когда ему стало совсем плохо, он поехал к знаменитому писателю. Он так запутался в простых сложностях этого мира, что решил поехать к тому знаменитому писателю, который жил безвыездно у себя на ферме: издатели сами приезжали к нему по первому же зову.

— Научитесь смотреть вокруг себя, как биолог, препарирующий лягушку,— говорил тот, расхаживая по громадному холлу, отделанному мореным дубом, вывезенным из старинного британского замка.— И «не рвите пушнину». Не ищите ничего в сфере чувствований. Мир определяют формы собственности. Я сделал обрезание этой мудрой марксистской догме. Мы отменили рабство, оно было непопулярным по форме, но суть рабства царствует в мире: из каждых двух один мечтает быть собственником другого. Это повсеместное явление: в любви, стоматологии, ядерной физике, сельском хозяйстве. Это справедливо, Стюарт, это справедливо, как ни грустно мне это говорить. Иначе и не может быть, потому что тогда начнется хаос. Что будет с деревьями, если они перестанут принадлежать земле? Или с вашими руками, если они перестанут принадлежать туловищу? Наша демократия — это хаос, но при этом же — преддверие научно продуманного, демократического по форме рабства. Мы все на грани рабства, Стюарт. Нам говорят, что мы свободны, и нам лгут, но если нам скажут правду, если нам скажут, что мы рабы,— о, вы поглядите, какая тогда начнется потасовка!

Эд слушал писателя и чувствовал острую ненависть к этому человеку в красной, дырявой, нелепой кацавейке, который расхаживал по своему громадному барскому холлу и, потешаясь, говорил о том, что терзало мозг и сердце Стюарта.

— А что же делать? А что же делать?— спросил Эд.

Писатель долго смеялся.

— Откуда я знаю,— ответил он, по-прежнему смеясь.— Я не знаю, что надо делать. Все равно вы ничего не поделаете с безумием этого мира. Лучше смотрите на это безумие со стороны и помните: нет на свете ничего страшнее, как неудачники-правдолюбцы. Они всегда торопят процесс, а исход один: кровь. Так лучше пусть это будет после нас, а?

Прилетев в Нью-Йорк, Эд бесцельно бродил по городу, путаясь в темных коридорах улиц. Потом он зашел в клуб, где собиралась богема. Раньше он находил здесь успокоение, ему было спокойнее, потому что люди, собиравшиеся здесь, думали и говорили то же, о чем он писал. Он раньше пил с ними вместе и говорил, никого не слушая, а когда говорили другие, готовился к ответу и совсем их не слушал.

А сейчас он сидел в углу молча и не пил, а просто пытался впервые в жизни понять, о чем же говорят те, кого он считал своими, кого он считал больной совестью страны. Они сейчас, как и раньше, бушевали и спорили, и каждый из них — Эд увидел это очень рельефно, будто при вспышке фотоблица,— говорил лишь для себя, о себе и про свое.

«Это же все неудавшиеся бездари,— думал он тогда.— И к тому же лентяи. Им надо сидеть за письменным столом, а не за ресторанным. Они импотенты, они ничего не могут. Они могут только хулить, но чтоб создать — нет... Этого от них не жди...»

Он поехал к Маффи.

— Я на лопатках,— сказал он тогда.— Пошлите меня куда-нибудь к чертовой матери, я сделаю то, что вам нужно.

— Я подумаю,— ответил Маффи очень серьезно,— спасибо за предложение.

Назавтра он разыскал Эда, пригласил его к себе и сказал:

— В пустыне есть сказочный шейх. Как вы относитесь к сказкам? Я надеюсь, хорошо? Так вот, этот шейх проводит ряд интересных комбинаций в своем княжестве: он занятен как личность. Он хозяин нефти. Естественно, им интересуется и Насер, и русские, и евреи, потому что этот шейх верен нам: у него наши базы и наши советники. В вас, видимо, аккумулировалось много злости. Поезжайте туда, и если шейх вам покажется таким же занятным, каким он кажется «Стандард ойл»,— поддержите его и дайте по зубам тем, кто хочет ему мешать.

Эд знал, что газета Маффи связана со «Стандард ойл». После года метаний он испытал огромное облегчение, получив задание от другого человека. Он больше не мог жить, как раньше: сердце говорило одно, мозг — другое. Руки поэтому не работали. И он полетел на Восток.

00.57

Кемлонг вела Степанова по узенькой дорожке в горы.

— Здесь недалеко,— сказала она,— совсем рядышком, на вершине.

— Фонарик можно включить?

— Не надо. Я все вижу.

— А я ничего не вижу.

— Вы идите за мной — шаг в шаг.

— Я так и иду. Где он живет?

— В хижине.

— А бомбежки?

— Он вырыл бомбоубежище. Правда, оно плохое. Оно же не в скалах...

— Почему ему не спуститься в долину? Там можно жить в скалах, это безопасней.

— Он не может оставить дерево «табу».

Они вышли из леса. Тропинка казалась покрытой льдом: так холодный свет луны отражался в маленьких лужицах, оставшихся после недавнего дождя. Эта ледяная, в алюминиевых бликах тропинка вела к одинокому громадному дереву. Ветви его были без листьев, ствол разбит молнией, но дерево казалось могучим и грозным. Черный, резкий рельеф его впечатывался в звездное безмолвие. Звезды здесь были очень яркие, и поэтому небо казалось голубоватым из-за ярко-зеленого перемаргивания далеких светил.

Кемлонг подвела Степанова к маленькой хижине и негромко позвала:

— Бун Ми!

Никто не отвечал.

— Бун Ми! — повторила Кемлонг.

Снова никто не ответил.

Она поднялась по маленькой лесенке в хижину.

— Кто?! — услыхал Степанов гортанный, страшный, похожий на карканье голос.

— Это я,— ответила Кемлонг.

— Кто?! — еще более сердито прокричал кто-то невидимый каркающим голосом.

Кемлонг тихонько засмеялась и стала что-то шептать: Степанов не мог разобрать слов, которые она говорила, но, судя по интонации, она шептала что-то очень ласковое и нежное: так говорят с грудными младенцами.

— Зачем?! — прокаркал злой голос.

— Кемлонг,— позвал девушку Степанов,— мне можно туда?

— Сейчас,— ответила она и вышла из хижины. В руках у нее был большой попугай.— Старика нет,— сказала она,— это говорит его птица.

— А где старик?

— Может быть, спустился вниз за патронами и солью. Вчера на машине привезли товары.

Степан пошел к дереву «табу».

— Нельзя! — прокричал попугай.

— Не надо,— попросила Кемлонг.

— Почему? Ты веришь, что оно действительно «табу»?

— Я не знаю.— Кемлонг пожала плечами.— Так здесь все говорят.

— Что будет, если я подойду к дереву «табу»?— улыбнувшись, спросил Степанов.

— Старики говорят, что этого нельзя делать: будет горе.

— Прямо сразу, на месте?

— Да. Говорят, что каждый, тронувший это дерево, испепелится.

Степанов пошел к дереву. Его ветви казались руками, открытыми для объятий.

— Нельзя! — снова прокричал попугай, но Степанов уже был возле дерева. Он тронул кору. Она была теплой.

— Хватит,— услышал он голос у себя за спиной.

Он обернулся: Кемлонг стояла рядом, закрыв попугаю глаза.

— Зачем ты подошла? Ты же боишься.

— Я только одна боюсь.

— А со мной не страшно?

— Нет. Страшно только первым.

— Верно,— согласился Степанов.

— Только никому не говорите про то, что трогали «табу».

— Ладно.

— Пошли к хижине.

— Пошли.

— Этот попугай умеет гадать.

— Ну?

— Да. Возьмите какую-нибудь палочку и нарисуйте череп и цветок. Вот здесь, тут хорошая земля.

— Зачем?

— Птица ответит, что вас ждет.

Степанов послушно нарисовал на холодной земле, влажной от росы, щепочкой череп и цветок. Кемлонг опустила попугая на землю и, став перед ним на колени, шепнула:

— Что его ждет, птица? Ну, покажи!

Попугай прокричал что-то пронзительное и долго щелкал клювом, будто подавился. Потом он поджал левую лапу и ткнул своим клювом в цветок, нарисованный Степановым.

— Вас ждет долгая жизнь,— сказала Кемлонг,— видите, он указал на цветение.

— А если б указал на череп?

— О, это очень плохо,— сказала Кемлонг.— Хотя,— она тихо засмеялась,— я бы соврала вам: я бы сказала, что череп по нашим обычаям означает долгую-долгую жизнь, а цветок — это символ прощания и смерти.

— Спроси попугая про любовь...

— Я могу ответить сама.

— Ты знаешь, что такое любовь?

— Конечно.

— Так что же такое любовь?

Кемлонг ответила:

— Любовь — это любовь.

Когда они спускались по тропинке, она сказала:

— Сейчас очень важный год.

— Почему?

— Он двенадцатый. Это год Солнца. Он будет или очень хорошим, или страшным и плохим. Наши старики считают, что в дне двенадцать часов, в году двенадцать месяцев, в цикле двенадцать лет.

— В каком цикле?

— А я не знаю. Они говорят, что сейчас год цикла, год Солнца. В этом году все звезды зеленые, видите?— Она посмотрела на небо, остановившись.— А в остальные годы звезды

синие и кажутся маленькими. А во-он та звезда — моя. Я родилась под ней и всегда смотрю на нее перед тем, как лечь спать. Здесь идите осторожней — по жердочке: тут болото.

— Где?

— Давайте руку.

Она повернулась к нему и тихо сказала:

— У тебя в глазах отражается моя звезда.

Второй раз Степанов встретился с Эдом в пустыне, километрах в ста от Басры. Там, среди барханов, стоял стеклянный дом странной конструкции. Сюда антрепренер привез немецких танцовщиц, и каждую ночь наряд автоматчиков сдерживал толпу, стекавшуюся на эти танцевальные представления. Возле здания стояли машины. Там стояли самые роскошные машины: «крайслеры», «роллс-ройсы», реже бело-красные «импалы» и совсем редко голубые «форды». Поодаль, возле двух пальм, стояли верблюды, охраняемые вооруженными людьми в белых одеждах: это приезжали богатые кочевники, вожди племен.

Именно здесь шейх — владелец крупнейших нефтяных скважин — назначил встречу американскому, русскому и цейлонскому журналистам. Цейлонец заболел и на встречу не приехал. Поэтому за маленьким столиком, в ложе, нависшей прямо над стеклянной сценой, где танцевали немки, шейх, одетый в традиционный белый бурнус, беседовал с Эдом и Степановым. Он был еще совсем молодым человеком, видимо, очень кокетливым: отвечая на вопросы, он то и дело поглядывал на свое отражение в огромном — во всю стену — зеркале. Говорил он, путая английские, французские и арабские слова. Внизу толстенькая немочка с добродетельным лицом Маргариты исполняла танец живота. Кочевники, которых впускали за огромные деньги вниз, на кресла вокруг сцены, сверлили огненными глазами пухлый живот немки, цокали языками и громко аплодировали, когда танцовщица делала мостик.

— О какой свободе вы говорите?— разглагольствовал шейх.— Посмотрите на мой народ. Они приезжают сюда, за границу, смотреть танец живота, но попробовал бы я разрешить этот танец у нас дома,— они бы меня растерзали! Это ж безнравственно — дома! И так упоительно — за границей! Народ темен и полон предрассудков. И этому народу сейчас дать полную свободу? Свобода, дарованная народу, не готовому к свободе, оборачивается кровью.

— Может быть,— спросил Степанов,— народ стоило бы готовить к свободе?

— Посоветуйте, как это делать? — улыбнулся шейх с грустной снисходительностью.— Дать сейчас свободу моему народу — значит отбросить его назад на десятилетия. Свободой воспользуются честолюбивые реакционеры, для которых все зло мира сконцентрировано в стриптизе, ночных барах, где появляются женщины с открытым лицом, в мужчинах, которые носят европейские костюмы и бреют бороду. Пусть уж лучше меня называют махровым реакционером: я взял на себя тяжкое бремя привести народ к демократии через эволюцию,— шейх снова взглянул на себя в зеркало,— и пусть эту эволюцию охраняет тайная полиция. Ничего, мне это простится в будущем.

Шейх уехал, а Степанов и Эд спустились вниз, в зал.

— Как вам понравился шейх?— спросил Степанов.

— Он интересно думает.

— По-вашему, он думает? Очень люблю думающих людей. На этой земле вообще, по-моему, перестают думать: чем больше люди научились делать, тем они меньше стали думать.

Эд записал слова Степанова в книжечку и заметил:

— Он верно сказал: «Мои люди больше всего ненавидят то, что любят в глубине души».

— Когда монарху нечего сказать, он сыплет афоризмами и цитатами.

— Вы предвзято к нему относитесь. Он ищущий человек.

— Что он ищет?— поморщился Степанов.— Бросьте вы, Эд. Как только он начнет искать, его сразу же спросят: «Почему вы берете себе, ваше величество, восемьдесят три процента прибыли от нефти, а государству оставляете семнадцать?» Что он тогда ответит, хотел бы я знать? Вы были в его княжестве?

— Я туда еду.

— Ну, так посмотрите вокруг себя повнимательнее: он не разрешил ввезти партию транзисторных приемников, он боится информации, а информации боятся только тираны. Если раньше уровень национальной культуры определялся количеством потребляемого мыла, то сейчас этот уровень определяется количеством радиоприемников, находящихся в пользовании у народа, и ценой на них в магазинах. Он покупает у вас только ковбойские фильмы, а Крамера, Феллини и Эйзенштейна он запрещает к прокату. Он посадил в тюрьмы двадцать молодых парней за то, что они обратились к нему с просьбой дать им иностранные паспорта: они хотели поехать учиться в университет Лумумбы.

— Вы надели на глаза шоры,— сказал Эд,— шейх против вас, поэтому вы не хотите видеть в нем ничего хорошего.

— Бросьте, Эд,— поморщился Степанов,— если вы работаете на людей, которым выгоден этот парень в бурнусе, со мной-то зачем так? Мы ж с вами коллеги, у нас может быть свое мнение о происходящем. Пишите, что хотите, это ваше личное дело; служите, но зачем прислуживать-то?

Эд сказал:

— Что это у вас за интонация евангелического пастора? Слушать проповеди можно и дома: для этого существует жена!

Степанов перебил его:

— Как Сара?

Стюарт досадливо махнул рукой и подумал: «Русский прав. Я ничего не смогу написать, если не заставлю себя поверить в истинность того, о чем я пишу. Он верно сказал: зачем сейчас прислуживать? Впрочем, с большим наслаждением я бы поступил наоборот: я бы в очерках ругал этого кретина в чалме, а в разговоре хвалил,— писателя судят по словам написанным, а не произнесенным».

— Возьмем танцорку?—предложил он и поманил немочку, сидевшую неподалеку: после своего номера она пила кофе.— Меня возбуждает доступность,— пояснил он.— Вас — нет?

Немочка улыбнулась и подсела к их столику.

— Давно здесь, козочка?— спросил Эд.

— У меня контракт на год.

— Хорошо платят?

— Хорошо...

— А эти?— Эд кивнул головой на богатых кочевников, сидевших возле сцены.

Немочка сделала большие глаза, покачала головой и приложила палец к губам.

— Зачем вам это?— спросил Стюарт.

— Мой жених — шофер в Гамбурге. Я скоро вернусь, и мы поженимся. Мы не могли раньше пожениться: плодить нищих? Когда я вернусь, мы сможем обеспечить нашу семью.

Тогда Стюарт в первый раз — именно Степанову — сказал фразу, ставшую после его за-[illegible]

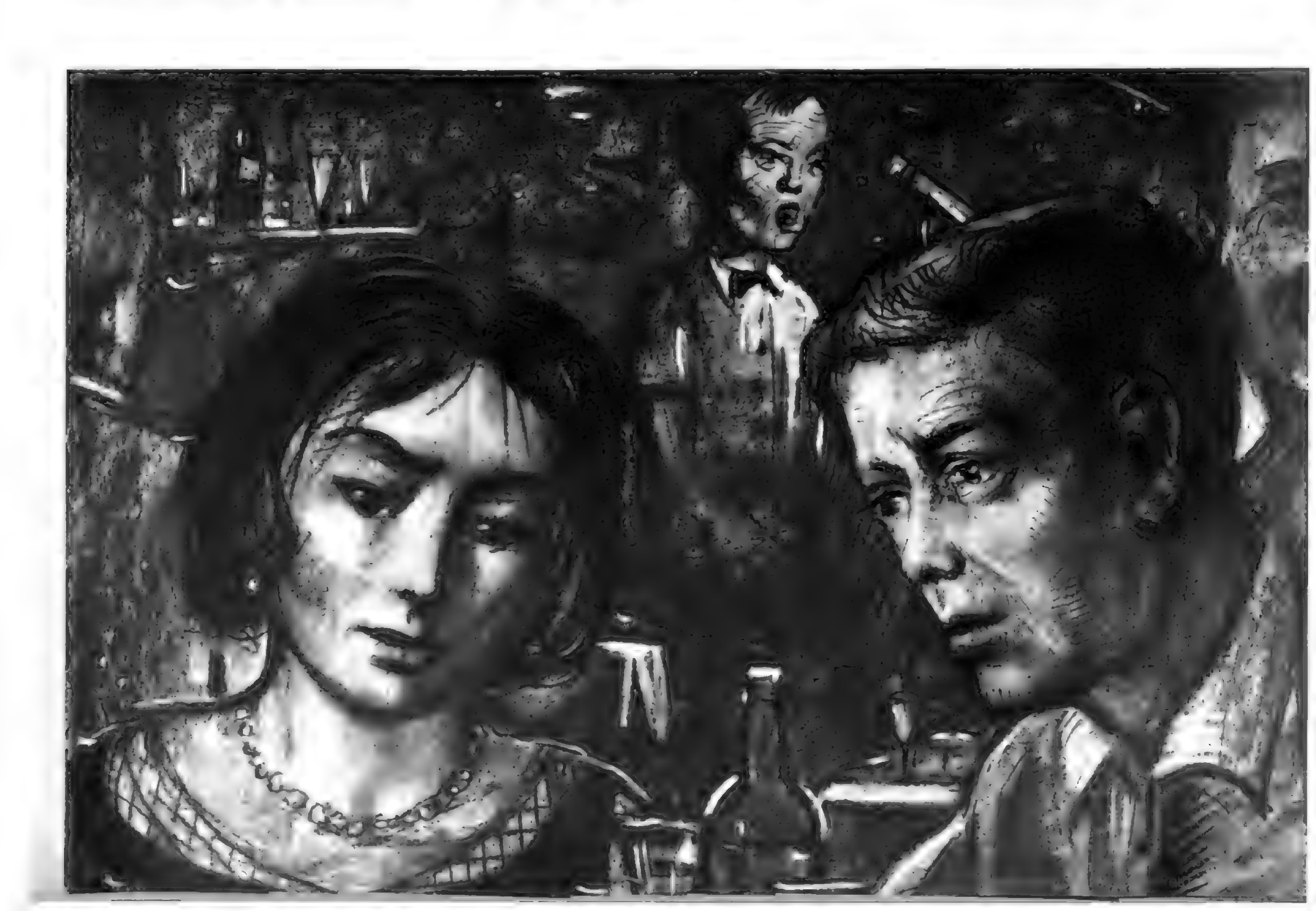
— На предательство человека толкает не любовь, а обременительное последствие любви — то есть семья...

Он написал в газету Маффи цикл великолепных очерков, в которых он поднял шейха,— «человек интересно строит свободу методом жестокого курса». Он писал о парадоксе: диктатура во имя будущей демократии. Через два дня после того, как Маффи кончил печатать его очерки, «Стандард ойл» удвоила субсидии шейху, а через неделю шейха свалили: молодые офицеры расстреляли его во дворце и провозгласили республику.

— Служить — это не значит врать,— сказал тогда Маффи,— мне вы обязаны были сказать всю правду. Апологеты нужны кретинам, которые боятся мыслить и принимать быстрые решения.

Эд снова метнулся в левые газеты, но там его предложений не приняли: у всех был в памяти скандал с «демократическим» шейхом. Тогда Стюарт плюнул на все и пошел работать в рекламу, на телевидение.

Продолжение следует.

НАРОДНЫЙ ПОЭТ

Расулу Рзе — шестьдесят.

Плененные молодостью духа поэзии Расула Рзы удивляются: «Неужели?» Удивляются и знающие творчество поэта во всем его объеме: «Только?» И те и другие по-своему правы, удивление их естественно: в стихах поэта есть задор молодости, поэт очень многое успел сделать в поэзии за сорок с лишним лет творческой деятельности.

С первых же шагов Расул Рза, как один из создателей азербайджанской советской поэзии, выступил новатором в литературе, насытил стих новым, революционным содержанием, со словом, обращенным к другу и брату, вышел строить новое общество.

В своих стихах Расул Рза радовался большевистской весне, пришедшей на хлопковые поля, писал о нефтеносном Баку, клеймил фашизм, с оружием в руках и поэтическим словом на устах сражался в годы войны за независимость Родины, а после войны, вот уже четверть века, продолжает держать чуткую руку на пульсе времени, оттачивает стих, пытаясь насытить его всей полнотой чувств современника, всеми красками мира.

Расул Рза пишет в автобиографии: «Большие темы требуют большой зрелости. Есть темы, которые, как боль, все время с вами, не дают покоя, не утихают, пока не найдут своего воплощения. Вот так я переживал зарождение, созревание, настойчивую внутреннюю потребность писать о Ленине».

Поэма «Ленин» Расула Рзы, удостоенная Государственной премии, была плодом долгих раздумий, многолетних трудов. Это лиро-эпическое повествование, согретое теплом сердечного азербайджанского слова, является и по сей день единственным крупным поэтическим произведением о Ленине в Азербайджане.

Каждый день Расула Рзы — рабочий. Никуда не уйти от дум, в которых и боли земные, и надежды, и сомнения, и вера. Все, что делается на земле, проходит через сердце поэта.

Мерцают звезды.
Набухают зерна
и проклевываются
из-под земли, как цыплята.
Земля меняет свои одежды
от сезона к сезону.
С рассвета до заката
трудится мир.
Никогда не кончится
рабочий день Вселенной...

Трудится Вселенная, трудится и поэт, вечный собеседник всех времен минувших и всех времен грядущих. Труд Расула Рзы — постоянный поиск. Поиск новых поэтических «средств производства», новых поворотов вековечных и древних, как сам народ, слов. Поиск, граничащий с экспериментом, с вызовом ревнителям отжившего, старого.

Расул Рза известен в Азербайджане как интересный переводчик. На азербайджанском языке в переводе поэта зазвучали почти все поэмы и многие стихотворения Маяковского, «Полтава» и «Граф Нулин» Пушкина, «Маскарад» и «Демон» Лермонтова, произведения Низами, Шевченко, Назыма Хикмета и многие другие шедевры мировой литературы.

Немало сил вкладывает Расул Рза, как главный редактор, в дело подготовки и издания впервые в истории азербайджанской культуры Азербайджанской Советской Энциклопедии.

Расул Рза — активный общественный деятель афро-азиатского писательского движения, часто ездит по миру, его голос можно услышать на многих международных поэтических форумах.

Сегодня, в день юбилея народного поэта Азербайджана Расула Рзы, хочется вспомнить одно из первых его стихотворений — «Большевистская весна», вспомнить, чтоб обратиться к поэту с его же собственным призывом:

Рза, не стой!
Рза, пиши!

Потому что и сегодня, как и сорок лет назад, когда прозвучали эти строки, «большевистской великой весной каждый час нашей жизни отмечен», поэта ждут родные поля, родные просторы, родное небо. Ждут новых стихов, новых песен. Пожелаем поэту, чтоб так же остро видел глаз, так же остро писало перо.

Ч. ГУСЕЙНОВ

ЛЕНИН В ТАТАРСКОМ ТЕАТРЕ

Немало театров в Казани... Но особенно многолюдно у подъезда старинного здания Татарского академического театра имени Г. Камала, где идет премьера: «Третья патетическая» Н. Погодина.

Спектакль глубоко взволновал зрителей. Образ Ленина, успешно воплощенный на сцене народным артистом Татарии Шаукатом Хасановичем Биктимировым, современен, близок и понятен. Некоторые критики склонны видеть в этой пьесе только борьбу Ленина за единство партии, что, конечно, бесспорно. Но т о л ь к о такое понимание пьесы сужает замысел драматурга: в спектакле идет борьба и за человека и за человеческую личность. Ленин бескомпромиссно сражается с капиталистом Гвоздилиным, отвоевывает для партии сомневающихся, колеблющихся людей, вселяет в них веру. Искренен, убедителен на сцене Биктимиров. И тем покоряет зрителей, испытывающих радость еще и оттого, что Ленин говорит на их родном языке.

Кончился спектакль — и буря оваций, цветы... Самые юные зрители — дети — окружили актеров, тянутся к Биктимирову...

После премьеры я обратился к постановщику спектакля, режиссеру и актеру Малого театра Михаилу Михайловичу Новохижину и попросил его рассказать о работе над спектаклем. Постановщик ответил:

— Чем лучше актер сумеет зажечь слово прочувствованной внутри мыслью, тем глубже поймет его зритель. В первую очередь это относится к исполнителю главной роли спектакля Шаукату Биктимирову, играющему Ленина. До этого мы с ним хорошо поработали во время постановки «Последней жертвы». Там он исполнял Дульчина — роль совершенно противоположного характера. Такие контрасты способен преодолеть только очень талантливый актер.

В июне «Третью патетическую» театр имени Г. Камала покажет в Москве.

Марат ЦЕБОЕВ

Фото автора.

На снимке: Ленин — Ш. Биктимиров; Ипполит — И. Солтанов.

БОРЬБА И ЛЮБОВЬ РЯДОМ

Фильм «Почтовый роман» поставлен на студии имени Довженко режиссером Евгением Матвеевым. За таким названием невозможно угадать драматическую повесть о русском офицере, герое, поднявшем восстание матросов на крейсере «Очаков»...

Сценарист Даниил Храбровицкий построил свой киторассказ на истории любви молодого русского офицера, революционера Петра Шмидта к Зинаиде Ризберг. Любовь эта, не только не разделенная, но не знавшая и свиданий, вся заключена в письмах. Лишь в трагические дни, перед казнью, заключенный Шмидт получил короткое счастье общения с той, кому в последний час написал: «Я вас люблю. Я буду думать до самой последней секунды, пока залп не оборвет мысль, только о вас...»

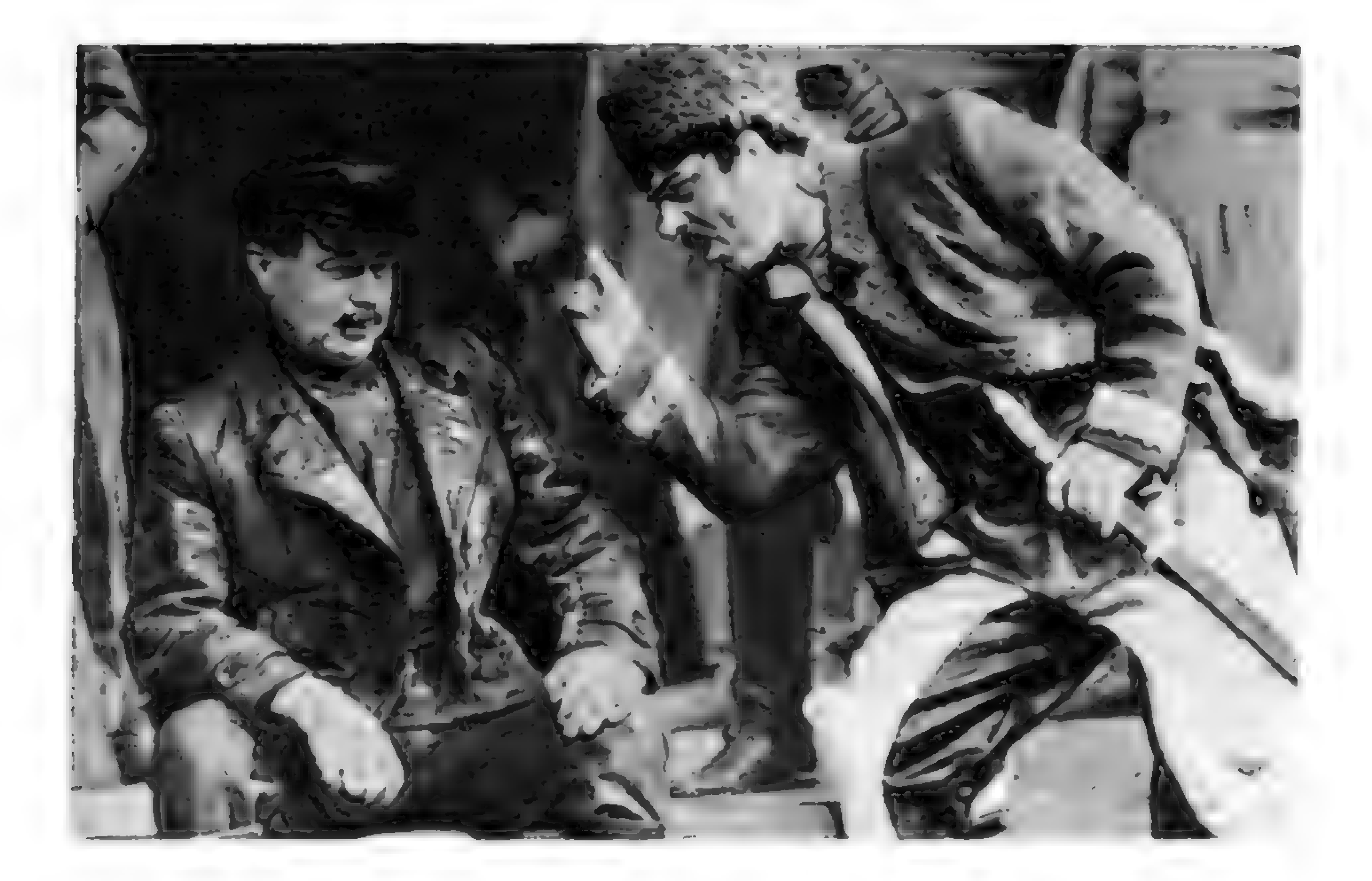
Действие фильма происходит через пятнадцать лет после гибели Шмидта, после Очаковской трагедии. Зинаиду Ризберг играет артистка МХАТа Светлана Коркошко.

Чекист Ковшов — эту роль исполняет режиссер и артист Евгений Матвеев — случайно нашел предсмертное письмо Шмидта, так никогда и не попавшее к адресату. Ковшов находит Зинаиду Ризберг, слышит ее воспоминания... Тут-то нам и приоткрывается такая страница в жизни женщины, которая способна была бы сделать даже из кисейной барышни сподвижницу, соратницу героя.

Украинский артист Александр Парра нашел какой-то сокровенный душевный ключ к образу Шмидта. Неустрашимый, с гордо поднятой головой Шмидт бросает в лицо судьям свою страстную, обличительную речь...

На протяжении двух серий фильма почти все эпизоды непосредственно предшествуют смерти этого человека. Мы знаем, что он обречен. И тем не менее ни разу не возникает чувство жалости к нему, а только гнев, только вера в непобедимость высоких и чистых человеческих чувств, в красоту и широту души революционера.

Н. СИЛАНТЬЕВА

НОВАЯ ЖИЗНЬ «ПЕРВОЙ КОННОЙ»

Всеволод Вишневский написал «Первую Конную» в 1929 году. Пьеса появилась к десятилетию создания Первой Конной, к десятилетию освобождения буденновцами столицы тихого Дона от деникинцев. Автор посвятил пьесу Ростову. И ростовчане первыми поставили ее, рассказав о бурных годах гражданской войны на Донщине, которую кое-кто называл белой Вандеей. Но на этой же самой донской земле, в солончаковых Сальских степях взметнулись первые клинки Семена Буденного и его одностаничников. Армия, истоки которой пошли именно отсюда, с Дона, навсегда перечеркнула замыслы тех, кто пытался превратить Ростов, а с ним и весь казачий Дон, в белую Вандею.

Вся вещь, писал сам В. Вишневский о своей «Первой Конной», документ.

Авторская скромность не позволила ему сказать, что это документ бессмертный. А это так. И когда артисты Ростовского театра имени Горького в ознаменование пятидесятилетия Первой Конной поставили пьесу на своей сцене, премьера стала, как говорится, настоящим праздником города. На спектакль пришли и старые и малые; пришли ростовчане и люди из окрестных станиц; рядом с молодыми сидели ветераны-первоконники... Вместе с лихими рубаками-кавалеристами в театре присутствовал один из соратников Буденного, Маршал Советского Союза А. И. Еременко.

Глазам зрителей предстала суровая, порой трагическая, но всегда неодолимая, жизнеутверждающая правда. И надо отдать должное постановщику Я. Цициновскому: не нарушая широкой, многоликой картины событий, в которой все решает и всем движет революционная масса, он обнаружил подлинную изобретательность художника, создав неповторимый образ самой народной массы.

Благодаря этому пьеса, казалось бы, уже сослужившая свою службу, вновь предстала перед зрителями, как старое, но грозное оружие.

Некоторые эпизодические роли органично слиты постановщиком воедино. В результате они предстают в спектакле как сильные, разносторонние характеры.

Именно по такому принципу построена, к примеру, роль рабочего-комиссара, сыгранная артистом П. Лободой. Внутренняя убежденность, железная выдержка комиссара, его непреклонная вера в правоту дела Ленина — все это выкристаллизовалось в строгом, проникновенном образе, созданном талантливым артистом.

Превосходно сыграна роль бойца Красной Армии М. Бушновым... Да я не ошибусь, если скажу, что все без исключения действующие лица пьесы нашли свое воплощение, сильное и убедительное.

В «Первой Конной», идущей на ростовской сцене, ощутимо бьется пульс революции. Спектакль волнует сердца. И когда на премьере Ведущий обратился к героям спектакля, буденновцам, со словами: «Встанем, товарищи! Встанем, бойцы! Почтим память погибших»,— люди встали не только на сцене; вместе с ними поднялись в зрительном зале и поседевшие ветераны Первой Конной, буденновцы...

Рядом с ними встали их молодые наследники, взявшие в руки знамя отцов.

Михаил АНДРИАСОВ

На снимке: Сцена из спектакля «Первая Конная». Слева направо: Рабочий — П. Лобода и Боец в галифе — М. Бушнов.

Фото С. Жиркова.

НА ЭКРАНЕ — ЮЛИЯ БОРИСОВА

Роль Елены Кольцовой в новом фильме «Посол Советского Союза», поставленном на студии «Мосфильм» режиссером Г. Натансоном по сценарию Ариадны и Петра Тур, играет народная артистка СССР Юлия Борисова. Это вторая ее встреча с кинематографом.

Снова, как в Настасье Филипповне, мы увидели актрису в сложнейшей психологической ситуации: героиня смело вступает в моральное единоборство с врагами и побеждает их.

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер

Великолепный матч в Белграде принадлежит истории, но понятно, что его спортивные и творческие итоги еще долго будут обсуждаться во всем шахматном мире.

Еще до начала этого поистине исторического матча было много «как? зачем? почему?».

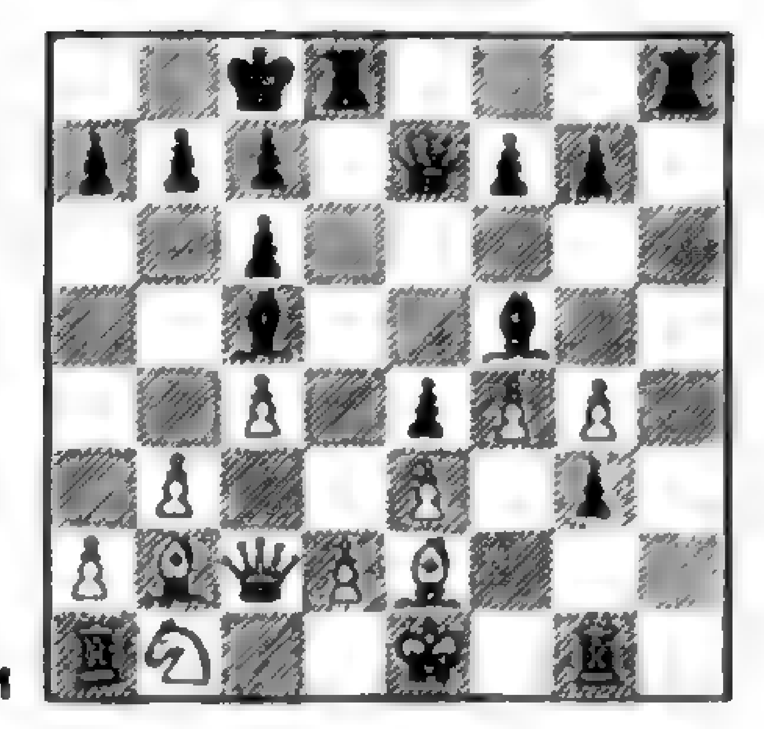
Как возникла сама идея проведения такого матча?

Она принадлежит югославской шахматной федерации. На конгрессе ФИДЕ югославы внесли предложение: давайте организуем матч, который был бы насыщен спортивным напряжением, настоящей борьбой,— матч сборной СССР против сборной остального мира. И вот идея воплощена в жизнь.

Весь мир с огромным интересом следил за ходом спортивной борьбы в Белграде. Видавший шахматные виды М. Ботвинник говорил после возвращения в Москву, что, кроме одной партии (Горт — Полугаевский — ничья на 11-м ходу), во всех остальных 39 шла невероятно упорная борьба. «Ничего подобного я раньше не наблюдал»,— заявил М. Ботвинник.

Следует отметить большую работу, которую по поручению конгресса ФИДЕ провел экс-чемпион мира профессор М. Эйве. Это он составил сборную избранных шахматистов. Каким же принципом руководствовался Эйве? Прежде всего — таблицами коэффициентов сильнейших шахматистов мира. Выбор остановился на трех шахматистах Америки — Фишере, Решевском, Найдорфе, трех гроссмейстерах из социалистических стран — Горте, Ульмане, Портише, трех шахматистах из Западной Европы — Ларсене, Олафссоне, Дарге и трех

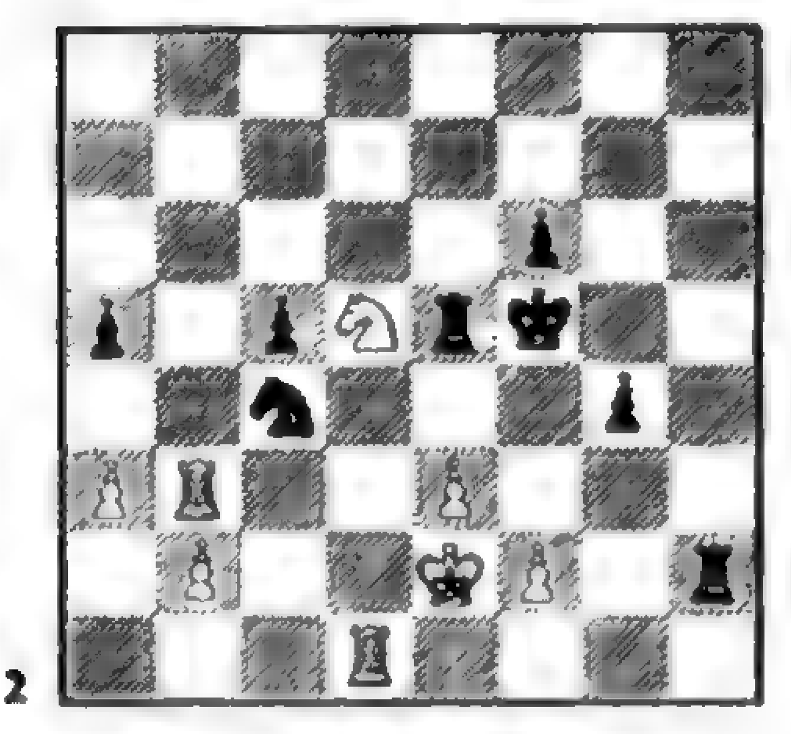
В. СПАССКИЙ

1

Б. ЛАРСЕН

●

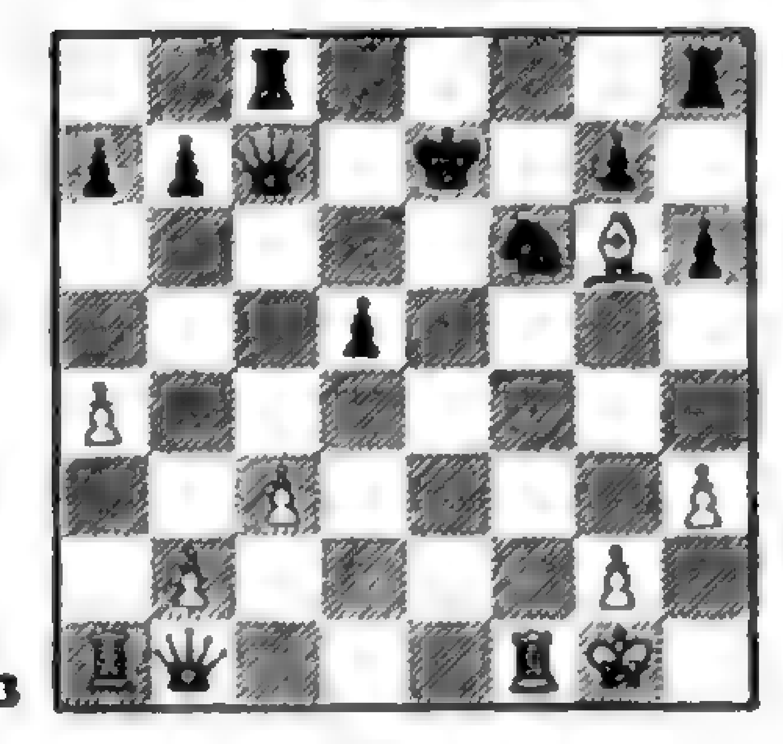
Б. ЛАРСЕН

2

Б. СПАССКИЙ

●

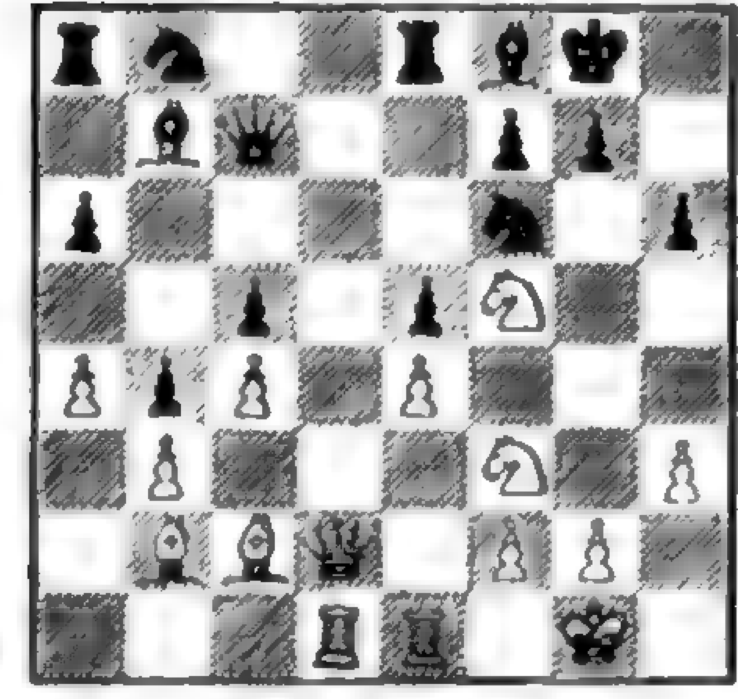
Т. ПЕТРОСЯН

3

Р. ФИШЕР

●

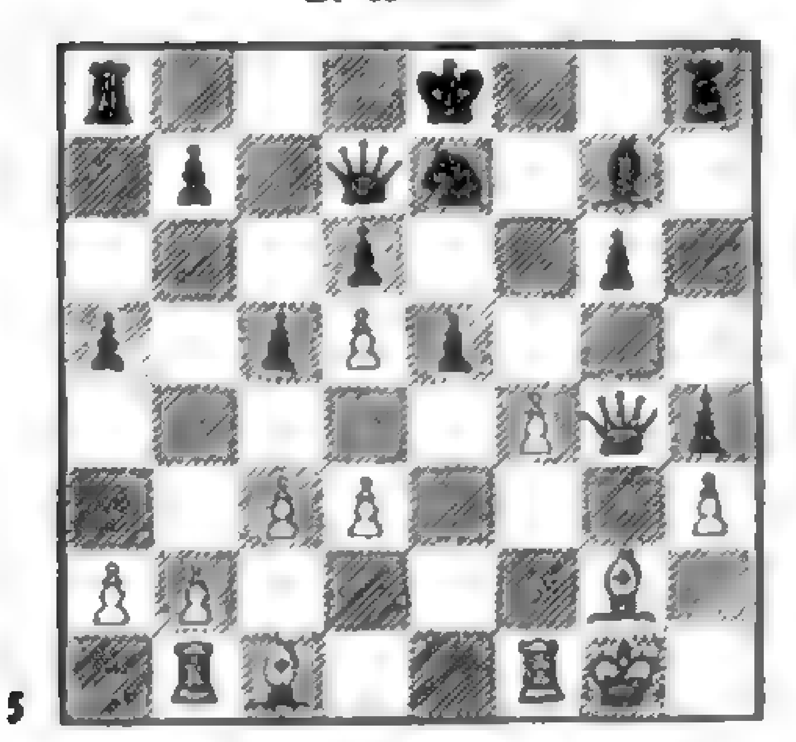
С. ГЛИГОРИЧ

4

Е. ГЕЛЛЕР

●

Б. ИВКОВ

5

П. КЕРЕС

гроссмейстерах Югославии — Глигориче, Ивкове, Матуловиче.

М. Эйве еще задолго до начала матча заявил, что он никого не собирается обидеть, ибо он со всеми гроссмейстерами дружит, и все же обид было немало. Так, например, М. Матулович протестовал, что его поставили слишком низко — на восьмую доску. Когда об этом стало известно нашей «восьмой доске» — М. Ботвиннику, экс-чемпион мира пошутил: «Я понимаю Матуловича, ему неинтересно играть с таким слабым противником!»

Особенно сложный конфликт разразился между Фишером и Ларсеном. Кому выступать на первой доске? Когда Ларсен узнал, что Эйве поставил его на вторую доску, то датский гроссмейстер категорически отказался участвовать в матче, заявив, что он приехал в Белград как журналист.

Как уже известно, месячный конфликт разрешился совершенно неожиданно, в несколько минут, когда казалось, что Ларсен займет место в... ложе прессы. Неожиданно для всех Роберт Фишер стал добрым и уступчивым и заявил: «Если Ларсену уж так сильно хочется играть со Спасским, пожалуйста, пусть играет».

Все были в восторге от соломонова решения Фишера, от его пока неизвестной черты характера — скромности, и Фишер стал в Югославии еще популярнее. Но очень скоро стало известно о новом заявлении Фишера: «Очевидно, я очень устал после дороги. Только этим можно объяснить, что я мог сделать такую глупость — уступил Ларсену первую доску!»

Необходимо отметить дружеский жест нашей команды, прежде всего Б. Спасского и Т. Петросяна, которые разрешили Фишеру и Ларсену «рокироваться», что фактически было нарушением ранее составленного протокола.

Как известно, матч Спасский — Ларсен закончился 1,5 : 1,5, но необходимо подробнее остановиться на второй партии, где Ларсену был нанесен страшный удар

Б. ЛАРСЕН — В. СПАССКИЙ

1. b2—b3 e7—e5 2. Cc1 — b2 Kb8 — c6 3. c2 — c4 Kg8 — f6 4. Kg1 — f3 e5 — e4 5.Kf3 — d4 Cf8 — c5 6. Kd4 : c6 d7 : c6 7. e2 — e3 Cc8— f5 8. Cf1 — e2 Фd8 — e7 9. Фd1 — c2 0 — 0 — 0 10. f2 — f4... Правильно было 10. Kc3 и затем длинная рокировка.
10... Kf6 — g4 11. g2 — g3 h7 — h5! 12. h2 — h3 h5 — h4!

Нона Гаприндашвили, присутствовавшая на матче, заявила, что Ларсен эту партию «играл ужасно». Нельзя сказать, что Ларсен отлично разыграл дебют, но он и раньше неоднократно применял эту систему. Разве Ларсен мог предвидеть, что наказание за десятый ход будет таким строгим? Нет, это трудно было предвидеть. Борис Спасский создал настоящую шахматную жемчужину.

13. h3. g4 h4 : g3 4Лh1 — g1...

И если тут ни Ларсен, ни зрители еще не поняли, в чем дело, то следующий ход чемпиона мира внес полную ясность (диаграмма 1).

14... Лh8 — h1!!!

Блестящий, изумительнейший ход!

15. Лg1 : h1 g3 — g2
16. Лh1 — f1 . . .
Или 16. Лg1 Фh4 + 17. Kpd1 Фh1
16... Фe7 — h4 +
17. Kpe1 — d1 g2 : f1Ф +
Ларсен сдался, ибо после 18. C : f1 C : g4 + получает мат.

Что делалось в тот момент в зале Дома профсоюзов в Белграде! Несмотря на все призывы соблюдать тишину, овация в честь победителя гремела несколько минут. И даже Роберт Фишер, как-то потребовавший, чтобы из зала вывели зрителя, который «не так на него смотрит», не возразил против этого вопиющего нарушения турнирного распорядка.

Да, эта партия поистине уникальная. Когда это гроссмейстер получал мат на 19-м ходу? Ну, а Ларсен? Что чувствовал замечательный шахматный боец? Сможет ли он быстро опомниться после такого шока? Трудно, почти невозможно было на это рассчитывать...

Читатель уже знает, что все же Ларсен в третьей партии взял реванш. Означает ли это, что датский гроссмейстер сумел молниеносно опомниться после нокаута во второй партии? Нет, он не опомнился и в третьей партии разыграл дебют снова ужасно, как выразилась Нона Гаприндашвили. Ларсен снова находился долгое время в нокдауне, но его здорово выручил сам Спасский. Если чемпион мира во второй партии сделал самый красивый ход, то в третьей допустил, если так можно сказать, «зевок века». Такого «зевка» не было в практике Бориса Спасского.

Вот этот печальный для Спасского, для всей нашей команды случай невероятной шахматной слепоты (диаграмма 2).

У Спасского оставалось 4 минуты, у Ларсена лишь одна. Выигрыш Спасский упустил раньше, и теперь надо было сыграть 37 Kb6 или 37. Лg1 Л : d5 38. e4 + Kp : e4 39. Л : g4 + и партия должна была закончиться вничью.

Вместо этого чемпион мира сыграл: 37. Kpe2 — f1??...
Вот он — «зевок века» в «матче столетия»! Ужас, не правда ли?!
37... Лh2 — h1 +
38. Kpf1 — e2 Лh1 : d1
Спасский сдался.

Это досадное поражение Спасского не могло не отразиться на окончательном исходе всего матча. Во-первых, Ларсен, окрыленный этим лотерейным выигрышем, сумел в четвертой партии победить Л. Штейна, заменившего Спасского. Во-вторых, а это самое неприятное, «зевок» Спасского травмировал почти всю нашу команду. Думаю, что этот момент в Белграде можно сравнить с хоккейным матчем СССР — Швеция в Стокгольме, когда наш вратарь Коноваленко был вынужден из-за травмы покинуть площадку. Когда наш шахматный вратарь Б. Спасский дал осечку, В. Корчной и М. Тайманов испортили, очевидно, «на нервной почве», хорошие позиции против Л. Портиша и В. Ульмана.

Но просчет Бориса Спасского в третьей партии с Ларсеном был не единственной сенсацией этого матча. Т. Петросян после матча с Б. Спасским сыграл около 50 партий, не потерпев ни одного поражения, а в Белграде экс-чемпион мира проиграл две партии подряд Роберту Фишеру. Фишер, несомненно, очень сильный шахматист, один из ведущих в мире (правда, не самый сильный, как он сам считает), но не так уж страшен американский гроссмейстер, чтобы считать две его победы подряд нормальными.

Первую партию Фишер выиграл абсолютно заслуженно и убедительно. Петросян, играя белыми, вторую партию мог свести вничью, но жажда реванша привела ко второму поражению. Итак, Т. Петросян своими неудачами значительно повысил акции Р. Фишера, которые и так стояли очень высоко. Надо полагать, что все любители шахмат, в том числе и советские, с удовольствием увидят Фишера среди участников межзонального турнира, ибо борьба за первенство мира с участием Фишера будет, несомненно, интереснее и острее.

Вот как Р. Фишер закончил первую встречу с Т. Петросяном (диаграмма 3). Черные лишились рокировки. Когда король не находит спокойного убежища, он обычно подвергается атаке фигур противника. В данном случае не помогло и искусство защиты Петросяна. Последовало:

29. Фb1 — f5 Kpe7 — d8
30. Лa1 — e1 Фc7 — c5 +
31. Kpg1 — h1 Лh8 — f8
32. Фf5 — e5 Лc8 — c7
33. b2 — b4 Фc5—c6
34. c3 — c4! d5 : c4
35. Cg6 — f5 Лf8 — f7
36. Лe1 — d1 + Лf7 — d7
37. Cf5 : d7 Лc7 : d7
38. Фe5 — b8 + Kpd8 — e7
39. Лd1 — e1 + Петросян сдался.

Для участников были учреждены специальные призы. В каждом туре вручалась премия за лучшую партию. Победитель на первой доске должен был получить автомашину «Фиат». Поскольку Спасский и Ларсен сыграли 1,5 : 1,5, то они разделили «Фиат» наличными.

Фишеру за победу на второй доске полагалась машина «Москвич», но американский гроссмейстер заявил, что в США слишком большое количество автомобильных катастроф и поэтому он предпочитает пользоваться автобусом. Вместо «Москвича» он взял поэтому наличные деньги. Е. Геллер получил приз за самую красивую партию в матче. Посмотрите, как энергично и красиво советский гроссмейстер разгромил позицию С. Глигорича (диаграмма 4).

Последовало:

23. Kf3 : e5! Лe8 : e5
24. Cb2 : e5 Фc7 : e5
25. f2 — f4 Фe5 — e6
26. e4 — e5 Kf6 — e8
27. Kf5 — h4 Kb8 — c6
28. Фd2 — d3 g7 — g6
29. f4 — f5 g6 : f5
30. Kh4 : f5 Фe6 — g6
31. Фd3 — e2 Фg6 — g5

Часто две легкие фигуры сильнее ладьи. В данной ситуации это не так, ибо фигуры черных расположены негармонично и, что самое главное, атака Геллера неотрази[illegible]

32. h3 — h4 Фg5 — f4
33. g2 — g3 Фf4 : e5
34. Фe2 — g4 + Фe5 — g7
35. Kf5 : g7 Ke8 — f6
36. Фg4 — f4 Cf8 : g7
37. Фf4 — c7 Лa8 — b8
38. Лd1 — d6 Kf6 — g4
39. Лd6 : c6 Cg7 — d4 +

Известный «предсмертный» шах.

40. Kpg1 — f1 Глигорич сдался.

Е. Геллер и М. Тайманов — шахматисты среднего поколения. Они оба уверенно победили своих сильных соперников — С. Глигорича и В. Ульмана. Отлично сражалась и старая гвардия. В. Смыслов при общем счете матча 19,5 : 19,5 поставил точку над «и» в последней партии с Ф. Олафссоном, М. Ботвинник хорошо «обслужил» М. Матуловича. Лучшим бомбардиром оказался в нашей команде П. Керес. Он набрал три очка из четырех возможных.

Вот как убедительно П. Керес выиграл четвертую встречу у Б. Ивкова (диаграмма 5).

Последовало:

18. f4 : e5 Cg7 : e5
19. Cc1 — g5 Фd7 : g4
20. h3 : g4 Лh8 — h7
21. Cg2 — e4 Kpe8 — d7
22. Лf1 — f3 Лa8 — g8
23. Лb1 — f1 Kpd7 — e8
24. Kpg1 — h1 h4 — h3
25. Лf1 — d1 Kpe8 — d7
26. d3 — d4 c5 : d4
27. c3 : d4 Ce5 — h8
28. Kph1 — h2 Лg8 — c8
29. Лd1 — f1! . . .

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление Л. И. ШУМАНА.

Решает исход борьбы, ибо против вторжения ладьи нет защиты.

29...	Ch8 : d4
30. Лf3 — f7	Cd4 — e5 +
31. Крh2 — h1	Лh7 : f7
32. Лf1 : f7	Лc8 — c4
33. Ce4 : g6	Лc4 — d4

Как известно, советская команда победила с разрывом всего в одно очко. После возвращения в Москву М. Тайманов, П. Керес и другие участники матча заявили, что результатом они довольны. П. Керес считает, что когда советские футболисты побеждают какую-то даже второстепенную команду, то царит ликование, а ведь в Белграде достигнута победа. «Избаловались советские шахматные болельщики»,— сказал П. Керес. М. Тайманов напомнил, что в 1969 году советские хоккеисты стали чемпионами лишь благодаря лучшему соотношению пропущенных и заброшенных шайб, а наши шахматисты в Белграде обыграли команду всего остального мира!

Наши гроссмейстеры правы и неправы. Правы тем, что основная задача — выиграть матч — была выполнена в острой борьбе с очень сильным и достойным соперником. Наших гроссмейстеров, однако, не должен удивлять тот факт, что у массы любителей шахмат не чувствуется особого восторга и после окончания матча проглядывало даже некоторое разочарование.

Команда, в которой выступают чемпион мира, четыре экс-чемпиона и претенденты на высший шахматный титул, обязана побеждать с более крупным счетом. Этому не должны были помешать ни Фишер, ни Ларсен. Не следует кривить душой. Разве любители шахмат не вправе спросить, почему наша команда потерпела крушение на первых четырех досках? На это «почему?», пожалуй, никто не может дать ответа.

Какие все же наши предложения? Спортивные итоги утвердить. Недостатки учесть. У нас здорово играют в шахматы, но и в других странах научились.

Справедливо будет считать, что наша команда добилась почетной победы с очень сильным и достойным противником. Что же касается наших соперников, то они очень довольны. Выражаясь языком их капитана М. Эйве, они добились того, к чему стремились,— проиграть с минимальным счетом.

Есть еще один вариант: посмотреть на исход матча с некоторым юмором. Про первого официального чемпиона мира В. Стейница рассказывают такой случай. Стейниц в шахматном кафе в Лондоне часто играл на ставку. Он нашел хорошего партнера, который ему постоянно проигрывал. Однажды Стейниц решил нарочно проиграть одну партию для того, чтобы у партнера не пропала охота играть. Стейниц сдался и уже готовился расставлять фигуры для следующей игры, но не тут-то было. Любитель шахмат в радостном порыве воскликнул: «Я победил чемпиона мира!» — и с этими словами покинул кафе. Больше он там никогда не появлялся.

Может быть, результат 20,5 : 19,5 приведет к тому, что советские шахматисты потеряют партнеров? Но это, конечно, шутка. Такая угроза была бы, если бы матч в Белграде закончился крупным разгромом сборной остального мира. Теперь есть шанс, что подобный матч повторится, а может быть, даже станет традиционным. Это было бы прекрасно!

Ида Семеновна ВЕРШИНИНА

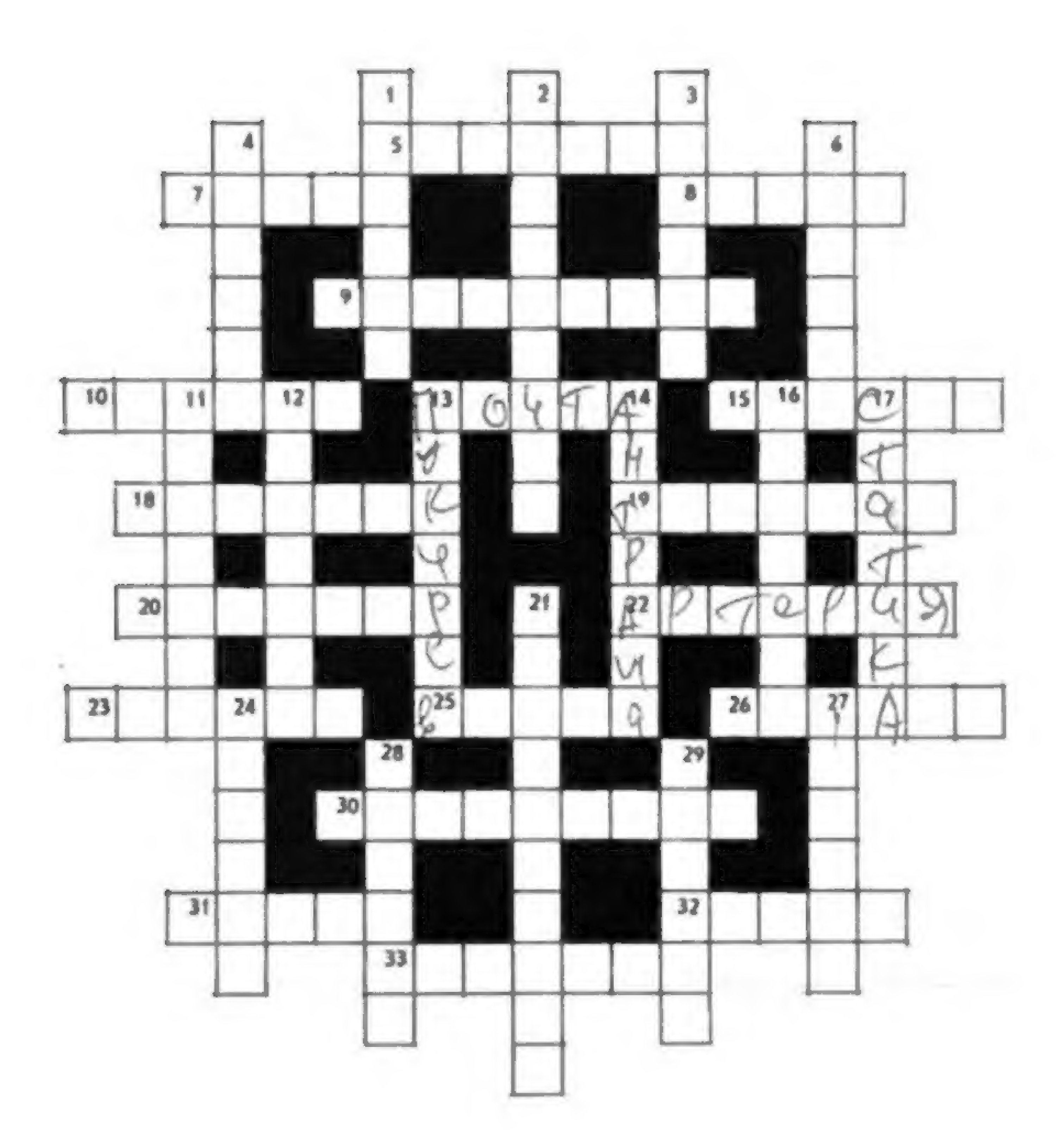
Она пришла в «Огонек» 25 лет назад. Совсем девочкой, сразу после окончания института. Это была ее первая в жизни работа. И последняя.

Безвременно, в расцвете сил скончалась Ида Семеновна Вершинина, наша Ида, наш друг.

Читатели «Огонька», товарищи по профессии знали ее как талантливого театрального и музыкального критика, репортера, обладающего острым и легким пером. А мы, ее друзья по редакции, знали Иду Семеновну как жизнерадостного, веселого, остроумного человека.

Два года назад в «Библиотечке «Огонька» вышла книжка репортажей Иды Вершининой «Четыре этажа музыки». До сих пор приходят отклики на эту книжку. Сегодня мы помещаем портрет Иды Вершининой рядом с траурной рамкой. Такой мы запомним ее навсегда, человеком большой души и доброго сердца, человеком, посвятившим всю свою жизнь трудной профессии журналиста.

Ида Вершинина всегда будет с нами. В нашей памяти.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Народный музыкальный инструмент. 7. Приморский курорт в Польше. 8. Опера А. Н. Серова. 9. Осветительный прибор. 10. Народный поэт Дагестана. 13. Учреждение связи. 15. Крытая галерея с торговыми помещениями. 18. Сорт тыквы. 19. Горный массив на Южном Урале. 20. Комедия Н. В. Гоголя. 22. Кровеносный сосуд. 23. Архитектурное оформление дверного проема. 25. Рыба семейства карповых. 26. Австрийский композитор. 30. Порт на Рыбинском водохранилище. 31. Заглавие книги. 32. Русский полярный исследователь. 33. Ансамбль из пяти исполнителей.

По вертикали: 1. Пустынное плато между Аральским и Каспийским морями. 2. Город в Полтавской области. 3. Птица. 4. Основной аккорд лада. 6. Фантастическое животное с головой человека на теле льва. 11. Отрезок прямой, соединяющий две точки окружности и проходящий через ее центр. 12. Селение на Дону, Кубани. 13. Автор картины «Неравный брак». 14. Прыжок в балете. 16. Стихотворный размер. 17. Раздел механики. 21. Басня И. А. Крылова. 24. Денежная единица МНР. 27. Драма Б. А. Лавренева. 28. Сельскохозяйственная машина. 29. Старая мера длины.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 19

По горизонтали: 5. Плещеев. 6. Саквояж. 9. Веронезе. 10. Ангстрем. 12. Агава. 13. Челеста. 15. Кутузов. 16. Новолазаревская. 19. Стартер. 21. Ренклод. 23. Макет. 25. Целлофан. 26. Лезгинка. 27. Антонов. 28. Волхова.

По вертикали: 1. Резонанс. 2. Темпера. 3. Кантата. 4. Портсмут. 7. Крейсер. 8. Предлог. 11. «Гайдамаки». 14. Аллюр. 15. Ковер. 17. Стапель. 18. Новиков. 20. Тахометр. 22. Новгород. 23. Монолог. 24. Толстой.

●

На первой странице обложки: Здравствуй, первая весна!

Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Лагерь экспедиции «Торос» на льдине в Белом море. Здесь ученые занимаются изучением гренландского тюленя. Внизу: бельки — детеныши тюленя.

Фото Г. Копосова

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 28/IV-70 г. А 00066. Подп. к печ. 12/V-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1113. Тираж 2 200 000 экз. Заказ № 1180.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

КРЫЛЬЯ „ЧАЙКИ"

Игорь Российский, рабочий с «Чайки».

К. БАРЫКИН, И. ТУНКЕЛЬ

На своих крыльях черемушкинский завод «Чайка» поднял и вот уже несколько лет несет значительное дело. Более 4 тысяч учащихся седьмых, восьмых, девятых и десятых классов окрестных школ Черемушкинского и Советского районов Москвы приходят сюда раз или два в неделю и привычно занимают свои рабочие места — у верстака, за станком, у печатной или швейной машины.

Нам понравилось в цехах и лабораториях ребячьего завода. Хочется рассказать о нем еще и потому, что, быть может, и вам приходилось видеть продукцию «Чайки». Знаете, наверное, небольшой конструктор, из которого при известном терпении и навыке собирается радиотранзистор? А может, вы пользовались печатной продукцией фабрики или дарили дочери кукольные наряды?

Завод этот размерами не поражает. Четыре цеха, двести станков и машин. За год сделано всякого добра на 226 тысяч рублей — более 130 тысяч микроэлектродвигателей, десятки тысяч комплектов одежды. Здесь свой план, своя программа, своя продукция, которую ждут магазины. «Чайка» с первого дня нашла нужный настрой, не сбивается с ритма.

...Готовое платье, сшитое с учетом капризной нынешней моды, из материалов неплохих, стоит всего 90 копеек. Да и не одно платье — целое приданое! Конечно, игрушечное. Продукция завода идет и на кукольные фабрики.

Мастер производственного обучения швейного цеха Вера Александровна Дунаева знакомит с восьмиклассницами 563-й школы — за швейными машинами Нина Королева, Оля Егорова, Наташа Аверкиева, Оля Дьяконова.

А вот цех, где собирают радиоприемники, вернее, детали к радиоконструкторам. Недавно пятимиллионный радиоконструктор ушел с «Чайки». Трудятся на заводе ребята из 515-й, 546-й и 563-й школ.

Делают тут мини-электромоторчики, каждый весом в несколько граммов. На ладонь десяток насыплешь! Мал золотник, да хорош. Качество моторчика ребята гарантируют, они своей маркой дорожат! Знают, что к их делу взрослые относятся требовательно, без скидок на возраст.

— Я теперь поняла, что такое труд,— сказала одна из школьниц.— И к маминой работе по-другому отношусь...

«Чайка» психологически готовит к труду, вырабатывает уважение к нему. Ребята получают те навыки, без которых нет и мастерства. Они уже не испугаются производства. Некоторые так увлекаются делом, что и после школы стремятся в привычные стены. Кое-кто возвращается сюда на педагогическую работу. Сейчас семь сотрудников завода учатся в педагогическом институте на заочном отделении.

...Вручают пропуска торжественно. И, конечно, надолго запомнит девятиклассница 531-й московской школы Оля Гамова этот момент, когда заместитель главного конструктора школьного завода Павел Сергеевич Гудков вручил ей пропуск на завод; навсегда сохранит она этот первый в ее жизни рабочий пропуск.

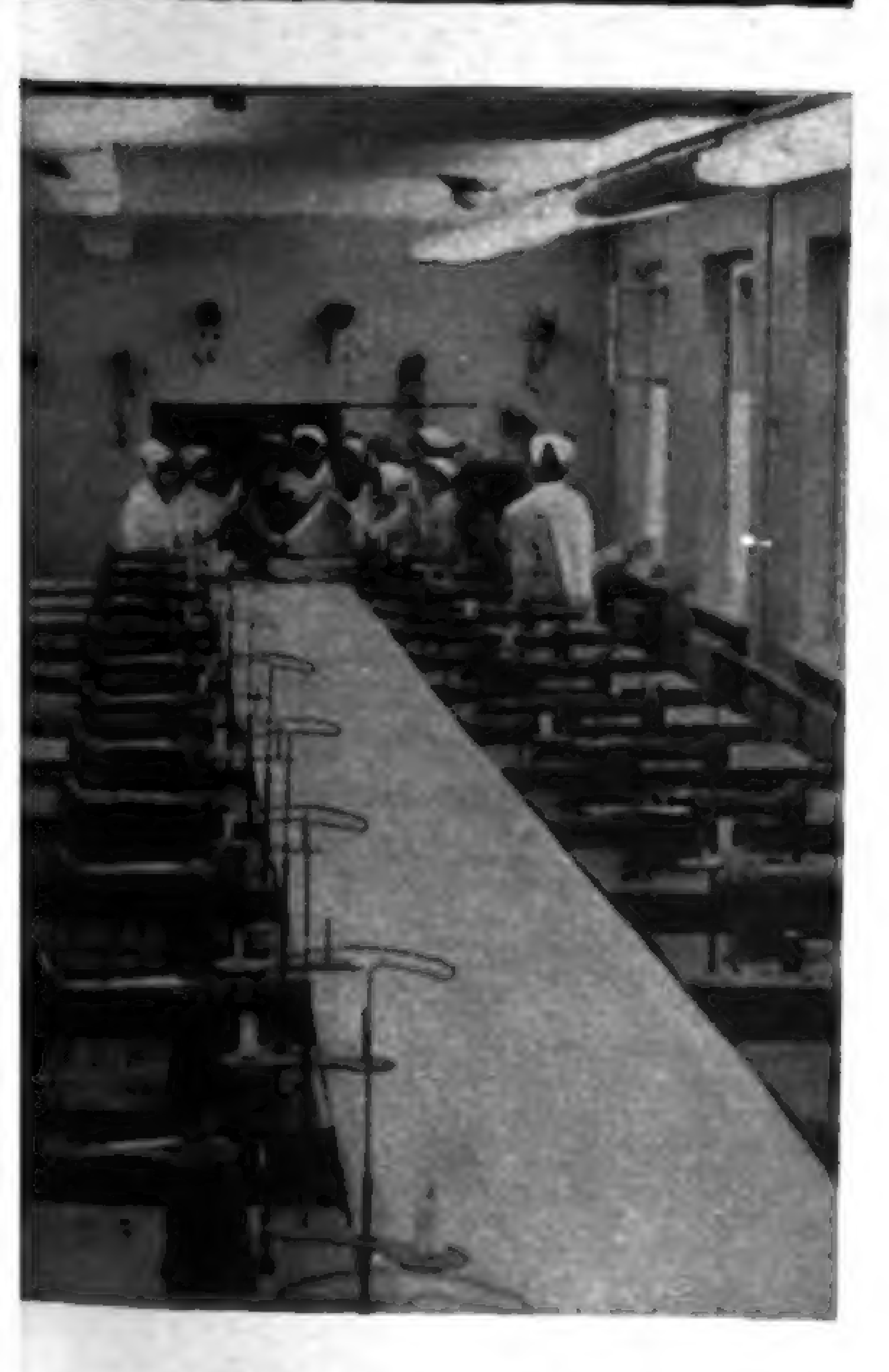

Мастер производственного обучения Светлана Сергеевна Вулкина и восьмиклассник Максим Грипас — намотчик трансформаторов.

Такие пропуска получает каждый, кто здесь работает...

Рая Неоманова — слесарь-сборщик. Она уже не школьница, она окончила десятилетку и пришла на этот завод. Работает и учится во Всесоюзном заочном машиностроительном институте.

Швейный цех. Перерыв между сменами.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.